

[Polaris]

СЕРГЕЙ БОБРОВ



СПЕЦИФИКАЦИЯ
ИДИТОЛА

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХХІІІ



Salamandra P.V.V.

СЕРГЕЙ БОБРОВ

СПЕЦИФИКАЦИЯ ИДИТОЛА

Прозроман ускоренного
типа

Salamandra P.V.V.

Бобров С. П.

Спецификация идитола: Прозроман ускоренного типа.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 162 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХХIII).

Роман поэта-футуриста, стиховеда, популяризатора математики и писателя-фантаста С. П. Боброва (1889-1971) «Спецификация идитола» – экспериментальное научно-фантастическое повествование о борьбе колоссальных финансово-промышленных объединений за обладание идитолом, веществом с измененной атомной структурой и небывалыми возможностями. Авантюрный сюжет, изобилующий неожиданными поворотами, погонями, взрывами, интригами и кровавыми столкновениями, позволяет автору испытать своеобразную повествовательную технику, близкую к кинематографической. Но в отличие от многих подобных советских романов, написанных в 1920-е годы – здесь нет и следа «торжества трудящихся», а наука обязана своими успехами капиталу.

© Author, estate, 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

ЕРГЕЙ
СПЕЦИФИКАЦИЯ
БОБРОВ
ИДИТОЛА

ГЕЛИКОН

СЕРГЕЙ БОБРОВ

СПЕЦИФИКАЦИЯ
ИДИТОЛА

ПРОЗРОМАН
УСКОРЕННОГО ТИПА

БЕРЛИН
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Г Е Л И К О Н
1 9 2 3

Посвящено
Любови Сергеевне
ПОПОВОЙ

ПРОЛОГ

Роман «Спецификация Идитола» написан таким образом, что ему необходимо предпослать некоторое пояснение.

Темой романа является история одного изобретения, не личная, так сказать, данной научной конструкции, а история взаимоотношений меж изобретением и обществом, которому оно должно служить. Изобретение это представляет собой род сильного взрывчатого вещества, где использована суб'атомная энергия. Имя вещества — Идитол. Идитол имеет перевернуть технику двигателей и детонирующих приспособлений. Автор не считал нужным давать читателю полное описание своего Идитола, ибо это всегда в таких случаях получается несколько малограмотно, а пиитическая свобода имеет свои счастливые права, в роде льва в Арденнах или кораблей, пристающих к Богемии, у Шекспира. В романе действуют трое изобретателей (Эдвард Идитол, инженер Порк и Ральф Родвиг), а также ряд финансовых объединений (синдикаты Осии Лавуэрса, Ован-Черри-Тринидад, банки Диггльса, Бразильский Флорин и др.), которые заинтересованы в возможности монопольной эксплуатации Идитола.

Борьба этих лиц и объединений за обладание секретом Идитола и составляет сюжет «Спецификации Идитола».

11 Января 1923 г.
Москва

С. Б.

СПЕЦИФИКАЦИЯ ИДИТОЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он дает знать о себе

Видишь, я твой, и не могу отступиться от
тебя, ты, многотерпеливый царь всего по-
руганного и распинаемого человечества.

К. Ф. Мейер

Синдикат «Трипль-Ойль»

Досчатая дверь скрипнула под ветром, фонарь глухо мигнул.

Тот, что сидел спиной к двери, обернул усатое лицо назад, потом сжал руки под столом.

— Итак, — обратился он к собеседникам, — значит по рукам?

— Можно, — густо и хрипло ответил рыжий налево, покачивая стакан с алкоголем, — можно-с... А все таки скажу: не верю. Все эти объединения — прах. Слишком много народа и масса дыр для буйволов. Полиция не даром так любит эти вещи. Если бы не наша компания, — он обвел рукой кругом, — право, я бы заподозрил, что тут не без буйволов.

Сидевший напротив оратора серый, длинный, с заячьей губой человек передернулся:

— Я за трестирование. Наша организация охватывает весь юг, не считая безработных и босарвы. Ваша (жест к рыжему) — все городское дело, сталь и квартиры. Признаюсь у вас лучшие мастера Старого Света... А вы (инициатору разговора) — пароходы, поезда, все, что на ходу, не считая чистых дел с женщинами и деньгами.

— Ну да, — сказал рыжий, — ладно там. Все это уж слышали. Кончать. Так — так так. Опасаюсь, — но рискнем. Электрическое кресло в конце концов — род мебели, и не больше того. Об удобстве его — разные мнения, но...

Инициатор громко хлебнул, протянул руки по столу и добавил:

— Название, как говорили: «Т.-О.», то есть «Трипль-ойль»...

Серый усмехнулся и сказал почти мечтательно:

— В память изящной операции в кладовой Ойль-Ко.

— Вот именно.

— Эта операция, — покачал головой рыжий, — стоила нам шести человек, а ведь мы не заработали ни гроша.

— Ну вот, — успокоительно сказал серый, — новое доказательство... Положим, вам было возмещено кое что... Но не будем считать, — добавил он, видя, что рыжий забеспокоился и приготовился возражать.

— Какую бурю подняли буйволы тогда.

— Что вы хотите. Ой ль—платит.

— И все токи они ни гвоздя не получили.

— На этом деле заработал кое кто и больше нас с вами: заработал больше всех Осия Лавуэрс, ведь на утро у Ойля не было ни монеты в конторе, Осия поддержал, и получил, что следует.

— До этого мяса еще никто не добрался, — сказал с яростью рыжий.

— До преподобной плоти Осия Лавуэрса. Да вы шутите... и двое захохотали.

2

Завтрак адвоката

Господин Андриэ сидел в пижаме за столом и просматривал газету. Он лениво прислушивался, как щebetала его супруга в телефонную трубку и изредка прихлебывал чай. Он передвинул теперь губами зубочистку, перевернул газету и, глянув, свистнул. Газета сообщала, что получены новые данные об ужасной катастрофе с океанским пароходом «Циклоп», который погиб па пути в Америку, потонувши ровно в 12 минут. Он увлек на дно океана до двух тысяч душ. Спаслось всего трое или четверо. Теперь один из троих дает показания. Они сводятся к утверждению, что пароход был потоплен миной. Мину бросил миноносец, вынырнувши из тумана без сигнала и флага и немедля покинувший место крушения. «Пираты в Атлантическом океане, — восклицала газета, — куда мы идем...» и все прочее.

Господин Андриэ задумался и отложил газету. Чорт возьми, ведь он тоже собирался в Америку. И вдруг... тут его глазам представилась картина осиротевшей семьи, некрологов и прочих посмертных удовольствий. Но что это, собственно, значит. Политический горизонт был чист, сколько это возможно для такой хрустальной вещи... и вообще: войну так не начинают. Положительно, это загадка — «Пираты в Атлантическом океане».

Он обратился с новостью к вошедшей жене. Она захотала. Она знает, ей сказали по телефону, — «ты себе представить не можешь...»

3

Капитан Бирро не двигается по службе

Он ходил, наш капитан, по маленькой комнатке, курил себе папиросу и говорил время от времени по телефону. Маневры — не война. Это дело веселое. Это вам не Верден и не Марна. Он должен получить махонькое повышение на этих днях. Не Бог знает что, а все таки.

У судьбы однако были свои намерения. Батареи капитана Бирро должны были расстреливать воображаемый флот противника, который появится с норд-норд-оста в виде громадных мишеней. Флот этот еще не появился. Надо полагать, он может появиться и с норд-оста просто, если сообразить откуда его ждут. Надо дать возможность уйти буксиру и пустить всю эту бутафорскую дрянь ко дну.

Все довольно просто. Телефон звонит, капитан подходит, приказывает открывать огонь и бежит на наблюдательный пункт. Мишени пришли — правда несомненно оттуда, откуда их ждали, но достать можно. С пункта видно издалека: офицеры командуют, прислуга бегаёт вокруг орудий, как угорелая, пушки палят и прыгают. Все, как следует. Капитан возвращается в домик и видит аэроплан над своей головой. Это «наш» аэроплан. И только что он входит, как

его зовут к телефону и противно любезный голос ад'ютанта из штаба говорит ему:

— Капитан, вы, конечно, помните, что в инструкции предложено стрелять по мишеням боевыми снарядами!

— Так точно, — отвечает капитан.

— Тогда, — говорят ему телефон, — вы может быть не откажете в любезности узнать, какой это болван у вас на батареях приказал бить холостыми и распорядитесь его арестовать... — и с этими словами цепь размыкается.

Капитан выбегает на наблюдательный пункт и видит, что мишени покачиваются на волнах, как ни в чем не бывало, хоть батареи и режут на всю округу. А аэроплан сигнализирует дымом штабу, что дескать — капитан Бирро дубина и его люди не понимают самых простых распоряжений. Капитан глядит на офицера и кричит ему:

— Да ведь это дурачье стреляет холостыми!

— Не понимаю, — пожимает плечами щеголеватый офицер, — звонил им уже два раза.

Капитан вскакивает в «галошу» мотоцикла и мчится на батареи.

— Что это за безобразие, — кричит он, — почему вы стреляете холостыми.

— Да какие же холостые, — говорит перепуганный офицер, — посмотрите.

И капитан убеждается, что стреляют боевыми патронами. Он багровеет: так-что же вы не можете попасть на семи километрах в неподвижную цель. Или снаряды не рвутся? Что такое, в чем дело.

На крик его сбегаются другие офицеры. Они смущены и взволнованы. Они пробуют об'ясниться: — все в порядке, но попасть нельзя, снаряды улетают куда то к чорту. Если бы были перелеты, виден был бы взрыв на воде, но ничего такого не видно. Солдаты посматривают кругом с усмешкой и делают вид, что не замечают, как начальство запуталось.

Капитан осыпает своих офицеров проклятиями, а те разводят руками.

Капитан мчится на пункт. Сам даст прицел. «Пропустить две очереди».

Мишени покачиваются на волнах, а снаряды улетают — куда то к чорту.

Капитан снимает фуражку и оттирает пот со лба.

Он глядит на офицера. Тот глядит на него.

Капитан Бирро, очевидно, не получит повышения по службе.

В это время вдруг около мишеней поднимается целая стена воды, раздаётся грохот взрыва и мишени сразу исчезают. Пушки молчат.

Капитан глядит на офицера. Оба близки к обмороку.

Капитану приходит в голову, что он не сумеет объяснить этот случай в штабе, если им донесут, как было дело.

4

Супруга клэрка Диггльского банка и ее новая шляпка

Клэрк Диггльского банка, обыкновеннейший Фьюрс, каких много на земном шаре, получил сегодня прибавку. На этом основании он спешил домой более чем обыкновенно и трамвайный бег казался нарочито замедленным. Он потирал ручки и усмехался. Что ни говори, а когда ты аккуратно работаешь, тебя замечают. Теперь можно сделать то-то и то-то. Правда, есть кое какие мечты, которые все же покуда что неисполнимы, например, к таким мечтам относится шляпка жене. Особая шляпка, она бы страшно шла ей, чорт возьми. Жена у Фьюрса была красавица по его мнению — и довольно смазливая девчонка с точки зрения его сослуживцев. Кроме того: что бы он стал вообще без нее делать. Это такая женка, что...

Фьюрс соскочил с трамвая и почти бегом направился домой. На повороте он налетел на какого то respectable-

ного мужчину с очень черными зубами и насмешливым видом.

— Простите! — сказал Фьюрс, остановившись и отдуваясь.

— Вы, повидимому, куда то очень спешите? — вежливо поинтересовался незнакомец, все же стоя у него на дороге.

— Вот именно, спешу, — сказал покрасневший Фьюрс, — простите.

— Пожалуйста, — сказал незнакомец, — не беспокойтесь. Я, напротив, никуда не спешу — и не хотите ли зайти в кафе, запить наше столкновение?

Фьюрс замялся. С одной стороны это странно, с другой, поскольку он виноват в том, что бегаёт по улицам как лошадь, отказывать неловко.

— Скажите, — добавил незнакомец, — не встречал ли я вас в Банке Диггльса. Если не ошибаюсь, в нейтральном секретариате условных текущих счетов?

Фьюрс попал в этот секретариат только сегодня и ошибка незнакомца поэтому была весьма лестной. Так или иначе, но в конце концов он решил, что четверть часа больше или меньше — разница не большая, и они пошли в кафе. Однако из кафе Фьюрс выполз не через четверть часа, а через полтора часа. Он был немножко пьян и мрачен до чрезвычайности. От его радости не осталось и следа.

Если подумать и рассудить: он сидит у Диггльса в банке четвертый год. Он всегда исполнял ревностно и аккуратно все, что ему поручали. Однажды даже он накрыл одного гуся с подложным аккредитивом и тем избавил банк от крупной неприятности. А аккредитив пролез уже через все инстанции, и не попадись он ему в руки, бродяга получил бы деньги — да и был таков. Он же всегда относился к службе со рвением — и потому заметил некоторые неисправности в подписях. Да. А другие этого не заметили. Ну и что же? Ну и в конце концов — да, он сыт, конечно, но у него одни костюм, у жены то же... а потом вот эта шляпка (она так мило надувает губки, когда говорит об этой шляпке). Да, а Эпсор катает на автомобилях или проигрывает целые кучи золота в бридж. А он должен мотаться на трам-

ваях и проч. Это — несправедливо. Но с другой стороны... нет лучше об этом и не думать. Это чорт знает что! И как он посмел, эта свинья? Подумать только: — устроить так, чтобы он мог пройти в стальную кладовую Диггльс-банка! Нет, дудки. А шляпка?.. Он сказал, что он ручается, что ничего имеющего реальную ценность не будет похищено. Подозрительная фраза. Он ручается далее, что через полчаса за этим Фьюрс с женой уедут в Сибирь, а оттуда в Америку — и ни один чорт их не найдет. Но — нет, это уж, знаете, слишком. А Эпсор со своим бриджем?.. а шляпка?.. а ферма в Америке?..

И вдруг он увидел опять своего недавнего знакомца.

Они остановились. Фьюрс честно выложил ему все, что он думает о людях такого типа, которые и т. д. Но через два дня Фьюрс и жена его уже сели на пароход, который отправлялся в Одессу.

5

Свяченица бобби

Полицейский Гелл влез сегодня домой без четверти одиннадцать. Он был в грязи, голоден, как собака, и весь мокрый.

Он уверял, что только сегодня понял, какая мерзость полицейская служба; вас гоняют, как чорта. Вы не имеете ни минуты свободной. Наконец, от вас требуют, чтобы вы рисковали вашей жизнью — во имя чего, во имя чего, спрашиваю я вас? Вот сегодня, извольте-с: несчастный Вильс отправлен в больницу и доктор сказал, что у него надломлен спиной хребет, как вам это нравится? Что будет делать семья? Пенсия! Знаем мы эту пенсию!

Однако, горячий ужин, вообще говоря, полезнее разговоров. Как бы ни была неприятна служба, но когда есть крыша над головой, еда и семья — терпеть можно. Чорт с ними, в конечном счете.

Но миловидная девушка, сестра жены Гелла, не соглашалась с этим. Все это гадости и ложь. «Знаем, — ответил Гелл с полным ртом, — ты ведь живая агитация справедливости. Когда твою милость сделают Министром Исповеданий, не забудь об нас грешных...» и захохотал. Девушка рассмеялась вместе с ним. Он добрый малый, этот Гелл, хороший муж и настоящий мужчина. Но нельзя быть таким снисходительным в вопросах, которые касаются жизни людей. Дальше суждение текло следующим образом... ежели он так думает, если он уступает судьбе кое-где, в нем есть что то от особой мужской слабости... Дело женщины поддерживать мужчину в этой его слабости. И она оглядела стол, встала и принесла ему горчицы.

— Где вы работали нынче, — спросила жена, с удовольствием наблюдавшая за его насыщением.

— Мм, — сказал он гримасничая, — в разных, знаешь ли, местах. Да, да... видишь ли, — и он понизил голос, — большие, бо-ольшие неприятности там, в сферах, все с ног сбились. Украли, понимаешь ли, планы какой-то крепости... Тсс... это очень серьезно. Мы гонялись за кем то на моторной лодке и ни беса лысого не поймали. Никто не знает толком в чем дело. Знает Вильс, да еще частный сыщик: я не знаю его — он поймал револьверную пулю в плечо. Вот как. Да, я не желал бы такого наглядного обучения.

— И это наверно ложь, — сказала девушка, — не верю, не верю. Планы крепостей воруют каждый день, и они только притворяются, будто это секрет, это секрет только для тех, кто будет умирать около этих их крепостей и в их бастионах... все подкуплено.

— Конечно, — согласился бобби, — оно — в этом роде. Но что поделаешь: служба. Должен быть какой-нибудь порядок.

— Гадости, — с негодованием отозвалась Анни, — этот порядок нам слишком дорого стоит. Почитай газеты (на это он энергично потряс головой: набитый рот не давал ему говорить) — да что там, ты почитай и увидишь. Люди гибнут и неизвестно для чего. Вот например сегодня: рекорд полета! Какое дело, этот рекорд, — разбилось три человека

в Панаме, все сгорели, уцелела только почта... кому она нужна, эта почта!

— Ну, — три человека...

Но в это время заверещал телефон, и когда бобби подошел к нему, его физиономия вытянулась. Опять итти.

6

Пираты Атлантического Океана

Никольс, комми по продаже мелких изделий из стали, после того, как оказался в числе трех людей, спасшихся с взорванного «Циклона» — неожиданно для себя стал знаменитостью. И, надо признаться, что слава за эти две недели ему уже порядком надоела. Ходят, ходят — он рассказывает им все одно и то же, они врут в газетах чорт знает что. Он лежит — правда, он ни в чем не нуждается — но эти ослы зарабатывают на его разговорах недурные деньги. Вон тот, например, из «Герольда» — на какие это он деньги покупает бриллиантовые булавки в галстух?

Сегодня, например, он рассказывал уже три раза, — опять все то же самое: как он стоял на верхней палубе и разговаривал с француженкой из Лиона, которая ехала на два месяца к тетке, как появился миноносец, как он не ответил на сигналы, пошел прямо на «Циклопа»; дежурный офицер закричал: «мина», и они улетели в пространство. Больше он ничего не помнит. Он очнулся уже здесь, в госпитале.

Пришла сестра и сказала ему, смеясь:

— Еще один пришел к вам.

— Ой, — сказал Никольс, — да ведь это, ей-ей, не леченье... Ну пустите, но, пожалуйста, больше не надо.

— Родственник чей-то, видимо, — сказала сестра.

— Эти еще хуже, — страдальческим голосом сказал Никольс.

Он вошел мелкими шажками и начал извиняться.

— Мне очень совестно вас беспокоить, и я понимаю, что вы больны, что вам нужен покой...

— Хорошо, — сказал, скосившись, Никольс, — а что вам хочется узнать?

Человек встал, притворил дверь и сказал почти шопотом:

— Видите ли: на корабле «Циклон» ехал один человек. Так просто будем называть его — один человек. Этот человек был послан одним, скажем, учреждением... Это видите ли, очень важное поручение. Он вез, этот человек, от этого учреждения — н-да... пакет. Небольшой. Я думаю, что он вез его в кармане пиджака, потому что это была не такая вещь... Этот пакет заключал в себе ценность неисчислимую. Примерно — она больше всех денег Соединенных Штатов... Так раз в двадцать.

Человечек заметил, что Никольс смотрит на него подозрительно, криво усмехнулся и сказал:

— Это все, конечно, очень странно звучит, но это — так. Человек этот (он оглянулся на дверь) был средняго роста (встал и посмотрел в окно, вернулся), одет в синий костюм, глаза светлые, волосы тоже, с проседью. Хорошо одет. Ехал вторым классом. Каюта 73. Справа, ближе к корме. Курил трубку. Играл в шахматы. Блондин. Левый глаз мигает, так — маленький тик. Ботинки черные.

— Ну, — сказал Никольс.

— Ну, и вот.. — тут на лице говорившего проступило отчаянье, — не видали ли вы на «Циклопе» такого человека.

— Нет, не видал, — спокойно ответил Никольс.

— Подумайте, — умоляюще сказал проситель, — если вы чтонибудь вспомните, я смог бы вам предложить...

Никольс махнул рукой. Все ему предлагали денег, если он сумеет как-нибудь доказать, что можно надеяться, что такой-то или такая-то не погибли.

— Это поручение представляло невероятную ценность. Я боюсь вам ее назвать: — цифра астрономическая. Да вы не сможете поверить. Он ехал вторым классом в каюте 73, играл в шахматы.

— Да знаете ли вы, — сказал потерявший терпение Никольс, — сколько народу едет с океанским пароходом?

— Конечно знаю. Не в этом дело. Видите ли, это обстоятельство нарушает расчеты целого ряда людей — ну и понятно...

Никольс откинулся на подушки и сказал:

— Я сказал вам все, что мог: я этого человека не видал.

7

Художник смотрит на улицу

Воскресенье палило город во всю. Градусов 30, не меньше. Февари протянул под стол ноги, нагнул голову и плюнул в противоположный угол. Попал с первого раза. «Угодники, какая скука!»

Он взял было в руки новый № художественного журнала, но там были напечатаны репродукции с вещей его лучшего друга... да, а это не так уж приятно видеть. Подошел к мольберту и отвернулся с досадой. Критика не умеет ценить талантов. Она и представления не имеет, что такое настоящее искусство. Взять бы хоть эту статью — ведь это сплошь...

Дома никого не было. Жара и скука. С улицы доносился ровный грохот города, утишенный по случаю праздника. Сел Февари опять и зачесал затылок. Надо куданибудь пойти. Но куда? В это время его привлек рев и крик, разгоравшийся на улице. Это что еще такое? Он подошел к окну, но тут ему стало так скучно, что он решил плюнуть на уличный скандал. Махнул рукой и пошел. Он решил пойти умыться и отправиться гулять.

В ванной перегорела лампочка. Он выругался и направился в кухню. Умылся, вытер лицо и, вытирая руки, подошел к окну. И — вдруг...

Он увидал, что по маленькой пустынной улочке с серыми гигантами железнодорожных складов бежит, задыхаясь и

громко стуча ботинками, человек. Он рослый, широкоплечий рыжеватый блондин, в сером клетчатом костюме, без шапки, лицо его огненно красно от бега, но белым пятном выделяются бледные губы и нос, глаза вылезают из орбит от напряжения, он бежит, как безумный — а за ним летит, нагоняет его велосипедист — полицейский. Скрыться бегущему некуда, а в конце улицы, за поворотом он наткнется на второго полицейского. На бегу он вытаскивает из внутреннего кармана пиджака что-то в роде кобуры револьвера. Февари передергивается, и его руки сквозь полотенце впиваются в подоконник. Человек поднимает кобуру к лицу. «Ой!», говорит Февари, догадываясь о самоубийстве — и неожиданно откидывается от окна, выпуча глаза от изумления, и приседает, чтобы заглянуть куда то повыше.

— Вот это так, — говорит Февари, сам не веря себе, — тихо пущено. Ничего не понимаю! Что такое, с ума я сошел что ли?..

Художник вел себя так странно потому, что он увидел следующее. Когда человек поднес кобуру к лицу, велосипедист был от него всего в каких нибудь 12-15 шагах и собирался уже половчее соскочить, чтобы схватить беглеца. Но тогда тот, прижав кобуру к горлу, вдруг вытянулся и унесся, как пуля, параллельно стене элеватора ввысь, задержался на миг у крыши, вскарабкался на нее и отдуваясь, пошел по скрипевшему под его ногами железу. Через полминуты он скрылся за скатом крыши, а полицейский прыгал вокруг своей машины и неистово свистал.

Февари подошел к зеркалу и спросил свое отражение, какого оно мнения о происшедшем. Но отражение пожимало плечами, подымало брови — и только.

— Для кино-комика это находка, — раздумчиво сообщил себе Февари, — но в большом городе, так сказать — серьезно... с настоящим полицейским... Извините!

Он прошел опять в кухню и, увидав толпу на месте происшествия и целую кучу полицейских, уверился в том, что он не бредил. Он сбегал вниз, попробовал было выяснить смысл события у одного из суб'ектов, составляющих толпу, начал было рассказывать, что он что-то видел, но к нему

подошел сзади какой-то прыщеватый человечек, нагло взял его за локоть и спросил:

— Вы знаете, где вы живете?

— Позвольте, — сказал художник возмущенно, — какого чорта вы спрашиваете...

— Ну так проваливайтесь, — ответил тот, глядя на него очень решительно, — и держите язык за зубами.

И легким толчком продвинул художника далее. Толчок был пустяковый, но после него Февари сообразил, что может быть не стоит лезть в эту историю.

8

Охота за шестью буквами

Директор Диггльс-банка Эпсор запер двери кабинета и вскрыл телеграмму. Прочитав, он положил ее на стол, достал из сейфа еще две телеграммы и прочел одну за другой. Первая гласила:

«Существо обнаружено стоп послезавтра».

Вторая:

«Шрифт обычный».

Третья:

«Иллинойс отделяется незначущими отписками подробно лично».

Директор прочел несколько раз эти слова, двигая пальцем по телеграмме, как будто читал по слогам. Затем он потер руки, уселся поглубже в кресле и устремился взором в потолок. На лице его поигрывали разнообразными настроениями, — некоторого удовлетворения, смешанного с чувством неясности, неопределенности и боязни за будущее. Затем он спрятал три телеграммы в маленький бумажник, уложил его во внутренний карман жилета и тихо отпер дверь, стараясь не шуметь ключом. На зов его появилась барышня, а вслед за ее исчезновением вошел некто, приличного

свойства и костюма, через который проглядывала военная выправка.

— Да? — сказал директор.

Тот наклонился к нему.

— Фьюрс исчез более основательно, чем это полагается для громилы. Полагаю, что не в этом дело.

— У вас есть какие нибудь основания для этого, кроме таких соображений.

— Косвенно. Квартира брошена слишком поспешно.

— Не так важно.

— Да, но все таки.

— Но нового ничего?

— Никак нет.

— Жаль.

И вслед за рядом посетителей появился еще один господин, на котором стоит остановиться.

Этот вел себя и более развязно и более таинственно.

— Наш агент явился, — сказал он.

— И что же, — спросил директор, рассеянно поглядывая на пальцы.

— Погибшего никто не видал, и ничего о нем никто не знает.

— Очень неприятно.

— Но здесь выяснилась одна маленькая подробность...

— А именно?

— Этим делом интересуется не только наша фирма, вот в чем дело.

— Вот как? — сказал директор с интересом, который показался агенту немного наигранным, так что он заподозрил параллельный розыск другой конторы по тому же делу, а потому немного снизил тон.

— Вот как, — повторил директор, будто бы овладев собой, — это требует рассмотрения.

— Совершенно справедливо, — угодливо лизнул его агент, — я так и решил, что вам это дело пригодится.

— Да, да, — сказал директор нетерпеливо, и агент подумал, что его подозрения неосновательны.

— Пока мы не смогли выяснить точно, — одно можно сказать: там денег не жалеют и...

— Насколько я знаю, вы не стеснены в средствах.

— О нет, — согласился агент, — но вы бы не стали, к примеру сказать, заказывать экстренный поезд и держать его под парами день и ночь, покуда не очнется Никольс.

— Чей же поезд.

— Дело сделано очень ловко, поезд привез целую компанию играть на скачках, но, поскольку люди, приехавшие весело провести время, или, лучше сказать, некоторые из них, не вылезают из вагона и держат живую связь с госпиталем, трудно не заподозрить. Еще кое что, мелочи, но в ту же сторону у прислуги госпиталя. И еще одна деталь, очень важная — там остались очень довольны результатом разговора с Никольсом.

— Естественно, — процедил директор.

— Да-с: то есть — или все или ничего, но это что-нибудь да значит.

— Это все, — спросил директор и отпустил агента, добавив, что если тому будет нужен экстренный поезд или целая дюжина таких поездов, то он может не стесняться, однако должен вести дело так, чтобы не возбуждать своими поездами подозрений.

Затем директор позвонил по телефону. Через полчаса к нему впрыгнула в кабинет очень милая женщина, одетая с большим вкусом, безо всяких претензий и ужимок, и сказала, протянув руку для поцелуя:

— Я надеюсь, Эпсор, что у вас осталась хоть чуточка совести и что сегодня есть что-нибудь важное, — милый мой, я из за вас бросила конференцию «Капли молока», это чегонибудь да стоит...

— Ну, — одна капля, стоит ли... Садитесь.

— Не шутите моей каплей, она стоит капли ваших крокодиловых слез, Эпсор.

— Да, это дорогая вещь, — признался директор, — стоит она, моя слеза... не меньше, чем ложку горчицы.

— Так, — сказала она, — а все таки?

— Все таки, — едем гулять, вот что.

— Ужас, — сказала она поднимаясь и ища глазами по комнате зеркало, — зачем я только вас послушалась! ну, едемте... мягкость характера — мой основной недостаток, и вы, кажется, знаете это.

— Я знаю ваш характер, — кратко ответил он, взяв шляпу.

— Это, кажется, намек — ответила она, выходя, — но у меня ужасно тугой разум па такие вещи.

9

Американский дядюшка и его дела с «Т. О.»

Глава фирмы Варфалло К-о, оливковый толстый человек с явной примесью цветнокожей крови, сидел в весьма располагающем к приятному времяпрепровождению месте. Плетеная качалка среди пальм, гаванна с полметра длины и какая-то анилиноподобная алкогольная смесь поддерживали его бездыханное настроение. Пробыв некоторое время в приятной неподвижности, он сдвинул ногой качалку, свернул короткую шею и достал пухлой жирноватой рукой письма со столика, вскрыл одно с европейской маркой и штемпелем воздушной почты.

— Мать Божия, — сказал он через минуту с негодованием, — опять этот ирод надоедает мне со своими письмами. Стоило пилоту ставить рекорд и гореть, чтобы привезти мне из Европы этакое добро! Клянусь ореолом святого Онуфрия, земля еще не носила подобного олуха... Сто раз говорил... сообщил через... сказал... не дам... не дам ему... ни полушки... кажется... кажется... Н-да, это не безынтересно... в конце концов... его отец, мой дорогой братец был не дурак... правда мать — стерва, но... но... но... Чрево господне, но ведь это пахнет хорошим делом... хорошим делом, я говорю... Я хотел бы разузнать, что это такое!

И оливковое тело снялось с качалки. Рыло оливкового тела выражало живейший интерес и пальцы сами собой

щелкали.

— Давно бы так: я ему всегда говорил... да и вообще — мальчик не дурак.

Барин проследовал в дом.

А через двадцать минут оттуда выбежал мальчишка негр, пустил камнем в птицу и понесся через улицу. Он вбежал в телеграфную контору и кинул служащему деньги и телеграфный бланк. Телеграмма была адресована правлению Банка «Бразильский Флорин» и исходила от фирмы Варфалло К-о. Кончалась она словами: «Подробности почтой».

Через два часа тот же негритенок стащил на почту ценный пакет по тому же адресу.

А ночью в четыре часа двадцать минут глава местного отделения синдиката «Триплъ-Ойль» принял от пары бродяг отчет и содержимое несгораемого шкапа основателя фирмы Варфалло К-о, который к этому времени лежал в своем кабинете с простреленной головой.

Это был первый дебют только что открытого отделения «Триплъ-Ойля» и дебют этот был удачен. Реализуемых ценностей было захвачено не менее чем на двадцать тысяч долларов золотом. Кроме того были расписки и бумажки, ценность коих выяснят в центре. Деловые люди редко держат в несгораемых шкафах негодные вещи. Правда дело было — «мокрое», с кровью, но кто же виноват, что эта свинья Варфалло вздумал ночью прогуляться и напоролся на них, когда они уж расплавили стенку шкафа.

Среди захваченного находилось и письмо, полученное Варфалло в этот день.

10

Буквы пойманы

Они вылетели на светло-серой машине за город, Эпсор и его дама, и, промчавшись с полчаса, достигли совершенно пустынного шоссе. Эпсор правил и замедлил ход. Шоф-

фера с ним не было.

Эпсор вынул свой маленький бумажник и передал телеграммы ей.

— Что вы скажете, Дэзи.

— Сейчас, — сказала она, хмуря брови.

— Не хмурьтесь.

— Не буду. Дайте карандаш.

Она взяла третью телеграмму, прочла ее еще раз:

«Иллинойс отделяется незначущими отписками подробно лично».

Она взяла у него карандаш и подчеркнула в первом слове первую букву, во втором третью, в третьем последнюю, в четвертом вторую и в пятом вторую, а в шестом первую. И по буквам прочла:

— И-д-и-т-о-л... Идитол... недурное словечко... Можно переделать, например, в — Тиолид или Иолдит... Так называется, да?

— Да.

— А что это?

Эпсор пожал плечами.

— Скаковая лошадь, новая туманность, средство для бюста?

Он улыбнулся:

— Повидимому... то есть, так мне кажется: взрывчатое вещество. Но с совершенно особыми качествами.

— На что же вам эта пудра?

— Разорю всех пушкарей и динамитчиков, их тресты и банки.

— Вы ужасно как жестоки, Эпсор... Но ведь, если ваши предложения о «Циклопе» правильны...

— Сегодня подтвердились еще раз.

— Так, если они правильны, дело до чрезвычайности серьезно?

— Очень серьезно.

— Вы уверены в служащих?

— Нет.

— Что же вы делаете?

— Три частных конторы следят за банком и друг за другом. Две наши, враждующие, одна французская.

— И все благополучно?

— Пока да, если не считать одного мелкого случая.

— А что случилось?

— Выкрали одну мелкую переписку, пустого свойства. Неприятно здесь то, что из нее узнают, что мы интересуемся Идитолом... меня дернула нелегкая сунуть эти бумажки в сейф, в кладовую. Но, сказать по правде, думаю, что это то обстоятельство — что мы интересуемся — им и раньше было известно.

— Кому им?

— Не знаю.

— Фу, — сказала она, — я уже задала вам триста три вопроса, ужасно тяжелая работа. Ну, продолжаем. Вы уверены в ваших конторах?

— Уверен в ситуации.

— Так. Но судя по бедняжке «Циклопу» в дело вмешано какое то правительство, миноносцы не продаются в «брика-браке»...

— Не думаю.

— Не думаете...

Пауза. Колеса автомобиля шелестят по шоссе.

— Но все таки, дело настолько серьезно, что вам, пожалуй, одним и не справиться.

— Нам обещана могущественная поддержка.

— Вот как. Еще один вопрос: зачем вы мне все это выкладываете?

— Вы мне должны помочь... через министерство иностранных дел.

— Слушайте, Эпсор, она немного побледнев, положила руку ему на плечо, он обернулся и поцеловал эту руку, краска пробежала по ее щекам, — вы знаете, мой мальчик, как я к вам отношусь, не правда ли... — она опять покраснела. — это давно, и вы не обидитесь, если я скажу, что я с этим уже примирилась. Но не просите от меня таких вещей. Это невозможно.

— Возможно, — ответил он, прибавляя ходу, — вполне возможно. Это всего лишь сделка, а в результате у вас года через два будет собственная яхта, свой поезд и так далее...

— Пустяки, — сказала она, — вы меня считаете за девочку, видимо.

— Напротив — сказал он, набавляя скорости, — совершенно напротив. Уверяю вас, что если узнаю, что ваше правительство заинтересовало в деле, я не помешаю ему... Чорт их всех возьми с их секретами: в конце концов социалисты правы, когда поносят тайную дипломатию. Нам, деловым людям, нет никакого дела до бюрократических условностей — правительства для нас, а не мы для них.

Эта грязь в мундирах глядит на меня, как на контору по сбору косвенных налогов, не больше, — а стоит нам всем мигнуть трижды, и будут сидеть другие... Вы не хотите.

— Нет.

— Вы думаете у меня не хватит денег, чтобы скупить всех секретарей министерства. Не хотите ли! — он вытащил из кармана аккредитив и сунул его ей в руки.

— Видите, кто это?

— Осия Лавуэрс.

— Эти деньги даны мне Лавуэрсом специально для Иди-тола. Но я хотел сделать дело чисто.

— Чтобы вас не накрыли...

— Да нет, — разозлился он, — на это дело уже налипло столько грязи, да и крови, что его нельзя больше так вести. Вот в чем дело. А если вы говорите со мной так, — то я должен еще покупать убийц, разрушать семьи и честную совесть тысячи маленьких людей.

— Вы предпочитаете разрушить мою.

— Чорт! — сказал он. — Я не буду больше говорить. Забудем. Едем домой.

Прощаясь, уже в городе, она наклонилась к нему и шепнула: «Хорошо. Я сделаю по вашему, Эпсор... но это очень нехорошо с вашей стороны. Я боюсь, что судьба вас накажет за меня».

Но он улыбнулся и сжал ей руку:

— Обязательно накажет, — сказал он, целуя руку, — это ее специальность.

11

Дважды и трижды пойманы

Эпсор дома убрал бумажки в стол. Потом передумал, вынул, переложил в сборник по теории страхования, сунул книгу на полку шкафа, запер и уехал. Перед тем, как сесть в автомобиль, он подозвал к себе какого то зеваку, таскавшегося перед его домом и сказал ему: с какого чорта вы здесь шляетесь? — а зевака вытянулся по военному и ответил не без робости:

— Мир принадлежит не одним банкам.

Эпсор захохотал и уехал. А зевака, подмигнув шокированным лакеям, быстро исчез.

Через три часа этот же зевака мелькнул тенью около вокзала. К нему в полутьме путей прилипла другая фигура. Они скрылись вдвоем за кучами угля.

Прошло с четверть часа: — они вдруг соскочили сразу оба сверху угольной кучи. Тот, на кого они свалились вдвоем, не успел и пикнуть. Он был прижат, локти закручены, пиджак сорван с него, весь он был ощупан. Они взяли его за руки и за ноги и раскачивали, пока не подлетел курьерский и не разорвал его на части, так как его бросили прямо под колеса паровоза.

Благодаря этому обстоятельству, Банк «Бразильский Флорин» получил известие об имени пудры Эпсора только через неделю.

Но «Большая Кредитная Ассоциация» имела сведения эти еще раньше, чем курьерский разорвал агента «Бразильского Флорина». Она то и передала их репортеру «Трибуны».

Совість Дэзи

Дэзи явилась к Эпсору через день. Ее лицо было измучено.

— Не знаю, — сказала она, — годится ли вам это, но кажется, что так... И Эпсор взял в руки донесение дипломатического сыщика о странной стрельбе капитана Бирро, который так таки и не получил повышения по службе. Это казалось капитану несправедливым и он говорил об этом довольно много. А дипломатическому сыщику надобно оправдывать свое жалованье.

— Вы умница, — сказал Эпсор ей, — оно самое. То есть такие штуки можно вытворять только с Идитолом. Но этот чорт изобретатель делает вещи и почище. Но вы понимаете в чем дело: у него агенты видимо. Или это уже в чьих то руках... эта штука то молчит почти по полгода, а то вот посыпятся такие вещи чуть не каждый день в разных концах света.

— Но если это у когонибудь в руках, то это очень опасно.

— Ну, конечно, — сказал Эпсор, перечитывая донесение.

— И ваш Идитол, очевидно, невозможная гадость.

— Все становится одинаковым в руках у человека, — ответил он ей.

— Это может плохо кончиться. Я боюсь за вас.

Он усмехнулся и показал ей рукой на проспект банка, где было выведено готическими буквами: «Осия Лавуэрс». Она покачала головой. И спросила:

— Но вы, по крайней мере, довольны?

— Очень. Ясно, что правительство еще ничего не чувствует. Это — главное.

— Как дорого стоит ваше доброе отношение, — промолвила она.

Он взял ее за руку и заглянул ей в глаза.

Она поглядела ему в глаза и сказала тихо:

— Вы значит меня никогда не любили...

А через час ее бешенные объятия, страстные слезы и крики, сказали ему, что она стала любить его еще больше.

13

Плебс сопротивляется

Газетчики разнесли слово «И д и т о л» по всему свету. Нивесть что писалось о нем. Оказалось, что это новый сорт динамита, что его купила какая то экзотическая республика и что строится по Жюль Верну пушка, которая будет стрелять Идитолом на луну. Вышли папиросы «Идитол». Конфеты, пудра, велосипеды и револьверы «Идитол». Были интервью с учеными. Один говорил о субатомной энергии, другой о нитридах, — это проще, но верней. Социалистические газеты говорили об Идитоле с ненавистью. Они уверяли, что это вовсе не взрывчатое вещество, а новый сорт искусственного горючего, приготовление которого очень дешево, и горючее это перевернет всю технику. Двигатель с Идитолом стоит дешевле дизеля, турбины, и даже ветряной мельницы. Эксплоатация понятна даже ребенку. Чем это кончится! — Зальют угольные шахты, бросят нефть и «белый уголь». Миллионы людей останутся без работы. По подсчетам «Красного Флага» на улицу будет выкинуто до тринадцати миллионов взрослых и подростков. Что это такое! Как вы думаете? Долой Идитол!

В ответ на эту агитацию в Америке забастовали нефтяники. Брожение шло повсюду. Стачки, массовые расстрелы и локауты. Расстрелы и стачки. Локауты и поджоги. Зашевелились и металлисты. Ибо Идитол, по сведениям социалистических органов, отменял железные дороги.

Никольс чувствует себя в центре событий

Никольс вышел из госпиталя и отдыхал. Он получил отпуск и шатался без дела. Он таки заработал кое что на этом деле. За что — он сам не мог сказать. Но ему платили за рассказы, и немало. Заплатили собственно трое. Но они много дали.

Он вернулся на родину. Зашел к себе в контору. Рассказал сослуживцам все сначала.

Был праздник и Никольс гулял. Как то он залез в рабочий квартал и проходя около манежа заинтересовался плакатом: «Долой Идитол» — он вошел и попал на митинг.

Манеж был набит битком. Духота невозможная. Никольс протискался и стал слушать. Охрипший оратор выкрикивал:

— Вот около меня сидит инженер Стифс. Он был так добр, что за недурное вознаграждение... (хохот и аплодисменты в зале: инженер тоже смеется) за скромное вознаграждение, говорю я, перечел, все что написано об этом новом средстве удушения рабочего класса. Он составил доклад союзу, из которого видно, чего мы можем ожидать от этой адской смеси, именуемой Идитолом... Товарищи, мы накануне нового натиска капиталистов, натиска решительного и последнего. Если у них здесь сорвется, они не выдержат. Что там говорить о техническом прогрессе. Почему это, чорт возьми, мы — именно мы — должны расплачиваться нашим мясом за этот прогресс? (гул одобрения и крики «правильно», «долой Идитол»). Инженер Стифс может вам подтвердить, что по его выкладкам, введение такого мощного технического средства, как этот собачий Идитол, при современном положении дела могло бы сократить рабочий день ровно на два с половиной часа. Так я говорю? («Правильно» — «долой капиталистов»). Товарищи, разве они собираются уменьшать рабочее время, — что мы видим вместо этого: локауты и локауты. Они пишут, что локауты

вызываются забастовками, — а почему не наоборот? («Вот именно»). Мы бунтуем, говорят они, — ложь и клевета: это они не хотят жить в мире с нами. А если они скажут теперь мне, что они думают, что это я не хочу жить в мире с ними, я отвечу: да, товарищи, я не хочу жить с вами в мире, — потому что после Пенсильванских гекатомб я знаю, что с вами жить в мире нельзя (аплодисменты и крики).

Затем говорит инженер Стифс. Он говорил гладко, примирительно, поклониваясь направо и налево, но и он сказал, что хотя он и не социалист, но полагает, что тот, кто использует гений техники («гений техники» повторил он не раз, упирая на это выражение) не для счастья человечества, тот поступает, мягко выражаясь, негуманно.

Засим вылез некто мелкий и странный, и Никольс вздрогнул. Положительно он где то видел этого человека, но где, где? Человек начал:

— По правде сказать я рисковую головой, собираясь сказать то, что скажу. Вы можете проломить мне голову, так как вероятно вы примете меня за ихнего агента («где же я его видел» — думал Никольс). Я вас спрошу о следующем — видели вы этот знаменитый Идитол, или как его там? Кто о нем врет? Газеты — а когда вы читали в них хоть слово правды? («Кто такой — шептал Никольс — видел, видел, говорил с ним... позвольте, позвольте...»). Я человек простой, никогда не ездил за пределы моей родины, не знаю, что творится в Америке («а! — сказал себе шепотом Никольс — вот это кто! это ты то не был в Америке? врешь, приятель!» и скажу, — никакого Идитола нет и никогда не было. Все это...

В зале поднялся шум. «Долой», кричали одни, «пусть говорит» — другие. Председатель звонил. Каждый имеет право высказываться. Не орите с места. Около Никольса протискался какой то тип в грязной клеенчатой куртке, с лицом запачканным углем и вонючей трубкой в зубах. Он толкнул другого малого в том же роде локтем в бок, а тот не оборачиваясь кивнул и сказал ему будто беспечно: «Да наши уж пошли!» Клеенка хмыкнула и исчезла в толпе. Никольс глянул на клеенку и подумал, что она ужасно по-

хожа в профиль на директора Диггльского банка. Но господин Эпсор, конечно, катается сейчас себе где нибудь, — чорта он здесь не видал. Ну и вонючий же табак у этого обалдую! Никольс вылез из зала и подумал: «Зачем собственно этот тип, который в Америке выспрашивал его так подробно о крушении «Циклопа» и о человеке, который вез от какого то учреждения некоторое важное поручение... зачем этот человек здесь... зачем он врет, что не был в Америке... и что ему за дело до Идитола... и почему это он думает, что все ерунда?» И, сопоставив все это, Никольс почувствовал, что он заглянул в какой то кратер, где готовится будущее пол мира, и ему стало страшно. Если бы он сказал об этом человеке, что он его видел в Америке, тому бы не сдобровать, но зачем? найдется еще дюжина таких же.

Около Никольса прошли двое рабочих с митинга.

— Ну, что ты скажешь об этой склоке, Джим?

— Да я скажу, что дело дрянь, Билли.

— Врешь!

— Вот тебе Святая Троица — нет. Если они выдумали, так уж они сделают, можешь быть покоен.

— А может все это брехня?

— А в Пенсильвании? — помяни мое слово, они уж начали! последи ка за биржей и у тебя волосы станут дыбом.

— Да ну!

— Ей богу. И знаешь, что я сделаю?

— Что ты сделаешь?

— Продаю все и уезжаю. Не люблю я пальбы, Билли, — это не годится для семейного человека. Вот что.

— Куда ж тебя черти понесут, пропащая ты голова?

— На Кавказе русское правительство сдает землю в аренду. Колонизация... У меня хватит на проезд и на участок.

— Ну — русское правительство!

— Все одинаковы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Он надвигается

Хотел бы я знать — где нам с тобой
купить доброе имя?

Сэр Джон Фальстаф

«Трипль-Ойль» не разбирается в бумажках

— Так он убит? — спросил член правления «Бразильского Флорина» у секретаря.

— Убит и никаких следов. Конверт нашли. Согласуется. Воздушная почта. Адрес «Варфалло Ко» и проч. Штемпель Копенгагена.

— Это я слышал. Кто убил, почему?

— Ординарнейший грабеж с расплавленной кассой.

— Вот что: разорвитесь пополам, но найдите мне этих убийц.

— Ничего не можем сделать, — вздохнул секретарь, — вся полиция на ногах и никакого толка.

— Выпишите сыщиков. Денег сколько нужно. Это важнейшая вещь на свете для «Бразильского Флорина».

А на расстоянии ста шестнадцати приблизительно километров человек с заячьей губой разбирал бумажки Варфалло Ко. Он глянул на одно из писем, и так как там родственник банкира просил денег, и больше ничего, да болтал что то сложно-техническое, непонятное о своем изобретении, — он глянул на бумажку пренебрежительно и сунул ее в стол. Потом вынул, посмотрел еще раз, покачал головой, сплюнул и бросил опять в ящик.

Варфалло действует

Финансовый синдикат «Южно-американская Акция» был живо заинтересован сообщением «Бразильского Флорина».

На одном из совещаний член правления Брафлора («Бразильского Флорина») доложил о достигнутых результатах. Диггльс-банк интересуется этим же. Нам было весьма затруднительно выудить у него имя состава, — но все таки выудили. Один из агентов исчез бесследно. Семья его обеспечена, — но отсюда видно, какие негодяи эти европейцы. Убить человека — и за что? Но нам не конкуренты европейские банки. В Америке никто об этом ничего не знает. Америка не верит в Европу, а это европейское изобретение. Что это такое? Да не важно что это такое — это то, из чего можно сделать достаточное количество денег, — вот, что это такое. Все ходы и выходы в это дело уже захвачены нами. Мы уже продали втихомолку все акции по нефти и углю. Была маленькая заминка по этому делу, но продажа была проведена осторожно. Но акции горячего последнее время лезут вверх? Пусть лезут. Посмотрим, где они очутятся через полгода. Не предполагает ли почтенная ассоциация Брафлор, что с горячим играют? Нет, он не думает этого. Для этого нет никаких оснований. Сейчас все дело в том, чтобы кинуть сюда все свободные средства. Вы, может быть, скажете что мы вкладываем деньги в призрак, в мечту, а как вам понравится Диггльс, который держал две недели экстренный поезд под парами этого дела?

Кое кто из стариков возражал. Положение биржи не таково, чтобы пускаться в рискованные операции.

— Я бы сказал, — говорил один из них, — что наши собственные акции ведут себя несколько странно. Это объясняется пробными шарами. Кто то пробует зубы на нас.

Брафлор считал это несущественным!

— Нефть знает, что мы ее продали. И пугает нас. А нам нечего их бояться. Они скоро треснут по всем швам.

Было намечено соглашение. В конце концов, как тень по воздуху, пролетело имя Осии Лавуэrsa.

Брафлор соглашался подумать и об этом.

По окончании собрания член правления Брафлора был отозван одним из людей осторожных.

— Слушайте, — сказал осторожный, — скажите мне по правде, не секретничайте: какова позиция Осии в этом деле?

Брафлор поклялся синим небом Бразилии, что он не имеет об этом никакого представления.

— Вы это серьезно? — на лице говорившего медленно, но верно проступал ужас, — но тогда это легкомысленно до последней степени!

— Осии в деле нет, — сказал член Брафлора, — можете быть спокойны. Он в Месопотамии и занят нефтью.

— Это ровно ничего не значит. У него есть уши везде.

— Ах, — ответил член Брафлора, — вы не знаете положения. Осия сцепился сейчас с Ланголонгом о нефти. Если бы он знал в чем дело, стал бы он тратить время на пропащее дело.

— Нет, — сказал осторожный, — не поверю ни за что: или все это дело выеденного яйца не стоит, или Осия в самом нутре. Ну, одним словом, не будем терять времени, узнайте все, что можно об Осии и телеграфируйте, ради бога, мне. Я не желаю идти на улицу. И вам не советую.

17

Дорожные неприятности

Рыжий основатель «Трипль-Ойля» плелся вместе со своим заячьегубым другом невядалеке от линии Тихоокеанской жел. дороги.

— Слушай, Лиса, — сказал заячьегубый рыжему, — наших ловят по всей Америке. Что это делается? Клянусь тебе моим задним проходом, буйволы рехнулись. Ведь мы же свернули пятнадцать отделений, — а травля разрастается и разрастается.

Лиса почесал затылок и сказал:

— Не знаю и не знаю. Мы здесь сократили все мокрые дела. Мы выбросили на улицу до шестисот человек. Производство сокращено до крайности.

— Я тебе скажу лучше, Лиса, — наших начинают хватать даже в Европе.

— Это гнусно, — ответил Лиса, — просто подло. Они натравливают на нас газетчиков, — а это, брат, такая сволочь...

— В Манитобе сожгли одного нашего молодца. И за что, скажите пожалуйста? — за разобранную стену и дело в полтысячи долларов. Это же просто глупо!

— Тсс, — сказал Лиса и остановился, — слушай-ка...

Они переглянулись и пошли поближе к полотну.

Вопил какой то человек с разбитым в кровь лицом, весь вымазанный грязью, около него лежало нечто — похожее на труп.

— Не вой, — сказал ему Лиса, — вот мы пришли. Не лай же на весь штат. Ты не больно то нам нужен. Не ездь, как сволочь, без билета и тебя не будут скидывать на путь. Вот и все. Однако тебе здорово заехали. А этот больше уж не будет беспокоить бригаду.

Вопивший поднялся с их помощью на ноги и рассказал. Вовсе он не ехал без билета. Ехал он в первом классе, как барин...

— Не притворяйся, что ты бариин, — посоветовал Лиса, — когда ты просто деревенщина.

Он вез поручение. Его ограбили до нитки. Сняли даже ботинки. Есть такие дураки-воры в Америке, что стали бы охотиться на двухдолларовые ботинки в экспрессе?

— Нету, — ответил ему заячьегубый.

— Ну вот и я то же самое говорю. И все таки — меня ограбили, как грабят какие нибудь нищие курды. И выкинули на всем ходу из поезда. Моего товарища и меня. Счастье мое, что я свалился прямо на него, а то бы я лежал с ним и не выл. Вам хорошо говорить человеку — не вой — когда у пего нет ни одной кости целой. Какие же воры, — это не воры, а много хуже. Сколько километров до станции? — да какого чорта я буду делать на станции! — Мне нужно отправить телеграмму, — а я же вам говорю, что на мне кроме вот этих кальсон и рубашки больше ничего нет... ой! — и он опять завыл.

— Ну, не вой, — сказал Лиса, — ты здорово влопался, говорить нечего. Пойдем, чорт с тобой — до фермы, а там посмотрим. Телеграф в пятнадцати километрах.

Пошли.

— Что это за поручение? — спросил заячьегубый.

— Да почему знаю, — ответил потерпевший, который еле тащился и поминутно останавливался, — эта сволочь только и умеет засовывать людей в дела, от которых за версту пахнет пулей в лоб... Мы следили за одной дамой.

— Э, — сказал Лиса, присвистнув, — ты значит просто сыщик!

— Частной конторы.

— Ну, — сказал Лиса, остановившись, — так ты тогда выбери себе дерево по вкусу, да мы и вздернем тебя тут же. Мы, видишь ли, не любим вашего брата. Впрочем, может быть, тебе телеграфные столбы больше нравятся?

Потерпевший сел на землю от этого предложения. Спросил:

— Так вы тоже из этой шайки.

— Нет, — сказал Лиса, — мы из другой шайки, если ты хочешь знать.

— Где вы работаете?

— Сегодня мы будем работать здесь, если это работа — повесить такую вошь, как ты!

— Моя фирма не занимается уголовщиной!

— Чем же она занимается, твоя фирма?

— Частными делами. Адюльтер и шантаж, главным образом.

— Какая фирма?

— Касснэ и Мильвокэ в Руане.

— Касснэ и Мильвокэ... стой ка... подожди ка... а ваша мебель?

— «Дессу принцессы».

— Кажется припоминаю. Это вы занимались делом Форенсбурга... о чем это было-то?

— Брильянты, Монте-Карло и фотографии дрянного свойства... я работал в этом деле.

— Ну, черт с тобой, ты не стоишь веревки. Но все-таки — ты опасный человек. Доведем до шоссе.

Через два дня он все таки выпростался из этого дела, этот несчастный. Он стоял у стойки телеграфного отделения и спрашивал нет ли ему телеграммы до востребования. Есть такая — «Обратитесь к Буррас в городе».

Буррас торговал швейными машинами.

— Хорошо, — сказал он сыщику, — присядьте. Сейчас все будет готово.

Через пять минут он получил триста долларов деньгами и чек на двадцать тысяч.

Буррас выдавал деньги, сопя и недоумевая, — эдакую кучу деньжищ такому оборванцу. Но этот грязный тип подходил под телеграфное описание и ответил на все вопросы верно. Бурраса все таки разбирало любопытство. Он спросил:

— А зачем это господин полетел в Месопотамию?

— То есть? — удивился сыщик.

— Вы знаете откуда деньги?

— От Касспэ и Мильвокэ в Руане.

— Так, — протянул Буррас, прочищая трубку, — в некотором роде от Касспэ. Ну ладно, вам ведь небось пора отправляться.

Они расстались.

Сыщик уехал, а на узловой станции его арестовали по обвинению в мошенничестве. Пока дело выяснилось, его угнали на восток, в город, откуда он предпринял свое путешествие. Там выпустили. «Советую вам уезжать из Америки, — сказал ему чиновник в тюрьме, — ваши приметы знает вся наша полиция».

— На что я вашей полиции!

— Это наше дело, — сказал чиновник, — только знайте, что поймать вас — минутное дело.

Вечером того же дня Эпсор получил очень неприятную телеграмму.

Брафлор идет на пролом

С акциями Брафлора творилось уже с месяц что то неладное. Брафлор стал задумываться. Если это оттого, что они продали нефть и уголь и отказали в кредите несколькими фирмам горючего... то ведь горючее, в конце концов, не их специальность. Все их платежи в порядке... В чем же дело?

К члену правления приехал тот, что допытывался об Осии.

Старик влез к нему в кабинет, уселся, огляделся по сторонам и сказал:

— Я все узнал: мы ломаем себе голову на этом деле. Лавуэрс скупает кругом нефть и уголь. Кроме того он скупает динамит, металлургию и верфи. Чем это пахнет по вашему? Идитолом, не правда ли?

Брафлорист не ответил. Старик продолжал:

— У нас совершенно случайно накрыли одного молодчика с его чеками. Подумайте — в нашей глуши! Этот гусь приехал попробовать насчет заброшенных сланцевых руд. Наши его подпоили просто из любопытства. А потом наши акции! Я же вам говорил, что не хочу идти на улицу, на старости лет! Смотрите, что делается. Это Осиины штучки. Говорю вам: сговоритесь с ним или мы пропали. Он доберется до нашей шкуры так, что мы и заплакать не успеем.

Брафлорист помолчал. Потом сказал:

— Теперь мы уж не можем бросить. Слишком много вбито сюда. Но все, что вы говорите — странно. Какой расчет Осии скупать нефть, если он думает об Идитоле?

— Как, какой расчет, — он не будет иметь конкурентов к тому времени, когда сможет пустить машину. Очень просто.

— Н-да, — согласился Брафлорист, — но у нас накапливаются сведения, и серьезные сведения. В конце концов мы сможем продать Осии — за хорошие деньги. Всю нефть

Осия не скупит.

— Бросьте, — сказал старик, вставая, — или я завтра продаю ваши акции.

— Мы купим их у вас, — ответил Брафлорист.

10

Один из героев

Дикая жара и духота жгла островок. Городишко был задушен на сегодняшний день. Инженер Порк вышел из конторы и поплелся, стараясь держаться теневой стороны. Он встретил знакомого.

— Я расплавлюсь скоро, — сказал тот. — Знаете, это не к добру. Это в роде того, что было в 1911, — кончится это торнадой. Барометр лезет, как свинья.

Порк кивнул ему и ушел. Он был не расположен рассуждать о метеорологических возможностях. Но он допускал, что может случиться и ураган, — какой только мерзости не может случиться на этом проклятом островище.

Порк был в скверном настроении. На службе у него не выходило. Ему ставили на вид, что он пропадает на радиостанции по целым дням со своими опытами, а не занимается делом. А его опыты клеились мало. Что они ему предлагают? — четыре миллиона долларов за его «П-21». За вещь, которая перевернет весь мир. Это смешно. Кроме того, он огорчался, что в газетах мелькали какие то слухи об изобретенном в Европе «Идитоле». Этот Идитол ужасно походил на его «П-21». Надо торопиться, иначе он останется с носом. Но он не может рисковать, семья и проч. Четыре миллиона! — это за семь лет работы, лишений и т. д. Благодарю покорно. Он зашел домой, перекусил и уехал на радио-станцию. Там за горкой у него были два сарая и погреб под одним из них. В сараях для отвода глаз занимались биологическими изысканиями три девицы. Это тоже стоит денег. В погребе, где был один глухонемой негр,

творилось волшебство «П-21».

Когда Порк вошел в погреб, его сразу охватил чудесный мир «П-21» и он успокоился. Громадный погреб освещался тихим ровным розоватым светом, который, казалось, исходит от каждого предмета. Громадные колеса вращались медленно и бесшумно, смазка прыгала в измерителе. Вольтметры покачивали свои стрелки. Маленький приборчик весом с пол килограмма, с неистовой энергией вертел на цепи привешанный двухтонновый стальной пень, так что тот описывал в воздухе восьмерку. По этому пню спокойно ползал другой приборчик еще меньше и — не падал. Два приборчика катались на колесиках взад и вперед без посторонней помощи и рыли землю в углу. Земля сгорала, обращаясь в истинное ничто без цвета и запаха при помощи третьяго прибора. Негр держал в руке стальной гибкий рукав, рукав тихо свистал, и этот свист прожигал дыру за дырой в четырехдюймовой стальной плите.

Порк остановился, но вдруг услышал вопли наверху, нахмурился и пошел посмотреть, что это делается.

Девушки были на дворе, они уже не кричали, стояли бледные и смотрели на главную гору островка. Над этой горой росло мрачно и медленно серое облако, оно вытягивалось ввысь, оно ширилось, что то глухо и далеко загрохотало, над горой повисла молния, облака разошлись и Порк увидел над своим Рогочахи, на который он недавно ездил с пикником — ту черную линию дыма, которую знает всякий по Везувию. В воздухе похолодело, стало темно, ветер пронесся над их головами, бросил вверх сорванные ветви пальм.

Над вулканом, который вчера еще был самой мирной насыпью в мире, стоял гром и стон, а низ линии освещался кровавым пламенем его горящих внутренностей. Порк отпустил неистово перепуганных девиц в город к своим, принес полевой бинокль и стал смотреть.

На море творилось что то невероятное. Он никогда не видал такой бури. Волны в пятнадцать — чтобы не соврать, даже в двадцать метров вышины — вздымались над городской гаванью, молом и набережной и грохались прямо на улицу. Повозка с быками на его глазах улетела в море в две

секунды. Но это было повидимому только начало, скоро валы бури начали промежаться уже не валами, нет — стенами воды. Такие стены шли не крутясь, почти без пены — они влетали в город, закрывали дома и выметали улицы начисто. Два кафэ на самом берегу взвились и рухнули. Вал раскрыл транспортную контору, как коробку, сняв с нее крышу. Еще один такой — и контора осела в волны. Суда летали по гавани гигантскими мотыльками, моря не было видно, — но вот невероятный вал величиной с три хороших вокзала, поднял океанский грузовой пароход, перемахнул его, как спичку через мол и набережную и втиснул между двумя домами. Ветер свистал и ломал деревья, а из вулкана сыпались раскаленные точки. Негр вылез из погреба и обратился к хозяину, быстро вертя пальцами и спрашивая — что это, конец мира?

Порк глянул на него рассеяно, вдруг улыбнулся, схватил его за руку и они полезли в погреб. «Это мысль!» — повторял инженер — «а ну ка, попробуем поговорить со старичком...» Они быстро вытащили наверх несколько странно и нескладно составленных аппаратов и установили их. Инженер притащил еще пачку записных книжек и быстро рассовал их по карманам. Снизу поднялся дым. Инженер и слуга подбежали к обрыву, на котором трудно было держаться от дождя и ветра, и увидали, что ниже, в полукилометре быстро летит к городу огневая река — лава — жгет все на своем пути и отрезает их от города. Инженер на миг побледнел, но какая то туча села над городом, земля застонала и заколебалась под их ногами. Они отбежали назад, танцую по земле, как на палубе, и бросились к аппаратам. Тотчас же между ними и вулканом образовался невысокий коридор, по которому не шел дождь, не вился дым и не летели ветки и прочая дрянь. Инженер направил свой аппарат в другое место и кругом них возник купол чистого воздуха. Словно невидимый колпак закрывал их от урагана.

Инженер поднял рукой рычаг, задержал, подумал минуту, перевел стрелки на чем то, похожем на часы, завинтил винтик и щелкнул. Тогда неистовый гул прорезал воздух, — они висели уже в воздухе и не падали, — земля закипела

под ними, как котел пены и они увидали по своему коридору (все было видно как на ладони): — от вулкана отвалилась вся правая часть его; громада земли, в несколько километров вышины, встала на дыбы, поворачиваясь все направо и направо, она вдруг остановилась, как будто подождала секунду, подумала... потом лениво переломилась по середине и ухнула вся вниз — с лесами, пастбищами, фермами, речками — вся она, миллиарды тонн — вниз, по направлению к городу...

И инженер Порк, который знал, за что давали ему эти несчастные четыре миллиона, — увидал нутро вулкана — ад всех адов и преисподнюю преисподних — трепет и ужас — смерть и огонь — он увидал, как целое Миссисипи огня ринулось на город. Он закрыл лицо руками и зарыдал. Его семья была в городе. Он думал побороться с вулканом — он одолел его, но труп врага, эта неистовая печень застреленного вулкана выпала и раздавила все, что он считал всей своей жизнью.

Он схватил в руки какой то длинный предмет с ручкой около проводников, что то в роде реостата, — и вот, он и негр — двое живых бывшего города Роголэнд — унеслись ввысь, в воздух, освещенные, как духи страха и смерти, огнем неизобразимого пожара.

20

Эпсор глупит

— Говорите прямо, — кричал бледный Эпсор одному из своих подозрительных приятелей, — отвечайте мне безо всяких уверток: сколько вы ему давали за Идитол, ну?

— Двадцать четыре миллиона долларов, — еле слышно ответил тот.

— Вы болван, — отвечал ему Эпсор, — вы жадная и негодная свинья, вы обманули нас, — вы достойны смерти, — и я поклянусь вам, что вы не уйдете из банка живым. Вы уз-

наете, что мы можем. Вы нам скажете, когда вам подпалют вот сейчас пятки, кем вы были подкуплены! Да-с!

Тот, к кому обращался Эпсор, был связан по рукам и ногам, около него стояли люди с револьверами в руках, а перед ним прыгал совершенно онеистовевший Эпсор.

— Разве вам не было предписано купить Идитол за любую сумму и не затягивать этого дела больше чем на двенадцать часов? Вы вырвали у нас из рук Идитол, как самый злейший враг наш, а кто вас сделал человеком, как не Диггльс-банк? Так то вы заплатили нам! Так за то — вы расскажете нам, какая сволочь затеяла через ваше любезное посредство бороться со мной и Осией Лавуэрсом. Жизнью моей клянусь, головой и руками, что я вытяну из вас жилу за жилой, пока вы мне не скажете! Кто? говорите — кто?

Бледные губы узника зашевелились. Слезы катились по его грязным щекам. Он пытался об'ясниться. Но страх перед пыткой и смертью, охватывал его чудовищными спазмами. Он никем не подкуплен, нет, нет. Но он признаётся, признаётся! он хотел обжулить банк, — он все говорит, он признаётся, — он хотел купить Идитол за гроши и нажать на этом. Вот и все. Разве мог кто-нибудь знать, что будет извержение? Там и вулкана то никакого не было. Может быть и извержение то началось от этого проклятого Идитола с его бесовскими чудесами... Он умоляет о прощении, — ведь все воруют в конце концов — он никогда не был замечен, ни разу... Уж лучше бы он погиб на этом адском острове, чем ему слушать все, что ему теперь говорят. Если бы ктонибудь знал, что он пережил — ведь он носился по волнам с бумом в руках шесть дней — ровно шесть дней: он это делал для фирмы, он знал, что его вознаградят, — и вот теперь... он зарыдал.

Эпсор круто повернулся и ушел в другую комнату. Он позвал за собой двоих. Он спросил:

— Что вы скажете, профессор? Может ли то быть — извержение от самого Идитола? а?

— Я не решился бы утверждать, что этого не может быть. Вспомните о разрушениях при взрывах динамита и прочего... подумайте, что же могло бы быть здесь? Ма-

ленькая неосторожность... она так легко могла случиться, поскольку вы имеете дело с веществом, которое вам знакомо не в совершенстве.

Эпсор обернулся к другому:

— Что он вам говорил?

— То же самое, что и вам, — ответил тот.

— Вы ничего больше не могли из него вытянуть?

— Нет.

— Может быть вы были не достаточно энергичны?

Суб'ект развел руками.

— По совести сказать, удивительно, как еще это он жив. Да ведь надо же соблюдать и необходимую осторожность, — если у него зайдет ум за разум, то от него тоже немного добьешься.

— Не давайте ему спать, — сказал Эпсор, — несколько дней... Потом оставьте на неделю чтобы отдышался. Держите одного. Может быть он еще заговорит. Как вы то думаете: — он врет или нет?

— Пожалуй, что и не врет, если не служил у того, кто его купил, — предполагая, конечно, что ваши подозрения оправдаются, — если он не служил у того всю жизнь.

— Н-нет, — сказал Эпсор, — это вряд ли...

И он выскочил опять к узнику, ударил его изо всей силы кулаком по лицу, вытер кровь с руки носовым платком и закричал:

— Так будешь ты говорить правду, продажная девка?

И слезы смешались на лице того с кровью и грязью, и он ответил своему господину и владыке:

— Я говорю правду.

21

Пожар обсерватории

Профессор встал из за стола, поцеловал жену, погладил дочку по головке и сказал:

— Прощайте, друзья, — я нынче наверно на всю ночь. Прощай, крошка.

Он доехал на трамвае до конца линии и пошел пешком по шоссе. До обсерватории было рукой подать, минут тридцать ходьбы, а экипаж нанимать каждый день не всякому по средствам.

Профессор вышел из трамвая и пошел пальмовой аллеей в полной почти темноте. Ничего не видно. Но профессор, слава богу, хорошо знает дорогу. Он ходит по этой аллее каждый день уже восемь лет. Восемь лет, — это чтонибудь да значит для науки.

Сегодня профессор был несколько озабочен. Он обнаружил в пространстве нечто, что не вошло ни в один звездный каталог — это раз, во вторых, он вчера узнал, что среди финансистов Южной Америки есть очень милые люди, обнаруживающие большой здравый смысл и большой интерес к астрономии. Они катались вечером недалеко от обсерватории и заехали взглянуть, как живут «люди науки». Кстати, один спросил, что это за штука мечется по горизонту... Эта штука и была, как раз тем, что занимало теперь мысли профессора. И как это они заметили!

В воздухе вверху раздался энергичный гул, и что то основательной величины пронеслось над аллеей. Профессор остановился, сердце у него забилося — может быть, это оно самое и... Нет, просто это дирижабль. Рейсы в Японию и больше ничего.

Профессор вошел в под'езд и разоблачился. Старенький швейцар взял у него пальто, шляпу и палку, как он делал это каждый день восемь лет подряд, и осведомился, как здоровье господина директора. Все благополучно. Его ждут. Хорошо.

В приемной, где сживали обычно студенты, быстро ходил молодой человек, щелкая новыми ботинками, поглядывая на электрические часы и останавливаясь перед картами и диаграммами. В настоящее время он стоял, свернув голову на бок, и разглядывал спектрограмму. Красивая штука. Из нее вышел бы недурной галстух, на худой конец.

Он обернулся к профессору.

— Простите, — сказал он, кланяясь и дожидаясь покуда профессор соблаговолит подать ему руку, — я от Южама («Южн.-Америк. Акция»), если вы не будете иметь ничего против, я побуду здесь и вы сообщите мне о результатах ваших наблюдений сегодня. Разрешите. Южама очень заинтересована в вопросе. Да и мне самому хотелось бы... Я, знаете, никогда не видал обсерватории. Деловое воспитание, что вы хотите...

Профессор не имел ничего против. Молодого человека повели в огромный, накрытый куполом зал. Там висели вверху огромные медные пушки, около них стояли высокие лесенки... подумать, какая масса денег тратится на это дело. Молодой человек проникся уважением к профессору. Если даже это и шарлатанство, то оно блестяще поставлено. Ему показали Венеру в большой телескоп. Молодой человек удивился, она очень похожа на луну, эта ихняя Венера, — а потом ничего не разберешь: — все едет, качается, ушлывает, играет радугой. Студент улыбнулся и повел его вниз к маленькому телескопу. Это другое дело. «Это Юпитер». Верно: — Юпитер, как Юпитер, он видел на картинке.

Но студента позвал профессор сверху. Господин директор был в изумлении. Он ничего не понимал.

— Мы решили, что это метеор... Это не метеор. Ничего похожего. Идемте к спектрографу.

Они спустились вниз. Служители принесли спектрограф. Эту махину навинтили на 86-дюймовый рефрактор — гордость обсерватории. Еще один — на громадный зеркальный телескоп, весь в балках, точно подъемный кран. Сбежались наблюдатели. Профессор об'яснял им что то, разводя руками. Он уселся к рефрактору. А с другой стороны, что то снимали, щелкали, тащили. Ужасная суматоха. Агент Южама потирал руки и поднимал плечи: ну и дела, — даже эти звездные черви, государственной важности зеваки забегали, — ну и дела.

Серенький человек отскочил от зеркального телескопа.

— Это не спектр, а чорт знает что, — вскричал он, — тут тысяч шесть линий! но это любопытно.

А профессор застонал наверху около своего рефрактора:

— Это невозможно, — сказал он, — у нас положительно невозможно работать. Призмы не протерты. Грязь. У меня исчезает поминутно вся средняя часть!

А серенький крикнул снизу:

— Спектр смещается, спектр смещается, он уходит от нас со скоростью электрона.

Агент Южама напряг память, но не мог вспомнить, какой это фабрики автомобиль называется электроном. Всех не упомнишь.

Профессор хлопнул рукой по лесенке и сказал служителю раздраженно:

— Это надо делать днем, а не сейчас! — и опять прилип к трубе.

Служитель, сбежавший с лесенки, бормотал себе под нос, что старик чудит: все чисто и вытерто.

Тут профессор и серенький человек оба разом замаха-ли руками:

— Пегий спектр! — крикнул серенький.

— Ну да! — ответил профессор.

— А что же это такое!

— Никогда в жизни... — начал профессор.

И тут что то ухнуло около них сбоку, пламя неожиданно вырвалось из стены — пожар! пожар! обсерватория горит. Профессор скатился с лесенки горошком. Серенького оттащили от телескопа силой. Он не хотел уходить. Да ну вас с вашим пожаром!

Все в огне, воздух залит заревом. Слышны мелодии рожка, колокольчики и крики — из города мчатся пожарные автомобили. «Боже мой, — говорит профессор, — моя обсерватория! моя обсерватория!»

Агент Южама выбежал на аллею. Опять неудача!

Он услышал шум пропеллеров и увидел вверху грузный облик уходящего влево дирижабля. Что такое, — Йокогамалиния сегодня запаздывает, повидимому?

Серенький стоял и ковырял в носу. Агент подошел к нему. Что это такое, этот метеор? Серенький не знает, что это

такое — у него громадное собственное движение, он лучеиспускает, его спектр показывает линии какого то нового элемента.

Шум пронесся над вершинами пальм — купол обсерватории обрушился и похоронил под собой все сегодняшние снимки.

Агент Южама с тоской глядел на это.

22

Испанская тюрьма

Усатый сгорбленный человек завернул покрепче вокруг шеи кашне и задумался. «Трипл-Ойлю» не везет. Недоставало только того, чтобы и его схватили. Какой то паршивый вонючий Агвилос, испанский городишка — и еще более паршивая тюрьма! Такой дыры он в жизни не видал. Тюрьма, — это дубье думает, что это тюрьма! Хороша тюрьма: — это свиной хлев.

И что за неотесанные громилы эти испанцы! Полицейский в конторе спрашивал его, что он думает о свинцовых рудниках, — чтоб ты сдох, анафема: попадись ты мне на воле!

Его схватили на дирижабле — из Гамбурга в Нью-Йорк. К нему привязался какой то нахал и начал лезть к нему с кулаками в самое рыло: — зачем он приставал к его даме, — он и в глаза не видал этой дамы. А потом они взяли его, два ражих немца, и без дальних слов швырнули в океан. Бух и готово! Как вам это покажется? скоро порядочному человеку нельзя будет никуда и носу показать.

Хорошо, он улетел в океан. Честное слово, — это тоже вещь в своем роде — пролететь тысячу метров по воздуху и ахнуть в ледяную воду. Признаться он и не думал вынырнуть. Но вынырнул. И его подобрала испанская канонерка. У него начался жар. Наверно он наврал чего нибудь в бреду.

Одним словом, он очнулся вот здесь.

В дверь застучали и его повели на допрос.

Черномазый следователь перекидывался шуточками с полицейскими. Они хохотали и показывали пальцем на него. Он немного маракует по испански. Ну да, ничего доброго он здесь не дождется.

Его допрашивали по английски. Ничего себе эта публика говорит на всемирном языке, это стоит послушать.

Допрос прервался. Следователь снял пиджак, жалуясь на жару, и послал мальчишку за бутылкой Опорто. Ему тоже поднесли стаканчик, — это просто портвейн, но недурной. «Есть такой у вас в Америке?» В Америке все есть.

Хорошо. Начнем сначала.

— Вся ваша шайка изловлена. Это вам известно?

— Я ничего не знаю ни о какой шайке.

— А это что такое? — и следователь показал набор инструментов для стали.

— Это вы везли на выставку в Чикаго? — не правда ли, ха-ха-ха!

— Я работаю в одиночку.

— По кладовым?

— Нет, по кассам.

— Вы расскажите мне о взрыве котлов на фабрике... на фабрике... чорт бы побрал эти американские фабрики с их богомерзкими названиями — Охлатома Мануфакчуринг...

— Ничего не знаю об этом.

— А об убийстве банкира Варфалло в Минас-Джеересе?

— В первый раз слышу.

На этот раз арестованный не врал. Он действительно ни об том, ни о другом ничего не слыхал.

Тот к нему приставал еще с полчаса все с тем же. Основатель «Трипл-Ойля» ничего не понимал. Тщетно он уверял следователя, что он специалист по кассам, и не полезет в мокрое дело — а рвать котлы, спаси его небо от таких штук. Где он работал по кассам, да везде. Хорошо. «Апсаньес, дайте ему перчатки», — и стальные поручни щелкнули на его руках.

— Теперь вы будете стоворчивей. Дайте ка мне портфель!

Следователь вынул оттуда что то в роде башмака и шибанул этой штукой своего пациента по голове. Вот это так! Он свалился с первого раза. Его подняли. — Как ему это нравится? специально испанское изобретение. А вы говорите, что в Америке все есть! — Он протестует. Он будет жаловаться американскому консулу. Следователь выпучил глаза.

— Ну, это уж нахальство, — сказал он, и дал ему еще раз, покрепче.

Через час его повели обратно. Сторож сказал, что этот следователь приехал только сегодня утром из Кадикса. Это важная шишка. Известен своей пронырливостью и дотошностью. Так что вам лучше признаться. Он сделает из вас котлету, но добьется своего.

Арестованный подумал, что недурно бы ему повеситься.

23

Диггльс банк завивает горе веревочкой

Два часа ночи. Машина вихлялась по улице так, что бобби отбежал в сторону и вынул свисток. Но она остановилась.

— Ссс-ушьте... это вы там... бобобби! Ну да... Ссушьте... а?

Бобби влез в машину. Сидевший там человек был пьян, как Барбаросса.

— Бобби, — сказал человек в машине, — вы че-чест-ный-на! — человек. Это видно по... по... ну вижу... то есть... а, бобби!

— Куда вас отвезти, — спросил бобби.

— К чо-ортовой бабушке, — ответил автомобилист, — только там еще я не был се-сево-одня... н-да-с... покрутили!.. на!

— У вас есть адрес?

— Вы... вы комик, бобби... адрес — это в роде галстуха, он у всякого — на! — на! — на! — огррррррррллл, — орыяя. — хага га. — грылылы.

Он вывернулся за борт машины и изверг часть поглощенного несправедно.

Бобби смотрел одобрительно.

— Так, — сказал автомобилист, отирая холодный пот с лица, — это лучше. Бобби, вы умеете править?

— Так точно, сэр, — ответил бобби.

— Вот, — сказал автомобилист и дал ему карточку. — Покойной ночи, бобби. Когда довезете, скажите ваш №, ладно?

— Хорошо, сэр, — ответил бобби и тронул.

Сэр перелез, икая и охая, во второе отделение машины, улегся вдоль, икнул и выругался. Засим заснул.

Ехали довольно долго.

Бобби честно привез его в полицейское отделение и сдал. Там дали шоффера и тело несчастного двинулось далее.

Это была дачка за городом. Там приняли тело не без сокрушения. Шоффер получил на чай и сдал № бобби.

В шесть утра Эпсор вышел из этого домика. Лицо его было сильно помято, после пьянства, но все же он был терпим, выбрит, умыт, сколько возможно.

Его ждал другой автомобиль. Поехали.

На повороте третьей, не то четвертой улицы некто шел и поплеывал на тротуар. Эпсор вынул из кармана записную книжку. Некто обождал пока его обогнал авто Эпсора, вытащил из за пазухи некоторое подобно пистолета и нацелился в автомобиль. И спрятал. А шоффер начал беспокойно оглядываться назад, замедлил ход и остановил машину.

— Что такое? — спросил Эпсор.

Шоффер вылез:

— Покрышка! Сейчас сменим... эх! и другая то же самое! Ловко!

Эпсор вышел из машины. Он доедет на трамвае.

Эпсор ушел, а шоффер возился с покрывками. Некто подошел, раскачиваясь к нему, присел, на корточки, потом скинул пиджак и начал деятельно помогать шофферу. Он обнаружил кое-какие знания в этом деле. «Да вы не шоффер лм?» — Нет, он механик, но сталкивался и с этим добром. Чорт знает что: по гвоздю в каждой шине!

Эпсор вышел за поворот, но не стал дожидаться трамвая, взял кеб и уехал.

Аэродром. «Готова машина для Бигерля?» — «Готова». — «Мы едем».

Моноплан унес его. Над океаном — на Запад.

«Где господин Эпсор?» — спрашивал тоненький мужчишка у швейцара банка, одолжив ему предварительно сигару и поговорив о тяготах швейцарской службы. «Уехали в отпуск, кажется, что в Биарриц...»

Тот же человек путем ничего не мог добиться от шоффера.

После этого он почесал в затылке, помотал головой педоверчиво и пошел на радиостанцию. У него там было неотложное дело. Биарриц... сказки это, а не Биарриц, — проверим, во всяком случае. Это не так трудно. В таких местах всегда есть наши молодцы.

24

Лиса становится порядочным человеком

— Так ты знаешь, несчастный, что такое радиосигнализация около несгораемой кассы.

— Ну?

— Дубина! ты еще и не подошел к этой анафемской кассе, как она тебе влепит пулю в лоб.

— Рассказывай!

— Пусть у тебя заведутся кролики в ухе, если я вру. Она чует нашего брата, как хорошая девченка с тротуара.

— Это же сатанинское дело.

— Есть!
— Так он и влопался?
— В самую точку!
— Его схватили?
— После того, как тебе всунут пол унца свинца в череп, ты ведь не станешь препираться с буйволами, не правда ли?
— Нипочем. Это против моих принципов.
— Вот. И он был того же мнения на этот счет.
— Я скажу тебе, Угорь, нам дьявольски не везет!
— Да, Лиса, над нами стоит пропеть мормонскую панихиду. Скажи-ка мне, а где — Сверло?

— Боюсь, что он сбежал. Если его только не маринуют гденибудь буйволы. Нет от него никаких вестей.

Ночью к Лисе постучались в окно. Первым его движением было бежать. Но у него было подготовлено кое что на этот счет. Он подтянулся к окну и спросил:

— Что нужно?
— Лиса? — спросили из за окошка.
— А хоть бы и Лиса?
— Хотите тысячу долларов?
— Положите на окно и идите к сатане на рога, покуда я не достал винтовки со стены.

— Ладно, — вы хороший малый, я вижу. Кладу тысячу на окно.

— Ей-ей, я снял карабин.
— Повестьте обратно. Я вам дам еще тысячу, если вы меня впустите.

— У меня только шесть патронов, а я так полагаю, что вас человек двадцать. Неудобно будет, если угощенья не хватит на всех.

— Я один, клянусь знаменем Штатов, Южной Дакотой и негрским мясом!

Лиса встал. Он вылез на крышу — и увидел в рассветной тьме, что действительно перед его окном вертится всего лишь один человек. Он разбудил своего Угря и впустил.

— Уф, — сказал тот, — и здорово же вы запрятались! третий месяц, как я бегаю за вами, как гончая собака.

— Я не ищу известности, — ответил царственный Лиса,

— скажу по правде: она мне противна. Это потому, что я противник смертной казни.

— Что делать, — ответил гость, — многие ее не любят. Ну вот что: чтобы вы не думали, что я враг: — ваш приятель, тот, у которого родимое пятно на лодыжке, говорит немного в нос и здоровые усы; — кажется, — я не утверждаю этого, — его зовут у ваших — Сверло, — так вот он сидит сейчас в Будапеште, и крепко сидит. Но он держится, и не выдает ваших. А он бы мог вас всех устроить на креслице... да. А то ведь и кое кто другой мог бы добраться до вас, как добрался я.

— Это еще полдела добраться, — ответил Угорь, — надо еще и выбраться!

— Пустяк, — сказал гость, вынул из кармана револьвер и бросил на стол, — вот и вся моя амуниция, пожалуйста.

— Ну-с, — сказал Лиса, покосившись на револьвер, — а дальше что?

— Тысяча долларов лежит на окошке; с той стороны. Вот другая, — он кинул на стол пачку билетов. — Осталось еще две, одна вам, другая мне на обратный путь. Вы люди серьезные и не станете заниматься пустяками.

— Ну, да, — ответил Лиса, который все мрачнел, — говорите-ка, в чем дело. И как вы до меня добрались. Вы от Стифлэта?

— Не угадали, — ответил гость, — от Монса из Бостона. Мы изловили дюжины две ваших ребят, если уж говорить по правде... но у вас прекрасно все устроено! — и большинство из них и знать не знали на кого они работают. Но все таки — я у вас. Советую вам переменить квартиру и кое что изменить в организации. Но не в том дело. В одном из ваших отделений было мокрое дело с банкиром Варфалло в Минас-Джеерасе. Помните?

Лиса поглядел на него и спросил:

— Вы думаете, я тоже служу в вашей конторе?

— Нет, — ответил гость, — я только спросил, помните ли вы. Как и что — могу вам рассказать. Так вот: среди захваченного было письмо от его племянника из датского города Ринкобинга, посланное через Копенгаген... оно при-

шло к банкиру в день его... скажем, кончины, и было похищено. Оно не представляет собой никакой реальной ценности. В нем идет речь об одном сорте быстро-горючего стеарина... техника, одним словом, вы можете получить за него ровнехонько двадцать пять тысяч долларов, как один пенс — и вам дадут возможность уехать из Америки туда, где вас не знают и не будут к вам приставать. Имейте в виду, что не мы одни заинтересованы в этом письме — и пока оно у вас, вам не дадут жить. Из вашего друга в Будапеште выжиливают то же самое.

— Если вы даете двадцать пять, — сказал Угорь, — значит письмо стоит не меньше пятидесяти!

— А если я предложу вам пятьдесят, вы попросите — сто, не так ли?

Они сговорились на семидесяти.

Лиса уехал за письмом. Сыщик был оставлен под присмотром Угря. Он был славный малый и они играли в домино. Но однажды Угорь хлебнул виски с содой — и удивился, как он быстро пьянеет. Когда он очнулся, этого прохвоста не было.

Угорь поджег ферму и позорно бежал.

Лиса ехал с экспрессами. Зайцем, чтобы не возбуждать подозрений. Его ловили. Определенно ловили. Но он был предупрежден сыщиком и не удивлялся, а вывертывался. Однажды он запутался. Его выслеживали на поезде. Он вылез на крышу вагона. Лежал и держался за вентилятор. Поезд был прямой и должен был мчаться минут сорок до остановки. Вполне достаточное время для того, чтобы изловить человека. Лиса был недоволен. Он видел, как затягивается сеть, куда он будет пойман, — эта сеть кончалась креслом. Кресло — есть род мебели, не больше. Но об удобстве кресла с электрическим проводником к спинке и ручкам существуют разные мнения. У Лисы же было очень определенное мнение об этом роде мебели.

Человек вылез из под вагона и уцепился за крышу. Не забудьте — все вертится и качается: экспресс делает 125 километров в час. Лиса сунул ему револьверную пасть в самый нос. Тот не испугался.

«Не бойтесь, я от Монса, — сказал он, — Лиса, сумеете вы удержаться на веревке, если вам ее кинуть с моста?» Лиса сказал, что он попробует. «Дело в том, — ответил вылезший из тьмы, — что поезд полон сыщиками и полицией, — и зачем вы на него полезли! — я не мог вас предупредить — вам не сдобровать, если останетесь! вон мост».

Лиса схватился за веревку и понесся в высь. В высь и в бок. Он полез по этой веревке, которая поднялась так, что образовала тупой угол с днищем моста. Вдруг она ослабла, сердце у него екнуло, он падал, — но тут его поймали и поставили на землю. Он был цел. Впрямь цел. Приятная неожиданность.

Лису посадили на аэроплан, — в жизнь он не катался на этой машине. Хорошее изобретение. Едут двое, — никакой полиции поймать нельзя.

Через день письмо к Варфалло было в руках сыщиков конторы Монса. Лиса получил семьдесят тысяч и под эскортом таинственно отправлен на пароход. Что вы думаете о Баллара? недурной городок — это в Австралии. С деньгами там люди живут не хуже, чем в Вашингтоне.

25

Что такое капитализм? Глава агитационного значения

— Едут, — сказал одни из рабочих, взглядываясь из под руки в пыльную даль, — вон они. Далеко то им все-таки не уехать.

Автомобили, пылившие на горе вдаль, действительно, вскоре остановились. Видно было, как оттуда вышли люди. Они вытащили велосипеды и поехали дальше, перебравшись через разрушенное шоссе. Но скоро пришлось бросить и велосипеды. Судя по жестам они ругались. Один вынул бинокль и стал смотреть. Он заметил рабочих. Он

бросил бинокль и стал показывать жестами рабочим, что им нужны лошади. Он очень картинно влезал на свою трость и гарцовал на ней. Рабочие замахали шапками, и через три часа гости были на фабрике.

Лучше было бы сказать на том, что осталось от фабрики. Взрыв котлов разнес всю округу. Но фирма была не из тех, что боялась несчастий. Казалось, что тут то им и впрыснул чорт под кожу какого то допшинга. Они — из конторы — работали день и ночь. Электростанция была разрушена, они наделали смоляных и нефтяных факелов, чихали и плевались, но рылись в книгах, писали, считали, говорили по радио с городом. Они выгнали всех живых на работы, работали без смен. Они просили и кричали, молили и угрожали. Сам управляющий стал на колени перед партией, которая падала с ног за разборкой разрушенного корпуса. Ведь он тоже ничего не ел уже два дня — а он работает. Они отдают все галеты рабочим. Ей-богу, у них ничего нет. Но каждый день стоит денег, и не пропадать же нашей фабрике! Работайте, ребята, сколько хватит сил — если кто сдохнет, семья будет обеспечена — дети будут в хороших учебных заведениях, жены с пенсией, и законные и гражданские. Провалиться ему — управляющему — если он врет. Ведь он сам — человек служащий.

Ладно, чего там, они работали. Нечего врать зря.

Они были еле живы. Ничего не было. Ни воды, ни еды, ни черта. С ума спятить можно.

Приехавшие слезли с лошадей. Двое. Остальные придут пешком. Больше не было лошадей на заводе. Конюшня как раз была за котельной. Яичница вышла из наших лошадей, вот что я вам скажу.

Директор, молодой еще человек, поздоровался с рабочими, которые были поближе, за руку. Когда тебя прижмут, так ты начинаешь понимать человеческое обращение. А где ты раньше был? А кто наслал на нас целый поезд со штрейкбрехерами? Кто уставил прокатный цех пулеметами? Кто завел стражу с магазинками? Сволочи вы — и больше ничего!

Ладно. Собирайте всех в сталелитейную.

Директор говорил не очень гладко. Он здорово трусил.

— Сегодня в три часа дня, — сказал он, — придут два дирижабля с едой. Там будет и немного народа. Как только вы сумеете прочистить шоссе и путь — всего будет вдоволь. С другой стороны работают железнодорожные рабочие и шоссе́йные команды. Но добраться до фабрики — почти невозможно. Все, что можно, будет сделано. Отправка дирижаблей стоила пятьдесят шесть тысяч чистога́ном — они отравили их. Семьи погибших будут обеспечены. Раненые получают пособие и отпуск. По выздоровлении их возьмут на прежние места безо всяких разговоров. Кого задержат — пусть приходит прямо ко мне. У нас есть сведения: это не случайность. Это не несчастный случай. Компания просит рабочих сохранить присутствие духа. Компания заплатит, как только сможет.

Рабочие говорили глухо и тяжело. — Почему компания не принимает мер? Что это за котлы? Это не фабрика, а мушоловка! Сорок пять человек из котельной сварились живыми, — не хотите ли пойти посмотреть. Сколько народу завалено кирпичом и землей — этого и не сосчитаешь. Это преступление. Они требуют расследования. — «Расследование будет!» — крикнул директор. — Вместе с нами? — Хорошо, вместе с вами. — Ладно. Они потребуют наказать виновных. Делегатам в конторе директор показывал какие то таинственные бумажки. Вот в чем дело. А вовсе не в котлах. Рабочие глядели на это недоверчиво. Бумажки вредные, это верно. Но вы хотите выкрутиться — и свалить дело на конкурентов. А на самом деле котлы были неисправны. «Хорошо, — говорит директор — остался ктонибудь жив из котельной?» — «Джимс, кочегар». — «Давайте сюда Джимса, кочегара».

— Говорите нам, Джимс, были неисправности в котлах?

— Нет, — отвечает Джимс, — все было в порядке. Не забудьте, дело было в понедельник, а в субботу вечером мы все осматривали, как и полагается.

— Хорошо, — говорит один из рабочих, — ты не робей, а говори, как следует: ты же сам говорил, что в пятом номере были слабые трубы?

— Да, — отвечает Джимс, — это верно, насчет пятого.

— Позвольте, — спрашивает инженер из города, — ну это в пятом, а отчего взлетели остальные?

Этого Джимс не знает. Вот-с. То то и дело.

Он уговорил их, одним словом. Но расследование все равно будет. Обязательно. В три часа действительно пришли дирижабли. Серые, громадные, с роскошными кабинками внутри. Бархат сидений был заложен бумагой и брезентом, а все равно все было выпачкано хлебом, мукой и прочим добром. Еда есть. Это уже лучше. Три доктора, сестры и медикаменты. Ладно, чорт с вами. Когда вы три дня не жрали, — то свинина с бобами, это я вам скажу...

Кто помоложе, бросились на розыски. Поймали с дюжину бродяг. У одного что то нашли. Их повесили в лучшем виде, всю эту сволочь. Тут некогда разбирать. Небось кирпич не разбирал, кого он заваливал!

26

Метеор упал

Инженер Порк остановился. Он ходил по пустынному берегу острова, сжимал руки, ругался и плевался. Запас «П-21» почти исчерпан. Что делать, восстановить без новой лаборатории нельзя. А где ее взять? — Нужны деньги. Уж лучше было бы, пожалуй, согласиться на четыре миллиона, чем в'ехать в такую историю.

Негр принес убитую птицу. Они стали разводить костер.

А в какой культурной стране может опуститься он на своей огненной колеснице, не привлекая всеобщего внимания?

Это очень просто — развести костер. Пустое дело.

Два часа они бились над этим делом.

Инженер вылез на скалу и стал смотреть на море. Он прищурился и поднял палец вверх. Была — не была, надо рискнуть. Иначе он пропал.

«В о р», — это словечко для грудных младенцев. А у него не воровали в продолжение всей его жизни работу и здоровье, превращая в яхты, автомобили, виллы и батистовое белье для женщины,— что?

27

Бобби жалуется на неблагодарность

К о т, — обыкновенный серый дымчатый кот — шел по карнизу. К сведению товарищей зоологов: — этот идилический кот не занимался зоопсихологией и условными, сословными и безусловными рефлексам, потому он — думал, этот мой кот. Настоящий антропоморфический кот к вашим услугам!

Карниз был широкий — сантиметров 35, крытый оцинкованным железом, — для животного вашего роста самая удобная дорога. Вы идете и машете хвостом — направо, потом налево, направо, потом налево. Вы можете сразу махнуть всем хвостом, а можете только кончиком, изгибая хвост по кубическому уравнению: очень интересно, — при этом у вас получается несколько наивный и глубокомысленный вид. Вдруг что то хляснуло нашего приятеля по спине. Кот подумал (не забудьте, что это был настоящий антропоморфический кот), что это птица, присел, но о н о вытянуло его еще раз и довольно ощутительно. Кот выругался на чистом котовьем языке и отскочил. Ага! — это веревка. Значит сейчас будет и человек, если он чужой — лучше ретироваться. Но впрочем, сейчас темно, а эти кошки, меняющие шкуру по желанию и бегающие на задних лапах, ничего не видят в темноте. Посмотрим, что будет дальше. Внизу мелькнул огонек, мелькнул и потух, мелькнул и потух. Ага, он знает, что это такое, — белый огонь, который носят в ноге и который не жжется, даже если его прижмут вам к самому носу. Ветер донес ему запах этого человека, там внизу. Чорт, — (он так и сказал «чорт», не забудьте, что он

был антропоморфический) — чорт, — буркнул кот, — это чужой. А если чужой приходит не днем и его не поднимают в клетке, которая летает в середине лестницы, может всякую минуту подняться драка, а также и искусственный гром, при помощи которого двуногие кошки уничтожают все живое и себя самих в том числе. Все таки надо вынюхивать, чем это кончится. Еще веревка, тоненькая. Если он начнет мяукать, то спугнет все это дело. Стоит или нет. А вдруг чужой слопаёт все, что есть в доме?

Толстая веревка завертелась. Вот это так! — это так называемая «барышня». Почему ее несет нелегкая по веревке, вместо того, чтобы лететь в клетке, где можно сесть на мягкую лавочку, и дожидаться, пока клетка не долетит до низу и не отворится дверь? Он пискнул — на всякий случай, она поравнялась в это время ногами с карнизом. Он слышал ее тяжелое дыхание. Услышав писк, она сказала волнуясь «боже мой!», нащупала ногой карниз и подозвала кота. Он подошел и мурлыкнул. Отчего бы ему, в самом деле, не подойти к собственной барышне: — она веселая и добрая, пускает спать на кресло и дает молока. Она погладила его (ее рука тряслась, это странно, но в конце концов это ее личное дело) и спросила его, узнал ли он ее? Конечно, узнал, странный вопрос, — в доказательство он ткнулся ей мордой в руку, нащупал выдвинутую костяшечку руки и прошелся по ней, — носом, губой, щекой до самого уха. И запел: урр и мурр — урр и мурр — и так далее. «Ты не должен кричать, — сказала она, — ты ведь хороший добрый котик, не правда ли?» Ну хорошо, он не будет кричать, — а зачем ты лезешь по веревке, это что за новости? Но она сделала вид будто не понимает вопроса. Она погладила его. И стала спускаться ниже. Когда лицо ее исчезало за карнизом, она попросила еще раз, чтобы он молчал.

Он побежал бегом по карнизу, добежал до дерева, смерил глазами расстояние, прищурился и прыгнул. Листья зашумели вокруг его. Цап! — и он сидел на суке. Спустимся. Оттуда лучше видно.

Человек дожидался ее внизу. Он подхватил ее и снял с каната. Потом он дернул тоненькую веревку и канат сва-

лился вниз. Они говорили. Она вытирала глаза. Кот (антропоморфический, вот ведь в чем дело) не понял разговора. Она говорила, что не хочет уходить. Зачем она тогда лезла по веревке и просила его не шуметь? Человек говорил, что он понимает ее. А зачем он тогда обнимал ее и уводил помаленьку все дальше и дальше? Она говорила, что не может, — он взял ее на руки и унес. Это кот понял. Если она не врёт и действительно не может идти, то ее надо нести. Верно. А засим он отправился гулять. В конце концов лучше не вмешиваться в людские дела. Они всемогущи, они все знают и все имеют, а когда у них начинается какаянибудь катавасия и бедная кошка подвергается им под горячую руку, — ей влетает на орехи так себе, здорово живешь. Посмотрим, что будет завтра.

На завтра полицейский Гелл показывал плачущей жене записку своей свояченицы и говорил:

— А я тебе говорю, что это добром не кончится. Я знаю, что я говорю. Поклялись мне, что ты сумеешь это прибегречь про себя, и я скажу тебе про это самое!

Она поклялась.

— Знаешь ты, кто он такой? Я не имею права этого говорить, но я скажу, чтобы ты знала, что ей будет: — это опаснейший анархист, его приметы сообщены по полиции уже с полгода. За ним охотятся сыщики, наши да еще частные конторы с континента. Это динамитчик. Ему на роду писано кончить жизнь под мушкой. Мог я пускать к себе в дом такого человека? И как ты думаешь, если их накроют вместе, — куда мы полетим с тобой? Что ты мне теперь прикажешь делать? Если я буду молчать, значит я с ними в стачке, не так ли, — а если донесу, то она пропала, а меня спросят, чего я молчал до сих пор! Не угодно ли тебе сказать мне, что я должен делать?

Она свалилась в кресло и плакала навзрыд. Кот решил, что он свалил первоклассного дурака вчера на карнизе.

Нельзя никогда доверяться людям, которые приходят ночью и не через под'езд. В следующий раз он будет мяукать, как оглашенный.

Гелл сел и стукнул кулаком по столу.

— Это черная неблагодарность, — сказал он, — разве я плохо к ней относился? Разве я не старался помогать ей всем, чем мог! А кто в этом виноват, — ты, конечно, как мне ни неприятно говорить тебе это, вот что! Почему ты ее не отговорила?

— Как тебе не стыдно, Гелл, — сказала она плача, — ты же знаешь, что я ей всегда говорила, что она должна тебя слушаться. Но что же ты с ней подделаешь, когда она всегда была такая пылкая, что прямо ужас! А он ей набил голову разными сумасбродными мыслями о счастья людей и всяком таком...

— Счастье людей с динамитом! хорошее счастье! это черная неблагодарность, — повторил он, — черная неблагодарность... А что я буду делать, скажи-ка, ежели вдруг мне же да и придется их арестовывать? Там ведь не будут спрашивать отчего это я такой пылкий. Он приехал из Дании, этот молодчик, — очень просто, что он еще и шпион...

28

«Бразильский Флорин» начинает трустить

Член правления Брафлора был в большом затруднении. Они ухлопали на это дело с новым взрывчатым веществом массу денег. Они так увлеклись погоней за этим делом, что у них под носом выхватили несколько самых выгодных дел. Их вытесняют с биржи. И вот последние неудачи, явно относящиеся к Варфалловскому взрывчату: метеор не мог быть прослежен, так как кто то поджег обсерваторию, — поджог установлен. Убытки не очень велики, но время было упущено. Письмо к Варфалло, которое стоило стольких денег, как выясняется из вчерашних телеграмм, ничего не дает, так как молодой человек бежал из Дании, где его преследовали за убеждения. Чорт навязал такому человеку, который несомненно будет в свое время миллиардером, какие то убеждения! Кончил бы свое дело,

а потом мог бы чудить в свое удовольствие. Его почти что накрыли в Англии, но он вывернулся и опять исчез. Сыскная контора успокаивала его, — но что значат их успокоения, им разумеется не хочется терять дело! Владелец конторы уверял его, что есть основания думать, что изобретатель убежал из Англии не один, и можно полагать, что его спутником была женщина. А тот, кто спутался в таком деле с женщиной, обязательно влопается. Это спорно, — разве не было женщин, которые обделывали такие дела еще лучше мужчин?

Осия определенно надвигался. Он еще не добрался до них, по его заключениям, — но он связался теперь с Большой Кредитной Ассоциацией, и связался не на шутку. Это было дело его рук, этот ужасный взрыв в Охлатоме, где погибло около полуторы тысячи людей. И как это было ловко сделано! На другой день после взрыва упали Охлатоме, а за ней упали и Бекасы (акции Большой Кред. Ассоциации) ровнехонько на 14%. И теперь Бекасы нижают по всей линии, а на фабриках, связанных с БКА волнения не прекращаются. Газеты травят Охлатому за отсутствие технического надзора над котлами. Конкуренты собирают среди своего персонала деньги для бастующих фабрик Охлатомы. Охлатома летит вниз. Бекасы падают. Осия с'ест всю эту публику и не поморщится.

Их начинают задевать из Эквадора, где есть большие нефтяные фирмы, которые теперь связались с Осией. Еще немного и Осия настигнет их. Правда, тайный консорциум охватывает почти всю Бразилию, но от них отступятся, если увидят на горизонте Осию. Да если и не отступятся, — что этот консорциум сможет сделать с Осией? Смешно и думать.

Порк расправляется с буржуазной моралью

Экстренный выпуск «Уорлда» сообщал о новом несчастье на нефтяных приисках, связанных с БКА: взорваны семь буровых вышек (погибло триста пятьдесят человек, убытки семьсот тысяч долларов, пожар еще не ликвидирован), взорвана контора приисков; взрыв был так силен, что здание конторы целиком поднялось на двадцать пять метров над землей и разрушена стальная кладовая с ценностями. Расследование производится. Есть основания думать, что взрыв связан с прибытием в Америку шайки динамитчиков, поклявшихся уничтожить всю буржуазную культуру. Аресты и обыски в связи с этим по всей стране. Надо положить конец этим забавам, — мистер Тукер, как ваше мнение? Мы не можем позволить, чтобы честные труженики уничтожались тысячами во имя каких то завиральных идей.

В хронике петитом отмечалось, что над Небраской вечером того же дня пронесся метеор.

Через две недели из Флориды ушел на юго-восток пароход, зафрахтованный доктором Томсоном. Корреспондентов не пустили на борт, им объяснили, что это полярная экспедиция.

Корреспондент «Трибуны» заподозрил неладное, — отчего бы не пустить газетчиков на полярную экспедицию. Он нагнал их через день на моторной лодке. Его вежливо попросили отправиться к чорту. Он ушел и нагнал их еще раз ночью. Они шли без огней, но когда он приблизился к ним на километр, они зажгли прожектор, нащупали его и обстреляли из самой настоящей трехдюймовки.

Корреспондент помчался к берегу, и вслед этой публике пошел контрминоносец с весьма определенными инструкциями. Но, когда контрминоносец прошел сотню километров по указанному направлению, у него испортились сразу все электроприспособления и он, с размагниченным ком-

пасом и бездействующим радио, еле-еле добрался до берега. «Трибуна» много писала об этом. Осия действовал, и он привлекал больше внимания, чем странный случай с корреспондентом. В конце концов не надо совать нос, куда не следует.

Порк добыл все, что ему требовалось. Через три месяца все будет восстановлено. Посмотрим, сколько ему заплатят на этот раз! А то ведь нетрудно будет произвести и над банками ту же операцию, что и над нефтяными вышками БКА.

В деловых кругах не сомневались, что история с Флоридской «экспедицией» относится к деяниям благочестивого Осии.

30

Диггльс-банк против «Бразильского Флорина»

Брафлору удалось втянуть в свое дело правительство. Это тоже стоило денег. В результате, в ночь с 17 на 18 августа бразильские войска «вторглись» в пределы Перу и перешли границы Эквадора сразу в пяти местах. Перу заявило протест, но ей было уплачено (злые языки поговаривали, что будто бы даже обеими сторонами) и с этой стороны ничего неприятного не ожидалось. Мирное население на «театре войны» потирало руки и заводило текущие счета в банках, — они получали недурную арендную плату за место, занятое окопами, за испорченные поля, а также и за землю для закапывания тех дураков, которые дали себя убить на этом деле. В европейских газетах напечатали известие о новом конфликте между экзотическими республиками. Европа ничего не замечала, пока не подорожал кофе и не произошли какие то неприятные заминки с Гамбургскими фирмами. Тогда дюжина прилично одетых людей села на крейсер и под эскортом восьми дредноутов, восемнадцати истребителей и двух отрядов субмарин отправилась к берегам Южной Америки разбирать это дело. Когда

с набережной Рио увидели дымы вестников мира, и когда эскадра отсалютовала городу, — у большинства аборигенов было такое впечатление, что их взяли на цугундер и довольно крепко.

Член правления Брафлора был очень нервно настроен. Вот что такое Осия, — он повелевает миром, и ему ничего не стоит прислать к вашим берегам эскадру в сорок вымпелов, если вы станете ему поперек дороги!

Он принял европейского корреспондента. Тот заявил, что он прибыл с секретным поручением. Брафлор стал слушать.

— Время дорого, — сказал квази-корреспондент, — я буду говорить прямо, если позволите. Я от консорциума европейских банков, заинтересованных в Идитоле. Вы стоите у нас на дороге. У вас есть кое какие сведения. Пустяки в общем, но есть. Хотите вы покончить это дело миром? Тогда получите десять миллионов долларов и бросьте это дело.

Член правления Брафлора задохся от удивления.

— Позвольте, — сказал он, очнувшись, — да кто вы такой, что говорите со мной в таком тоне?

— Я Эпсор, директор Диггльс-банка. Вы выкрали у нас первую переписку об Идитоле стальной кладовой в ноябре прошлого года через клэрка Фьюрса, вы...

— Вы ошибаетесь, — ответил Брафлор, — мы не могли ничего сделать в ноябре, потому что...

— Не будем спорить, — ответил Эпсор, — говорите прямо: хотите вы десять миллионов, а если хотите больше, то сколько?

— Десять миллионов я могу дать хоть сейчас, — добавил Эпсор и показал ему чек. Брафлор глянул на чек и побелел. На чеке была подпись:

— «Осия Лавуэрс».

Эпсор продолжает

Директор Диггльс-банка не мог понять, каким образом Брафлор решился отказать ему наотрез. Правда он чуточку сглупил. Для вящего эффекта он показал своему собеседнику в окно картину эскадры на горизонте, но они оба увидели, что там происходит какое то движение и движется еще вереница военных судов. Брафлор глянул на него удивленно и позвонил по телефону. Ему ответили, что это эскадра Соединенных Штатов. Это было не совсем в пользу Эпсора, но и не во вред ему, конечно. Однако, поскольку это не выясняло обстоятельства, это мешало. Не к чему было припутывать сюда эскадры. Да, — еще этому идиоту принесли при нем телеграмму. Но все таки...

Брафлор задумывается о загробной жизни

Он приехал домой, член правления Брафлора, пришел в кабинет и перечел телеграмму, которую получил при Эпсоре. Телеграфировал из Сан-Франциско его старинный клиент, который пугал его Осией и умолял не спутываться с Идитолом. Телеграмма гласила следующее: «Держитесь сколько возможно, выезжаю сегодня, должны выиграть, имею точные сведения».

Он совсем было приготовился торговаться с Эпсором, как ему подали телеграмму. Он схватился за нее, как утопающий за соломинку. С Эпсором он, в сущности, не мог сторговаться. Ему надо было получить, чтобы заткнуть все дыры около восьмидесяти миллионов, а война могла повысить в любой момент эту цифру до какой угодно величи-

ны. Выторговать же чтонибудь в роде ста миллионов — и думать было нечего. Оставалось бороться до последней возможности. Эта возможность могла быть исчерпана — завтра или послезавтра. Эпсор доказал ему это с цифрами в руках.

Брафлор терял голову. Он скинул пиджак и вылез на балкон.

На горизонте дымили две эскадры. В хорошее дело они влипли!

Он вошел в комнату. Сел за стол. Вынул из стола браунинг и осмотрел его. Все в порядке. Написал на бумажке: «Прошу в моей смерти...» Потом остановился, смял бумажку, расправил, перечел. Разорвал на маленькие кусочки. Встал, поглядел в зеркало и испугался. Да его надо свезти в сумасшедший дом!

Приподнял револьвер, нацелился в вазу и — выстрелил. Ваза с грохотом упала на пол и засыпала ковер осколками. Желтенький патрончик, вылетевший вбок, скатился с дивана и упал на пол, к его ботинкам. Он брезгливо отодвинулся.

Приставил револьвер к виску.

У него вдруг что то оборвалось внутри, он почувствовал, что задыхается, выстрелил и в то же время дернул рукой и присел. Его голову обожгло. На него посыпалась штукатурка и разбитый хрусталь люстры.

В дверь застучали — что есть мочи.

Он выстрелил еще раз — зачем и куда? Туда — в Осию! В Эпсора! Во всю эту сволочь, которая хочет его погубить.

За дверью кричали и стучали.

В Осию — еще раз. Тра-аах!

В Эпсора — бу-ббах!

Тра-ах!

Бу-ба-баах!

Трик-трик-трик... это еще что такое? обойма вся.

Он запустил револьвер в книжный шкаф.

Отворил дверь.

Сказал плачущей негритянке: «Не пугайтесь, Марта, ради бога, все глупости!»

— Я разнервничался. Принесите мне воды. И уберите...

33

Свояченица бобби знакомится с жизнью

Как они добрались до этой Гуанкавелики она подумать не могла. Она и представления до сей поры не имела, что значит быть женой анархиста. Ровно два с половиной месяца сплошного панического бегства. Она чувствовала, что связывает его по рукам и ногам. Их выслеживали с изумительной систематичностью. Здесь они сидели в покое уже две недели. Всюду в остальных местах им не удавалось пробыть и двух дней. Когда же это кончится? Тогда, когда он закончит работы по своему изобретению. Но для этого надо иметь покой и деньги. Покоя им не давали. Деньги еще были, но через месяца два их уже не будет. Их — не будет. Просто и ясно.

Теперь она понимает, что говорил Гелл, когда уверял ее, что она рискует головой на этом деле. Вчера он пришел домой совершенно разбитый. Его дядя умер.

Он мог бы рассчитывать на наследство, если бы... если бы он не был анархистом. Зачем же они ехали сюда?

Он замечательный, она его любит, жизнь без него — бессмыслица, он научил ее любить и быть счастливой. Он весь любовь и счастье. Он друг миру. Он осчастливит мир... если... если ему позволят это сделать.

Но она только стесняет его. Он сам не знал, какой бешеной известностью пользуется он у полиции. Он думал, что если покинет Европу, то преследования закончатся. Не тут то было, — в Америке их преследовали гораздо более ожесточенно. Он уверен, что крушение поезда, на который они опоздали, было устроено специально для него. Что ж, это возможно. Она никогда не могла думать, что на одного человека может свалиться такая куча злобы и ненависти. Что она может сделать? Она только мешает ему.

Его обвиняют газеты в ряде взрывов в Америке. Глупая ложь, — он в первый раз приехал сюда. Он никогда не вылезал со своим изобретением. Раз только он побаловался, когда они уехали на две недельки на континент — там, на маневрах, он сделал это, чтобы позабавить ее, они сидели на пляже и умирали со смеху — и это никому не принесло вреда. Ей и сейчас смешно, как она вспомнит, какую умогательную рожу соорудил этот офицер, когда увидал, что его снаряды не рвутся. Лучше всякого кино!

Да, но все таки, — что делать?

К ней пришла соседка и позвала к себе. Ей было страшно идти. И он просил не выходить никуда. Но она настолько была измучена этими одинокими мыслями, что решила пойти на четверть часика. Все равно, если уж выследили, так поймают и дома. У соседки был чай, фрукты, сладости. Они болтали о всяких пустяках, и у нее отлегло от сердца. Потом пришел племянник этой женщины. Он был очень мил, очень хорошо одет и прекрасно говорил по английски. Он был в Англии. Это замечательная страна. Он социалист. Они премило провели время.

Ей надо было идти. Он проводит ее. Нет, лучше не надо. Ну, что вы — отчего же нет? Ну, они выйдут вместе. Хорошо? Они прошли вместе два дома. Потом их обогнал очень тихо ехавший авто, он наклонился к ней и спросил, что это у ней с глазом. Она удивилась. Он зажал ей рот платком, схватил ее за плечи. Ей послышался противный-противный яблочный залах — точно сквозь сон услышала она, что ее положили на автомобиль, машина дернула... и... и...

34

«Секрет Идитола»

Эту книжку написал инженер Стифс. Он свел с замечательным терпением воедино все толки и известия об Идитоле. Его тон очень изменился, после того, как ему отказа-

ли от места на заводе, где он работал. Им не нужны социалисты. Прекрасно, он пойдет туда, где они нужны. Он сделался левым из левых после того, как убедился, что не может нигде достать себе работы. Теперь он работал в кооперативной хлебопекарне. Он перестроил топку и удешевил производство. Но его коньком был Идитол. Он написал толстенькую книжку. Ее выпустила партия. Книжка шла на расхват. Он вскрыл там захватническую политику Осии Лавуэкса. Пусть все знают на что способна эта позолоченная свинья.

Один человек прочел эту книжку с большим вниманием. После этого он решил, что сломал дурака: вещь сделали до него,— все его мечты перевернуть мир своим изобретением не могут осуществиться, покуда это в руках капиталистов. Он был удручен. Что же он старался? А беденькая, ласковая, терпеливая Анни...

Другой со злобой кинул книжку под стол. Инженер Порк.

Третий прочел со снисходительной улыбкой. Какие пустяки, боже мой! И в тот же день Стифс получил телеграмму с советом не писать книг о том, в чем он ни черта не понимает. Телеграмма была подписана «Эдвард Идитол».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Его поймают

Каменные панцыри, разбиваясь, производили такой же страшный шум, какой слышался, помнится, когда большая С.-Этьенская Башня, находившаяся в Бурже, растаяла на солнце.

Рабле

Брафлор одурачен

Член правления Брафлора с завязанной головой сидел в кабинете и с напряженным вниманием слушал своего старца-клиента, сыгравшего такую большую роль в его борьбе с Осией.

Тот говорил почти шепотом.

— Ну вот, — сказал он, — ясно ли вам отсюда, что с Осией кто то борется? И не ряд мелких банков или фирм, а громадная невероятная сила, которая его сломает? Понимаете ли вы это?

— Кажется, что так... кто же это?

— Вы не догадываетесь?

Брафлорист отрицательно покачал головой, внимательно глядя на собеседника.

— И вам ничего не приходит в голову?

— Да нет.

— Так я вам скажу — это... право, даже дух захватывает... это: Ован-Черри-Тринидад?

— Что? — закричал, вскочив с кресла, Брафлорист.

— То, что я вам сказал.

— И вы меня морочили этой чепухой две недели! Вы — вы — и никто другой заставили консорциум пойти на все! Из за вашей телеграммы мы послали к чорту этого Эпсора, который предлагал мировую! Да вы с ума сошли!..

— Да что вы, — изумился тот, — да я...

— Ах, что такое: вы вытащили на свет эту глупую басню, это пугало онколистов, этот Ован-Черри-Тринидад, которого нет, не было и никогда не будет! И этой чепухой... Боже мой, — право вам стоит всадить пулю в лоб... да и мне тоже...

— Успокойтесь, — сказал тот, насупясь, — вам угодно все таки меня выслушать или нет...

Брафлорист бессильно опустил на кресло и махнул рукой.

Газетчики за работой

Для чего в просвещенном мире существуют газеты? — для того, чтобы вы могли за полчаса узнать все новости. Если новостей нет, они приготавливаются. Если есть, но неинтересные, то на то вы и газетчик, чтобы из навоза масло бить.

В это самое время у газетчиков было достаточно всякого добра. Идитол, это раз. Психопаты Идитола, это два. Осия, Осия, Осия. Забастовки на нефтяных приисках. Война в Экуадоре. Наша эскадра прибыла в Рио. Диад идет на уступки. Металлургические опять поднимаются. Паника в Гамбурге. Осия едет в Америку. Франция думает о нефти, — долой Францию. На Кавказе повышается выход нефти. Долой Францию и русское правительство. Металлургические опять поднимаются. Осия уже приехал. Осия вышел на берег... Осия сказал нашему корреспонденту... Министр колоний в Бельгии влопался, — эта свинья живет с своей горничной: вот вам портрет этой распутной твари, — скажите, положи руку на сердце, — стали бы вы спать с такой девкой? Долой Бельгию. На нефтяных приисках расстреляно сто сорок человек, это сделано для того, чтобы вы могли спать спокойно. Керосин повысился в рознице на два пенса. Это не дороговизна, а кон'юнктура. Охлатому под суд, БКА под суд. Да здравствует Осия, это неправда, что мы подкуплены, — это соседи подкуплены. Посмотрите-ка на их текущий счет. Осия катается исключительно на Паккарде, — ну да, он знает толк в машинах. Место оплачено фирмой Паккард. А вы как бы думали? Форд, что ли будет оплачивать рекламу Паккарда? Долой анархистов! Мерзавец убежал. Матери и дети подали петицию президенту, — они не желают быть взорванными этим сумасшедшим. В Сакраменто поймали изобретателя Идитола. В Гаване тоже. В Тенесси, Денворе, Уайте, Сан-Антонио и у Медвежьего Озера. В Нью-Йорке поймали сразу четверых. Все они изоб-

рели Идитол. Большинство неграмотны. Два негра, — подумайте, негры! Профессор Уанк полагает, что это коллективное помешательство. Профессор выпускает новую книгу и едет в Европу на конгресс. Что такое Идитол? Новые сведения об изобретении. «Уорлд» объявляет конкурс, — в какой стране поймают настоящего изобретателя? Тысяча долларов тому, кто догадается — и бесплатный проезд в Европу. «Трибуна» посылает двадцать человек специальных корреспондентов. Они поедут на специальном поезде. Это не дороговизна, а доктрина Монроэ. Долой Бельгию. Осия, Осия, Осия. Долой анархистов, мормонов, духоборов — вообще долой. Это соседи подкуплены. Дети не желают, чтобы их взрывали эти сумасшедшие. На кресло анархистов. И Охлатому тоже. Газетчики хотят есть, они тоже люди, как это вы не понимаете.

37

Настоящая война

Бум-бу-рум, — тари-тата-тарата-та-бум-бу-рум!..

Ти-ти-ти-бум-бу-рум!..

Войска проходят церемониальным маршем. Что это за войска! Молодец к молодцу, все разного цвета, — от иссиня черного до почти совершенно белого. На их шляпы пошло восемь тысяч попугаев. Лошади кебов в ужасе шарахаются в сторону, — чего только на них не наворачено. — Сзади торжественно едут две игрушечных пушки, которые нам навязал этот мерзавец Крезо из за того, что мы задержали уплату годовых господину Ротшильду. Чорт их возьми и того и другого. К чему пушки? Дорого и бессмысленно. Мы не европейцы, чтобы воевать по четыре года.

Куда идут войска! На границы Экуадора, который думает, что уж если Осия, так ему и сам чорт не брат? Ничего подобного — на Рио-Негро, там восстали краснокожие. Долой краснокожих. Видите вы эти аппараты на маленьких

колесиках? Вот эти маленькие пушечки? Это не пушечки, а митральезы, — вот из них то и будут поливать краснокожих. Правда, что у тех есть отравленные стрелы? Генералиссимус Этаса — видный мужчина, но правда ли — издал приказ, — кто употребляет отравленное оружие, объявляется вне закона. Так и надо.

Идут пленные, — эквадорцы.

— Всыпали вам?

— Ей, Педро, — да это ты. Ну скажи мне на милость, за каким же чортом ты связался воевать с нами?

Педро ухмыляется. Ну и жара. Да он не связывался, — послали: потеха, ей богу! Что? — надо идти. Он придет. Он знает куда.

А краснокожим надо всыпать. Это верно. Отчего нет. Вот свиньи. Мы воюем! Это наше дело.

Эквадорские газетчики считали, что надо поддержать угнетенную народность. — Все знают, что Эквадор продажная республика. Каждая собака в Пернамбукко это знает. Мы выкупаем вас в вашей же собственной нефти и подожжем. Куда же годится эта жидкость, после того как изобретен Идитол, который...

38

Анни встречает европейца

Она очнулась в очень миленьком домике. Он стоял на горке, а оттуда открывался прелестный вид на долину, речку и серебряные вершины Аид.

Две женщины были в комнате. Кое как они об'яснились. Боже, как болит голова и тошнит. Где она? От них ничего не добьешься. Где Ральф? Они смеются. Они об'ясняют, что он убежал. Да, конечно, что же ему оставалось еще делать, как не убежать. У нее такое впечатление, точно ее избили. Все тело болит. И тошнит невозможно. У этих креолок ничего не добьешься. Боже мой, какое несчастье! Все равно,

она будет молчать, они из нее ничего не вытянут. Они думают, что не стоит возиться с женщиной, который скрывается после того, как у него похищают женщину, — и такую женщину! Плохая у ней юбка, — и он не мог купить ничего лучше? И это называется женщиной!

Они, наконец, оставили ее в покое, после того как болтали вдвоем без умолку целый час. Что же делать. Голова идет кругом. Бежать, — куда бежать? Искать Ральфа — где его искать? Она, признаться, не верила ему, — насчет этих буржуа. Теперь она знает, что это такое. Если бы только она могла!

На другой день к ней пришел гость. Она решила говорить с ним сухо и кратко.

Он показал на стул и сказал по английски.

— Разрешите?

Она не ответила на эту глупость. Что она здесь может разрешать.

— Где я?

— Разве это так важно?

— Что вы со мной собираетесь делать? Предупреждаю вас, что вы от меня ничего не узнаете.

Он ничего и не собирается от нее узнавать. Она у него в гостях.

— Что это значит? зачем же вы меня сюда привезли?

Он увидал ее в поезде. Она ему... кажется очень привлекательной. Он ее видел в поезде.

— И только? — она готова была лопнуть от негодования.

Ну не совсем только. Но все таки.

— Значит вы меня действительно, как говорят эти ваши женщины «похитили». Если вы не совсем дурак, то вы поймете, что это смешно — и подло.

Он не думает, что он дурак. Нет. Что же здесь смешного? Если человеку нравится женщина...

— То он должен вести себя с ней порядочно, не правда ли?

В Южной Америке, видите ли, все это проще. Это особая страна.

Она не станет с ним разговаривать пока он ее не выпустит. Вот и все. Если она не хочет с ним разговаривать... это очень дурно с ее стороны, так как он не хотел сделать ей ничего дурного.

— Скажите прямо, выпустите вы меня отсюда или нет?

Ему было затруднительно ответить на этот вопрос прямо. Это будет зависеть от нее.

— Что значит эта низкая фраза? вы подлец — сэр, и больше ничего. Вы можете быть уверены, что вы ничего от меня не добьетесь.

Он усмехнулся как то криво — и от этого показался ей жалким. Она почувствовала сущее отвращение к нему. Он ушел.

Она устала, измучилась, голова болела. Она как то сразу свалилась вечером и заснула. Ее мучили какие то странные сны. Они опять ехали с Ральфом. Их нагоняли. Они бежали в какой то подвал. Они бежали, за ними трещали выстрелы. Вдруг она потеряла Ральфа. Тоска пронизала ей сердце. Где Ральф? Она опять побежала каким то коридором, ему не было конца. Потом была вода. Много, много — целое озеро. Темное такое озеро. Лес, заросли наклонялись над водой. Надо плыть, она плыла, плыла без конца, вода давила ей грудь. Она задыхалась. Вот берег; наконец то! Ральф вышел откуда то, они уже на пароходе. Гремят цепи. Ральф подходит к ней. Она хочет его спросить, куда он девался. Вдруг ей приходит в голову, что это все сон, что на самом деле никакого Ральфа нет, его наверно схватили. Но Ральф наклоняется к ней и обнимает ее. «Анни, — говорит он, — Анни, мой цветочек, сестра моя!» — «Ральф, — отвечает она, — значит ты опять со мной?» — «Какое счастье, что я вас встретил, — говорит он, — какое счастье». — «С чего это, Ральф, стал ты мне говорить — вы? Какой ты смешной». Она слышит, как он обнимает и целует ее. Так, значит, действительно Ральф здесь. «Милый, ты вернулся, ты пришел спасти меня?» Она никак не может проснуться. Она слышит, как он целует ее, страстно, крепко, так что губы больно. Никак не может проснуться. Но это все равно, так даже лучше. Ах, Ральф, как я люблю тебя, Ральф! Мой

милый Ральф! Милый! Теперь она заснет.

Она ужасно, как устала. «Прощай, Ральф! не уходи от меня. Мне страшно одной. Ты уйдешь потом, когда я совсем усну... хорошо, Ральф?»

Утром она еле проснулась. Господи, да что же такое с ней делается? Она совсем больна. Что это ей снилось? Она начала вспоминать, торопливо осмотрела кровать и сердце у ней замерло. Как? это значит... Боже мой!

Креолка что то бормотала ей. Пустяки, он богатый и добрый мужчина. У нее будут платья, кареты, вилла.

Она схватила со столика стакан — пахнет лекарством. Так и есть. Что же теперь делать?

Креолка продолжала нести свое. Он богатый и добрый. У него есть свой банк в Европе. Он увезет ее и она будет барыней. На что ей этот голоштанник? Любовь хорошая вещь, но надо знать, что будет на завтра. Он молодой человек. Он красивый мужчина. Не надо плакать, мучить свои светлые глазки. Свой банк, это чего нибудь да стоит. Его зовут мистер Эпсор.

— Как, — спросила она с ужасом, — Эпсор? директор Диггльс-банка?!

Стены стали наклоняться, кругло, кругло, потолок опустился на нее. Серое такое кругом поплыло, — серое, серое.

39

Ральф догоняет конкурентов

Он шел какой то чащей, — ну и мерзость же эти тропические леса! Про них хорошо читать в книжке, видеть их в кино, — но идти по ним, слуга покорный. Иссиня-красные скалы протягивают в небесную печь тонны и тонны древесных изумрудов. Солнце давит эту гущу, как гидравлический пресс. Молочный пар висит в воздухе. Земля затоплена изумрудной поползною зелени; зелень затоплена белковиной тумана. Тяжеловесная мощность этой фабрики

ки всяческой ботаники — путник дуреет от нее. Неистовая сила тропиков режет Ральфа — да что он такое с этим своим Идитолом!

Он вскарабкался на громадную красную скалу — это, кажется, гранит — за бесконечной синусоидальной поверхностью, образованной зонтиками гигантских пальм, поверхностью, которая, похоже, волнуется ветром по пространственному уравнению Фурье — дымки медленно вытягивались из неопишуемого моря изумрудов, бериллов, топазов — это фронт. Он шел по направлению к фронту. Там его не станут искать. Там и войны то никакой нет. Это не война, а взаимное надувательство. Постреляют, постреляют, да сойдутся вместе пить ром. Разве они могут воевать эти гибриды, — только и умеют, что расстреливать несчастных индейцев. Он так отупел от лишений, усталости, бегства, потери Анни и ужасной лихорадки, что уже с трудом соображал, куда идет, и зачем. Змея, — он отпрыгнул в сторону. Вот еще удовольствие! тут кажется есть гремучие змеи. Хорошенькое местечко! Лучше бы он сидел в Лондоне. Господи, какой же он дурак, — и зачем он тащил с собой Анни, — где она теперь? Он сжал кулаки. Ведь они, не дай бог, станут ее пытаться. Обязательно даже будут. О, если бы он мог до них добраться! Как бы у него полетели все их арсеналы на воздух. Он не был динамитчиком — ну так они его сделали динамитчиком!

Через несколько часов он добрался до фронта. Он набрел на какие то склады. Его мучила лихорадка. Жар, жар, жар. Ничего не понимаю. Голова горит. Наплевать, в конце концов. Ага, так это и есть арсенал, где пытаются Анни. Так! Он нм... сейчас... покажет... как пытаться женщин. Они узнают. Он вытащил из мешка за плечами какой то аппарат. Передвинул стрелки, — да не так. Глаза слезятся и ничего не разберешь. Вдруг он заметил, что аппарат перестал что бы то ни было весить. Что такое? У него наверно бред. Он нажал на аппарат руками сверху — нет! Он влез на него. И сидел в воздухе на своем аппарате. Если у него не больше тридцати восьми и пяти десятых, то значит так оно и есть. Но как узнать, у него нет термометра. Он пере-

двинул стрелку еще раз, дернулся от толчка и понесся над лесом. Темно, хорошо. Огни — это и есть арсенал. Не бойтесь друзья, он сейчас к нам вернется. Не беспокойтесь. Да ему и ворочаться то — незачем. Он теперь понял. Он так и думал. Но ему не давали проверить. Он пролетел над складами. Нажал рычажок — и скорее пули унесся в противоположную сторону.

40

Осия побеждает

Брафлорист работал уже машинально. Он собственно давно уже потерял надежду. Браунинг лежит у него в кармане. Ежели дело выяснится, то он знает, что он будет делать.

К нему прибежал его старичок. Лицо его выражало живейшую радость. Он вытащил газету.

— Смотрите ка, что пишут из Нью-Йорка!

В это время зазвонил телефон. Звонил нужный человек из штаба.

Он полагает, что все пропало.

— Что еще такое?

— Эквадорцы в среду ночью применили Идитол.

— Что вы говорите!

— Да, они только не рассчитали и взорвали и себя и нас. Это что то неопишемое там наделано. Театра войны в настоящее время не существует. Сущее землетрясение. Даже хуже. И от детонации кругом заработали вулканы. Бог весть, что там делается. Мы еле еле смогли отправить туда еще полк. Среди солдат паника. Все бежит — я не знаю, что это творится...

Брафлорист бросил телефонную трубку. Поглядел перед собой.

Потом вспомнил о старичке.

— Ну, — сказал он с усилием, — вы что то мне хотели сказать...

— Ну, да, — оживился старичок, — читайте ка!

Брафлорист, как в тумане прочел телеграмму из главной квартиры Эквадора: «Бразильцы вчера ночью применили новое взрыввещество. По своему ужасному действию оно напоминает Идитол. Наши войска отступили на подготовленные позиции. Отступление произведено в полном порядке. Потери сравнительно невелики. В стране спокойно».

Брафлорист усмехнулся и сказал:

— Это они применили Идитол. Понимаете? Они! Осия побеждает...

41

Парусник идет в Европу

Матрос сидит где то наверху, над головой. И оттуда несетя:

«Он по реям бегал и пел, как птица.

Он был веселый малый, по прозвищу Том...»

Анни смотрела на океан. Громадные валы катились ровно и неспешно, колоссальными горами. Но качки не было, валы были слишком велики, чтобы качать этот пустячок. Ровный ветер наполнял паруса и вода кипела у носа. Тихий хороший солнечный день.

«Так однажды было с бедной кружевницей.

С бедной кружевницей на паруснике Г р о м...»

Она — единственная женщина на паруснике. Он идет в Европу. Ее не хотели брать. Взяли, все-таки, когда она заплакала. Не может она ехать на пароходе. Во-первых, у нее нет денег, во-вторых, она не хочет. Она была уверена, что на пароходе ее тотчас же схватят. Будет с нее. Она больше не может.

Она обратила внимание на проволоки на мачтах. Что это такое? Матрос объяснил ей, — это радио. Он им, собст-

венно, ни к чему, — но с ним все таки веселее. Телеграфируют газеты. У нее сердце замерло, разве на парусниках тоже есть радио? Что ж подделаешь, — когда все заставляют вешать эти штуки! Ей стало страшно. И здесь ее могут поймать.

«Он был веселый малый, по прозвищу Том...»

Если опять начнется сначала, после всего, что ей пришлось... И как это она вырвалась! Право она думала там, что сойдет с ума. Она решила не спать. Совсем. Вдруг опять, придет этот... Эпсор. Боже мой, вспомнить страшно!

И вместо него на третий день ночью на домик напали какие то головорезы. Они искали Эпсора, эту свинью Эпсора, который привез Идитол экуадорцам. Они клялись, что выпустят ему кишки. Она бросилась к ним. Как, он еще похищает наших женщин! Да они его вздернут так, что он увидит и Атлантический и Тихий сразу. Можете быть спокойны. Они дали ей денег. Но у них самих почти что ничего не было, у этих оборванцев. Она не знает, нашли ли они Эпсора, он уехал, — они бросились его догонять, предварительно сжегши домик.

Вот. Теперь она едет в Англию. Еще неизвестно, что она там будет делать. И как долго ехать с этим парусником! Два с половиной месяца. Но за то об ней позабудут.

«Так однажды было с бедной кружевницей,
С белокурой девченкой па паруснике Г р о м...»

42

Точка зрения умных людей

Замечательный ковер имел честь поддерживать превосходные ботинки. На него в эту минуту упал пепел изумительной сигары. На столике с поразительными инкрустациями стояло вино потрясающего букета.

Три старца обменивались кокетливыми замечаниями.

Разговор шел примерно таким образом. — Полагает ли

старец А, что раз страны Б и Э сцепились по мало понятному поводу, то было бы справедливо, чтобы владения страны Ф были увеличены на счет Б, исходя из того положения, что страна Ф продавала пушки и той и другой из враждующих сторон? Старец А полагал бы, что истинная справедливость будет достигнута только в том случае, если он тоже продвинется самую чуточку на юг. Он продал два крейсера.

Старец Ш говорил, что он не заинтересован по существу. Пожалуйста. Продвигайтесь и расширяйтесь. Он желал бы только узнать, дорого ли стоили бы пушки и крейсера, если бы он не пропустил бы их через канал?

Значит старец Ш на стороне Э?

Ничего подобного. Он только блюдет свои интересы.

Интересно было бы узнать, в чем выражаются эти интересы.

В пустяках. Он даст займы разоренному Э под обеспечение нефти. Но так как нефть фактически принадлежит подданным Ш...

Не только им, — поправляет старец А.

О, конечно, — говорит Ш, — это то известно. Но ему позволяют кончить?

Они слушают его с напряженным вниманием.

Поэтому он даст займы так же и Б...

Старец Ф поправляет галстук.

Старец Ш осведомляется, — не угодно ли чтонибудь сказать господину Ф?

Нет. Он только хотел узнать, знает ли старец Ш, что Б в долгу, как в шелку?

Известно. Он полагает, что Б несправедливо прижат к стене.

Таким образом А и Ф начинают думать, что Ш действует в некотором смысле не в полном согласии с А и Ф. Не забывает ли почтеннейший старец Ш, что существует еще неприглашенный старец Г, который заинтересован в продукции Б. Старец Г, как известно, связан некоторыми существенными обязательствами со старцем Ф. Некоторые обязательства страны Р вложены в Э, — так сказать косвенно,

через прииски К: страна Р по негласному соглашению находится в преимущественной эксплуатации А. Таким образом...

Старец Ш думает, что надобно выбирать: — или территория, или финансы. Однако он полагал бы, что старшим А и Ф неплохо было бы вспомнить и о собственных обязательствах. Для старца Ш по существу дела, таким образом, — безразлично, кто эксплуатирует эти страны, поскольку деньги все равно вернутся к нему через А и Ф. Он полагал, что так будет проще.

Старец Ш наливает себе полстаканчика вина изысканнейшего букета и пьет малюсенькими глотками. Прелестная малага. Старец А обрезает новую сигару. Старец Ф засовывает руку в брючный карман. Он покачивает головой. Он благодарит, — он не очень любит малагу. Кстати, а что думает старец Ш об этом новом изобретении — Идитоле?

Старец Ш плохо знаком с этим вопросом. Он думает, во всяком случае, что дело безобразно раздуто газетами.

Но обе страны упрекают друг друга в применении этого средства!

Как и во взаимных зверствах и стрельбе по Красному Кресту.

Можно ли полагать, что старец Ш склоняется к мнению, что тут не в Идитоле дело?

Он не стал бы этого утверждать. Это вероятно случайность или чтонибудь в этом роде.

«Хорошая случайность», думает старец Ф.

«Он купил Осию или Осия купил его?» размышляет старец А.

43

Дэзи скучает

Сегодня она плакала. Правда совсем немножко, но все таки. После всего, что она для него сделала — уехать и пять

месяцев не передавать ей ничего, кроме приветов, через ползнакомого клэрка, с которым она имеет дело. Он аккуратно говорит ей всегда — «директор просил передать вам свое нижайшее почтение и просил не забывать его». Выгудить из этого клэрка ничего невозможно, это какая то стальная плита, а не человек. Он иногда советуется с ней насчет Идитола. Но и тут давно уж нет никаких новостей. Единственное, что она достала за последнее время, это сообщение о взрыве в Южной Америке. Она поспешила доставить его своему клэрку. Он поблагодарил, но сказал, что они всё знают, и даже с большими подробностями. У них очень хороший агент в Экуадоре.

Входит горничная и говорит, что пришел господин Февари. Пусть войдет. Это художник Февари, с которым она случайно познакомилась на вокзале. Очень милый, экспансивный и чрезвычайно наивный молодой человек. Сродство душ, вечная любовь, женщина — товарищ и прочие глупости. Они ездили кататься вместе. Ей было скучно и она позволила ему... ну так, сущие пустяки. Просто, чтобы не разучиться.

Он входит.

— У вас пудра на шее, — говорит она с ленцой, — вытрите ка...

Он краснеет. Он очень извиняется. Разрешите признаться, — он хотел быть покрасивей.

И потому не вытер пудру?

Он хохочет. Вы — прелесть. Просто он забыл о пудре. А теперь даже очень рад, что забыл...

Чему же он рад?

Он рад, что видит ее. Если в это дело замешивается пудра, — да здравствует и пудра. Не хочет ли она поехать покататься?

«Ишь, как тебе понравилось», думает Дэзи. И делает равнодушный вид. Нет, ей не хочется. У него вытягивается лицо. Фу, какой он глупый. Точно этого нельзя повторить дома. Ей очень смешно. Он совсем щенок, этот художник. Но он недурной малый. А куда же он собирался?

Он начинает рассказывать с чрезвычайными предосторожностями и богатыми отступлениями. У него есть друг, очень милый молодой человек. Он часто бывает у них. — Ей хочется спросить есть ли у этого друга сестра или кузина, и давно ли бегают Февари за этой девицей? — но ей становится жалко его. Очевидно, что-то есть, так как на некоторых пунктах при описании семьи друга, он спотыкается и спохватывается. Да, так вот, этот его друг одолжил ему моторную лодочку. Это прелестная вещь, — по озеру на моторной лодке. Он умеет править. Они заедут к этому его другу. Нет, нет — зачем же им туда заезжать, — видите ли, они все уехали на неделю. Собственно потому то и дали лодку. На лодке — это же ничего. Мы закусим и отправимся. Хорошо?

Ну, еще бы не хорошо!

Он садится на диванчик и глядит на нее молча. Она поглядывает на него чуть вкось. Он улыбается. Почему он на нее смотрит?

Почему он смотрит, — он не знает почему: она была очень добра к нему, вот наверно почему. Она такая же, как и раньше и совсем другая. Почему это?

Это она сделала. В ней есть что-то такое, — увлекающее вас. Так, как если бы существовал такой водоворот свежего, теплого, пахучего и неясного ветра: он не делает больно, а вы плывете им — и он наполняет вас блаженством. Потом подхватывает и несет... далеко, далеко. Он очень глупо и нескладно рассказывает, но она не будет сердиться и наверно поймет, что он хочет сказать.

Она слушает его и грустит. Ну, что ж, — хорошо уж и то, что она может еще кому то доставить радость. Он очень мил, в конце концов, со своей верой в абсолютные нежности.

Лодка пыхтит и резко режет воду. Когда входила в лодку, то по подписи узнала, что лодка наемная, — вот чем объясняется сложность биографии его друга. Свежий ветер ходит над волнами, вдалеке ползет поезд в столицу, медленный такой червячок. Волны летят около них, прозрачные и певучие. Нравится ли ей? Она кутается в палантин, жметесь и

улыбается. Да. Нравится.

Они возвращаются. Право это чутьчку даже неловко. Господи, до чего он молод!

Он засиделся. Ему на этот раз было позволено и многое другое. Она чувствовала себя помолодевшей и испытывала к нему за это маленькую благодарность. Очень маленькую, но все таки. Невозможно терпеть, если вас постоянно обижают и изменяют вам на каждом шагу, как это делал Эпсор.

Наконец, она прогнала его от себя на кресло. Можно ему сесть на ковер, внизу? Нет, он должен ее слушаться. И не подбираться к пей потихоньку.

Она говорит, что ему пора идти. Он должен сперва что-нибудь рассказать, а потом пусть идет. Он может прийти в субботу вечером.

А что он должен рассказать.

Все равно что, только что-нибудь интересное и страшное.

Страшное... гм, он не помнит ничего особенно страшного, но вот он ей расскажет один очень странный случай в октябре прошлого года.

И он рассказал ей о том, что видел однажды из окна своей кухни. Как полицейский велосипедист преследовал какого то рыжеватого человека и как этот человек вознесся на крышу, да и был таков.

Она очень заинтересовалась. Пусть он хорошенько расскажет ей какой это человек. Он рассказал. И это он видел сам? и он не выдумывает? Спаси его бог выдумывать. Он может нарисовать ей, этого летучего мужчину — есть у нее бумага? — он его отлично помнит.

Вот что — у нее немножко разболелась голова. Нет, ему нечего беспокоиться, но она выйдет и пройдетя. Он не должен ее провожать. Если он хочет, чтобы к нему хорошо относились, он не должен капризничать. Он все таки должен помнить, что она немножко старше его. В таких делах это много значит. Он был в восторге от этих об'яснений. Он ее раб.

Они расстались на улице. Он остановился, она обернулась и кивнула ему на прощанье. Она очаровательная. Вот

она завернула за угол. Он еще стоит и слушает. Он еще слышит ее удаляющиеся шаги. Больше не слышно.

Но вот там, куда она ушла, слышен в ночной тишине тихий разговор. И хрип пускаемого в ход автомобиля. Его так и подмывает посмотреть. Нет, — это уж нехорошо, у нее могут быть дела, которые его не касаются. Не надо требовать от людей больше того, что они хотят дать. Авто трубит в рожок и уезжает. По звуку слышно, как он, развивая скорость, заворачивает. Все тихо. Февари идет домой. Его дни за это последнее время приняли чрезвычайно приятный и очень странный характер. Суткам ничего не стоило растянуться до удивительных, громаднейших размеров — столетия, ночи, наполненные бурными сновидениями и т. д. Это было странно, очень приятно, хоть и крайне утомительно. Он останавливается перед запертым на ночь киоском. Думает. Потом поднимает руки кверху и говорит тихо: «Боже мой...» Он очень наивный мальчик, этот художник Февари.

44

Отечественная металлургия

Зал дорогого отеля. Длинный стол с разнообразными яствами. Он, этот стол, имеет несколько антикультурный вид. Это не то, что раут или коллективный обед, нет, — перед каждым стоит то, что он попросил сейчас, пять минут, полчаса тому назад. Видно, что эти люди здесь не собирались засиживаться.

Их довольно много — человек тридцать. Разные, — молодые, с проседью старики, румяные, желтые, средне одетые, хорошо и роскошно. Это вся наша металлургия. Все, кто владеет фабриками, кто поддерживает их, кто играет на их акциях, кто связывает воедино разнообразные начинания: — металлургию с горючим, с «белым углем», с путями сообщения, с границей, с правительством, ибо толь-

ко оно в конце концов может набить до отказа золотом чудовищный рот этого циклопического Мартенса.

Совершенно темные личности проскальзывают иногда на минуту, две и исчезают. Проходят два гиганта — это шахтовладельцы, они поставляют сырье для металлургии. Весь этот сросшийся до консистенции кирпича клубок интересов и страстей гудит и ворчит. Что это делается с металлургией? Осия связался с БКА, бекасы летят стремительно вниз, — это задевает интересы кучи людей. Бекасы сопротивляются неистово, но Осия ломит, это видно. Идет война, самая настоящая война. Осия рвет заводы и устраивает забастовки, а БКА столкнулась с социалистами и пускает целые поезда агитаторов на заводы, связанные с Осией. А кто с ним не связан? Металлургический трест АВС в лице четырех своих представителей наваливается на БКА. Худенький бледный БКА не желает слушать этой ерунды. Не хочет ли в самом деле АВС, чтобы бекасы взорвали себя сами и бросились продавать свои акции? Вам не нравится эта война, — вы может быть думаете, что она им нравится, да? Примыкайте к БКА! и мы наделаем из Осин с его жульническими трестами — ей богу, он так и сказал, «жульнические тресты» — сосисок с опилками.

АВС отваливается от него, — они еще не сошли с ума. Ну, так тогда и не хрипите зря! К этой кучке подходит некто, кто держит связь с правительством. На него накидывается и АВС и БКА: — какого чорта правительство молчит? Что оно, все в лапах у Осии. Правительство соблюдает нейтралитет — отвечает тот. Покорно вас благодарю за такой нейтралитет! Помирите их, чорт возьми, наконец. Есть у вас глаза, там, в ваших канцеляриях, или нет, — да что же вы не видите, наконец, что в Америку начинают везти те товары, экспортом которых она занимается? Почему это — да потому, что эта драка бекасов с Осией длится четвертый месяц. Наконец, — по стране бродят тысячные шайки безработных, — что вы хотите от доведенных до отчаяния людей? Вы посылаете против них войска: что вы думаете, что вы можете перестрелять всех наших рабочих? Извините, мы этого не позволим. Знаете вы, сколько стоит стране эта

война? Нет, так засадите ваших экономистов подсчитать количество банкротств, пожаров, взрывов, стачек, локаутов, одиночных преступлений и коллективных грабежей! Правительственный агент помалкивает. Он играет цепочкой от часов. А как вы думаете, — обращается он так, в воздух: — сколько времени еще могут продержаться бекасы? Представитель БКА выдавливают из себя презрительную улыбку. Он рассчитывает продержаться дольше, чем уважаемые джентельмены из палаты, — шайка прохвостов, купленных Осией по два пенса за погонную сажень.

Нет с БКА положительно нельзя говорить!

Другая кучка. Происходит то же самое: несколько человек уговаривают представителя финансового объединения Осин Лавуэрс переменить гнев на милость. Но толстый черномазый человек от Осии сжимает портфель в руках и неопределенно улыбается. У него нет таких инструкций. Он им может сказать, почему им заплатят за поддержку, — это он может. А насчет чего другого, он не уполномочен.

Двое стоят в коридоре, — ну что же делать, скажите вы мне пожалуйста? Он не может продать свой заводик, так как никто его сейчас не купит, и БКА и Осия сами продали все, что возможно, чтобы сжать силы. Деньги в стране идут не на кредит здоровой и честной промышленности, а на организацию грабежей. Это недурно читать в детективном романе, но когда это лезет вам в нос с каждого перекрестка... Что он будет говорить, когда вернется на фабрику? Поверите ли, он уже не платит никому полтора месяца» Собеседник верит, — он сам точь в точь в таком же положении.

45

Ральф не считает себя побежденным

Ему удалось спуститься незамеченным. Кончены разговоры и слюнявая постепеновщина. Будет. Довольно. Те-

перь он — враг им. Не в будущем, а вот сейчас. Он динамитчик, — да он динамитчик! Он хуже этого — он идиотыцнк! Каждому из этих «королей» по разным областям промышленности он всунет в живот его собственную голову. Война, так война. Они истребят весь земной шар, если им не оторвать своевременно головы.

Он попал в удачное время. Эта каша ему только на руку. Да оно и не могло быть иначе. Эта раса вырожденков, которые поколениями росли на прикарманивании чужого достоинства, ест теперь сама себя. Исчезли последние иллюзии, теперь все знают, к чему идет дело. Или труд или мешок с деньгами. Вот что!

Его приняли несколько хуже, чем ожидал он, распаленный ненавистью и непрекращающейся лихорадкой. Он увидел общее смятение и растерянность. Анархисты? — этих людей у нас просто вешают. Социалистические ассоциации и союзы рабочих или разодраны Осией надвое или куплены бекасами. Осия знает свое дело: он знает, что когда вся эта масса обратится в мешанину испуганных идиотов, он сварит из них суп, и обратится к благоразумию еще не раззоренных до конца. Что это за Осия? — Что такое Осия? А вот вы посмотрите, что делается в стране и узнаете, что это за Осия. Вы верно только что вернулись от Эрубуса и Террора? Катитесь назад, если вам голова дорога на плечах.

Да что вы, безумные люди, верите что ли бекасам, — они вас с'едят не хуже этого вашего Осии. Нет, мы не верим. Но Осия с нами не считается вовсе, а бекасы хоть и выбиваются из сил, но подкармливают. Он ничего не понимает. И никто ничего не понимает. Что же они предполагают делать? А вот они собираются ограбить Осиины склады в соседнем городе. Половина их поляжет на этом деле, а половина вернется с едой на неделю.

Он попробовал отобрать людей наименее перепуганных.

Они собрались. На них напала полиция, — он взорвал отряд и они ушли. Поговорим!

Он обнаружил странное расслоение между этими людьми. Он заметил, что поток крови и голода, смонтированный Осией Лавуэрсом далеко еще не исчерпывает положения.

Бекасы работали много тоньше и, на его взгляд, куда опасней. Осия вваливал в дело разрушения колоссальные средства — он разворачивал, как бешенный медведь все существующее: — только щепки летели от его чудовищных лап, — вот-так Осия! Бекасы жались, — у них, очевидно, не было денег: они капали то тут, то там — тысячку, другую: еды на два дня, еще на два дня. Они умело раздували расслоение между рабочими разной квалификации. Они поддерживали ненависть к неграм и желтым. Они боролись с эмигрантами. А Осия собирал сволочь, — это отталкивало от него более сознательные элементы.

Но, как бы там ни было, — рабочим по существу дела безразлично, кто победит: Осия или Бекасы, одинаково и те и другие имеют ввиду новое закабаление трудящихся. Но эту истину втолковать им Ральф не мог. Он всюду наталкивался на странных соглашателей, которых решил считать просто агентами БКА, которые вламывали в его концепции — свои каннибальские поправки. Наконец, он подобрал себе шайку. Это была отчаянная публика. Ребята из союзов говорили ему, что он свалает с этим сбродом дурака, и больше ничего. Но у него не было ничего лучше. Он говорил союзам, чтобы они солидаризировались с ним. Нет, им с анархистами не по дороге. Всю полицию он не взорвет, а избиение вызовет небывалое. Да ведь они и сейчас уже погибают, — да, положение очень тяжелое, но они в конце концов сыграют на розни Осии и бекасов. Если же победит ктонибудь один, они ему закатят стачку по всей стране. Почему же они не хотят это сделать сейчас? Сейчас нельзя, народ слишком замучен, и никого не слушается. Он кричал им, что они изменники. Они отвечали ему, что он — просто дурак, и не дай бог с ним связаться.

На одном митинге подозрительный социалист бекасного типа назвал его Петром Амьенским. Так оно и пошло. Да он еще сглупил. Сброд, который собрался вокруг него и орал на митингах: «товарищи, ориентируйтесь на Идитол» (каковая фраза, между прочим, многими понималась, как призыв па сторону Осии), не был способен на длительные операции. Они потребовали действий. В результате они раз-

несли в десять минут продовольственные склады соседнего штата и они награбили столько, что еле увезли. Но Идитол видимо не годился для таких действий, — при операции было перебито народу втрое больше, чем было накормлено. В конце концов, в любой группе американских граждан большинство составляют рабочие; группа, погибшая при нападении «амьенцев» не составляла исключения из этого правила, даже наоборот. Эта то история и определила дальнейшее развитие карьеры Ральфа.

46

Эпсор вывертывается

Он впервые вздохнул на пароходе Америка-Гамбург. С этими метисами шутки плохи. Если бы собрать все пули, которые в него были выпущены из за разных углов за эту неделю, так получился бы недурной постамент для памятника американским свободам. Да еще нелегкая дернула его заняться этой девченкой. На него набросились газеты с пеной у рта, вся история вышлыла наружу с быстротой молнии.

Тысячи подробностей выливались из под перьев репортеров, в большинстве случаев это была дикая околесная, — но попробуйте оправдаться! Брафлор разумеется потирает руки. Он им дал солидный козырь против себя.

Они его таки выкинули из Америки. Чего доброго они поднимут ту же компанию и в Англии. Теперь он, — он, Эпсор, директор Диггльс-банка, — принужден ехать вторым классом под чужим именем и слушать ежедневно, как ему рассказывают новые подробности о его похождениях. В чем только его ни обвиняли купленные Брафлором газетки: — это он привез Идитол экуадорцам (а в Эквадоре писали, что он его привез бразильцам), это он... это он...

Он попробовал было пустить в ход деньги. Над ним захохотали. Где он был раньше?

Телеграмма Дэзи нагнала его только через десять дней уже на пароходе. Он получил ее, эту телеграмму, и чуть не развалился от негодования. Телеграмму ему передавал Брафлор, он считал любезным поделиться с поверженным противником новыми сведениями.

Новые неясности и больше ничего. Да где же, наконец, этот проклятый Идитол! Но Брафлор рано трубит победу. Он еще поговорит с ним. И серьезно поговорит.

47

Горючее волнуется

За последнее время акции горючего неустанно лезли вверх. Теперь они достигли своего апогея и — компании чувствовали, что сейчас решится в одну минуту их судьба.

Акции вскочили в среднем за это время на 1462% — тысячу четыреста шестьдесят два! — проще говоря, они сейчас стоили ровнехонько в четырнадцать с половиной раз больше своей реальной стоимости. Приближались дивиденды, — их нельзя было выдавать с биржевой цены, — выдача с номинальной свелась бы к выдаче восьми десятых процента на биржевую стоимость. Дорогие акции невыгодны держателям, они разоряют их.

Больше лезть акции вверх не могли, а кто то все предлагал да предлагал. Казалось, что бекасам крышка, — они упали втрое, — но какая то сила все выкидывала да выкидывала на рынок акции горючего. Дальше повышать цену нельзя, но и эта уже разорительна в невозможной мере, — если же они начнут падать, то они обгонят в два дня и бекасов. А они могут упасть, если сумеют выбросить на рынок еще хорошенькую партию.

Тресты горючего почувствовали, что они зарвались с этой историей, которую им устроил Осия. Но Осия не желал с ними спорить, его агенты шныряли всюду и отдавали приказания, — покупайте по столько то свои же соб-

ственные акции, да по стольку. Маленькое об'единение ма-зутников попробовало послушаться. У них в два дня нача-лась такая стачка на заводе, что небу было жарко. Когда они пришли с повинной, Осия их послал — в БКА. Им ничего не оставалось делать, как послушаться этого совета. В БКА над ними засмеялись: теперь уже поздно. Двое из этой ком-пании застрелились, остальные бежали. Рабочие сожгли две фабрики. Новые шайки, новые сражения с войсками, — кровь и убытки, кровь и убытки.

На секретном совещании акционеров горячего царила истинная паника. Люди говорили шопотом, вздрагивали от громкого слова или стука ложечки о стакан — и имели полусумасшедший вид. Вот так Осия!

Наконец решили: — идти к Осии и выложить ему всю правду. Они больше не в состоянии. Они забастуют. Пусть он им покажет, на что он надеется. Если это на чтонибудь похоже, то... Однако они понимали, что это решение про-диктовано отчаянием. Смешно обращаться с такой прось-бой к Осии.

Когда составлялось постановление, в комнату вбежал человек с отстегнувшимся крахмальным воротничком и по-казал биржевую телеграмму:

— Большая Кредитная Ассоциация прекратила платежи!

48

Долой динамитчиков

Ральф довольно скоро понял, что все сделанное им бы-ло одной сплошной глупостью. 1. Он связался с публикой никуда негодной. 2. Он оттолкнул от себя умеренные и со-знательные элементы. 3. Он вооружил взрывом против се-бя полицию и граждан, как таковых. 4. Он дал знать Осии о том, что владеет Идитолом.

Все вместе привело к тому, что на город, где обоснова-лись «амьенцы», была выпущена деляя армия. Идитол ока-

зался несколько неуклюжим средством в условиях гражданской войны. Вы же не можете взрывать все окружающее, ибо так вы взорвете и своих. Он пробовал бороться с армией, он объявил себя диктатором города, вооружил все население и повел войну. Ему удалось ловко, не задевая своих, взорвать Идитолом все артиллерийские запасы правительственных войск. Но однажды ночью, несмотря на бдительнейший надзор, который он только сумел организовать, над городом нависла сотня, а то может быть и больше аэропланов. Может было и меньше, — у страха глаза велики. Короче, их было достаточно для того, чтобы навести на город невероятную панику. К нему в его «штаб» начали ломиться свои же. «Штаб» спасся на крышу здания. Ральф глянул кругом и увидел, что аэропланы, забрасывающие город бомбами, летают чуть не над самыми крышами, — если он взорвет их, то погибнет и город. Снизу по ним стали палить из винтовок и револьверов. В доме что то ухнуло, туда бросили с улицы гранату. На мэрии выкинули белый флаг, огромный, целую простыню.

Ральф схватился за голову. Идитол Идитолом, а бороться со всеми невозможно.

И он вылетел через пространство неведомо куда — ввысь, ввысь.

Сверху глянул в бинокль на город. Он почти весь был охвачен пожаром. Он спустился чуточку, со стороны окраины. Броневики и кавалерия уже входила в город. Он облетел с другой — пешие отряды ворвались в рабочий квартал.

Они бежали по улицам, швыряя бомбы в дома, стреляя и тыкая штыками все живое. Ральф глядел на это, застыв от ужаса. Ведь город сдался, как же они смеют стрелять?

Он глянул еще и застонал: рабочий квартал находился в низинке, под довольно крутым скатом. Войска выпустили по сточным канавам вниз нефть из цистерн и подожгли ее.

На скате спешно устанавливали пулеметы, и вот они затрещали.

Их жгут потому, что они... связались с ним, Ральфом.

Ральф закрыл глаза и унесся на юг от этого ада.

Ральф знакомится с коллегой

Инженер Порк последнюю неделю не выходил из состояния бешенства. Один коньяк спасал его. Он не ложился уже четвертый день. Что то напутано в расчетах, — а что, он не мог докопаться. Он возился с интегральными уравнениями, эллиптическими функциями, геометрией — ситус, теорией чисел — и ничего выбить не мог. Он прекрасно знает, — то есть он чувствует, что «П-21» может дать и большие эффекты, это совершенно очевидно, но он раз за разом наталкивается на несообразности, нелепые тождества и прочее. Невязка за невязкой. Опыты? — но «П-21» не такое вещество, с которым можно шутить...

Ночью он вышел на берег и стоял над бурунами. Морской ветер освежил его. Те-те-те... стойте-ка... ей-богу, он соображает. Ну да, ну да! — Фу-ты! — до чего же это просто. Раз уравнение Гамильтона инвариантно по отношению... туда, туда! — надо же быть таким разиней, чтобы...

И вдруг на горизонте он увидел розовый отсвет несущегося к острову идитолического аппарата. Первое, что ему пришло в голову, это соображение, что его помощник похитил него... Он, не рассуждая, бросился обратно, захлопнул наглухо дверь своего подземелья. Вскочил на аппарат и понесся. Но не навстречу конкуренту, а за ним, так как тот уже успел миновать остров.

Ральф почувствовал какое то странное ощущение, будто он стоит на стеклянной скамеечке, около электрической машины... обернулся и увидел преследователя. Осия! Он послал ему навстречу заряд годный на три небоскреба.

Колоссальный шар огня возник на месте погони. Ральф вздохнул облегченно, но вдруг увидел, как из пламени вынырнул человек, верхом на какой то стрекозе. Человек несся вперед — за ним, за Ральфом, а на фоне бушующего в пространстве пламени видны были угрожающе-исступленные жесты этого человека.

Ральф ринулся вверх, и тот тоже. Ральф пустил заряд Идитола в море под преследователя — и тучи пара, воды и дыма ринулись ввысь. На секунду преследователь исчез. И вот он снова вынырнул из пара и дыма и неся за ним, за анархистом Ральфом, чтобы сжечь его живым, этот чудовищный, неуязвимый человек, — который несется на своей стрелке быстрее чем Ральф и догоняет его.

Он несется все вперед и вперед в столбнячно-застывшей позе: — протянув вперед расставленные пальцы правой ладони, — чтобы схватить Ральфа.

50

Тысяча шестьсот шестьдесят два

Председатель Второго Большого Синдиката Горючего сидел в столовой,пил Нью и принимал поздравления. Наконец то они свалили этих проклятых бекасов. Знаете, даже наши враги довольны. Можно полагать, что и бекасы сами довольны. Наконец то в стране наступит успокоение. Это было что-то невозможное. Все измучены в конец. Дороговизна, почти голод. Транспорт начинает пошаливать. Телеграммы запаздывают.

Да это было что-то неслыханное. Теперь все-таки можно сказать: они держались молодцами, эти бекасы. Но было вовсе глупо, если бы какаянибудь БКА могла переиграть Осню! Это просто было бы глупо и больше ничего.

ВБСГ был согласен с этим. Теперь можно потихоньку снизить их акции. К этому уже приступлено. Он как раз дожидается человека с биржи. Он должен сейчас появиться.

Теперь все пойдет, как по маслу. Газеты успокоятся. Социалистам прижмем хвост так, что они и забудут о своих разглагольствованиях.

Да, это было горячее дело...

Можно радоваться, что оно все таки...

Маклер ВБСГ вбежал в комнату и остановился.

— Ну, как дела? — спросил сочным голосом ВБСГ, прихлебывая свое Ньюи.

Маклер плюхнулся на стул.

— Наши акции вскочили еще на двести процентов!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Идитол пойман

Пусть нас, рыцарей ночи, не зовут дневными грабителями, пусть мы будем лесничими Дианы, кавалерами ночного мрака, любимцами луны; пусть говорят, что мы люди правые, потому что нами, как и морем, правит наша благородная и целомудренная повелительница — луна, под покровительством которой мы грабим.

Шекспир

Плебс продолжает бунтовать

После истории с «амьенцами» дела рабочих здорово пошатнулись. Знаем мы этот социализм, — когда вы подчиляли невинных людей вашим Идитолом, это тоже был сорт альтруизма, да? Рабочие, не знавшие в чем дело, пробовали уверять, что это просто Осиина провокация, что «Петр Амьенский» собрал около себя бродяг, что, в конце концов, рабочие просто попадают между молотом Осии и наковальней БКА... Эти «отговорки» не производили никакого действия. Убийства не могут быть оправданы... если они не производятся властвующим классом. Да-с, не могут — и все тут! А кто думает иначе, того бы, — ...засим следовало энергичное подмигивание в сторону. А иногда револьверы и ножи. И довольно часто это было.

В этой каше, затеянной Осией на погибель трудящемуся народу, разобраться не было никакой возможности. Секретари союзов пожимали плечами и предлагали «потянуть» сколько возможно. А слухи шныряли по фабрикам, лезли в цехи и мастерские. Информация страдала жестокой неотчетливостью. То на заводе появлялись людишки, которые соблазняли народ будущими благами большой стачки, которую начнут они после того, как свергнут Осию, ибо надо начинать с самого трудного, а за этим магнатом горячего мир эксплуататоров уже не имеет никого ему равного. За ними с мучительной внезапностью и решительностью появились иные: то были люди, окраска коих изо дня в день, из недели в неделю приобретала все более решительный и роковой для кого то характер. Они то думали, что этот роковой привкус и решит дело в их пользу, но не все в этом были уверены. Забастовки росли группами и пачками. Внезапный порыв вдруг останавливал сотню тысяч народу. Были заводы, которые стояли уже пятый месяц. На них началась уже какая то мерзость запустения, сторожа бродили вокруг пустых зданий с незаряженными ружьями. Некото-

рые рабочие поглядели, повздыхали, уехали. Стоит и стоит завод, — как будто никому и дела нет. На некоторые же из забастовок фирмы и правительство обрушивались с невероятной жестокостью. Это подымало новые стачки. Это вызывало крутую поножовщину.

Те, кто пробовал вдуматься в происходящее и подбирали материал, раз за разом обнаруживали, что история эта имеет какие то свои законы, что стачки вспыхивают в известной последовательности, что синдикат, владеющий группой фабрик заедается стачками так, что хуже бы и выдумать невозможно. А тут еще какие то крушения поездов, целые маленькие революции с «временными правительствами», «время» которых считалось днями. Маленький городок вдруг потрясился грандиозной стачкой, и два дня все ходили именинниками, — вот теперь «они» узнают. Но по городу начали шнырять люди, которым казалось этих именин мало. Захватывайте фабрики! Драка, кровь, пожары, — фабрики захвачены. Мало, — захватывайте власть; кровь, — поджоги, пулеметы, аэропланы и все такое: — власть захвачена. Мало! — ...вот тут то и началось самое серьезное, а тогда появлялись озверевшие войска, которые мало были расположены к сантиментам, так как и им приходилось туго.

Крах бекасов должен был что то подитожить. Ничего он не подитожил! Опять и опять лезли бекасиные социалисты с маленькими денежками: — тысячу, там другую — здесь: держитесь товарищи, и Осия недолго протянет!

А Осия словно очумел: — казалось, враг разгромлен и Осия может почивать на лаврах, — но Осия еще пуще рвал и метал. На своих бастующих он обрушивался с неистовыми репрессиями, доводя народ до одурения, — чужих распалаял и нагонял на них те же войска в конце концов. Что ты будешь делать! — а осторожные люди рассматривали биржевые бюллетени и не без ужаса видели, как связанные с Осией акции лезли да лезли: — это добром не кончится.

А чем это по вашему кончится?

Бразильский Флорин пробует ориентироваться

Серый человек почесал за ухом.

— Не знаю, — сказал он агенту Брафлора, — выйдет ли что. Он очень занят.

Но Брафлор привез такие сигары, что дух захватывало. Ну и сигары. Серый человек подумал и сказал:

— Обождите ка... — и исчез.

Агент Брафлора огляделся. Наконец то он добрался до этих мест. Десять человек сразу выгнали на это дело. Это были лучшие силы Монса, Стифлэта и прочих добрых учреждений, заинтересованных в деле. Брафлор ставил последнюю ставку. Войну пришлось кончать и связанная с нею неразбериха тоже кончалась, — а этого Брафлор боялся больше всего. Раз все будет ясно, ему не останется ничего другого, как собрать кредиторов и поговорить с ними по душам, — а видали вы когданибудь хоть намек на душу у кредитора?

Они обнаружили след тому назад с неделю. Нашелся добрый человек, который за пустяшную сумму кое как склеил разнообразные и нескладные догадки. Две или три фразы вдруг сразу выяснили все дело. Вот оно что! Ну да, чтонибудь да есть тут. Сперва они не могли никак проникнуть сюда. Магазины неприятная вещь в этой пустыне. Но он как то пролез. Он пролез на брюхе мимо пикета и до сих пор не понимает, как его не заметили. А дальше что? В воротах его задержали. Он привез письмо от БКА. Так с, письмо от БКА, говорите вы? — это у него спросили таким тоном, что у него душа в пятки ушла. Ладно, идемте: — бежать было уже некуда. Хитрить было тоже нечего. Он сказал в конторе уже проще:

— Мне желательно знать, может ли меня принять мистер Эвис — я от «Бразильского Флорина»?

И ни одна душа этому не удивилась. Вот тут то и была самая заковыка.

Серый человек пришел.

— Идемте, — сказал он.

Они пошли мимо длинного ряда низеньких зданий, лабораторий, видимо, как можно было судить по тому, что было видно в окна; мимо вышек, где ходила вооруженная стража с биноклями и где красовались не только пулеметы, но и небольшие пушечки, вошли в сад. Прошли одну аллею, другую.

— Тише, — сказал Серый. — Эх, — добавил он, остановившись, — ну и отчаянный же вы человек.

Сыщик вздохнул и пожал плечами. Ничего не поделаешь, когда у нас такая профессия.

Серый поставил его за кустом. Теперь он говорил шопотом.

— Стойте здесь. Как они закричат про Осию, выходите и идите прямо к нему. А то он сейчас на машину, да и поминай как звали. Только, — он оглядел сыщика подозрительно, — не вздумайте чегонибудь выкинуть, а то — вы сами понимаете...

Сыщик кивнул ему. Серый ушел.

Он оглянулся. Прямо перед ним находилась беседка, в ней сидел к нему спиной за столом некто, он быстренько стучал на машинке, поглядывая то в бумаги, наваленные на столе, то в книги, а по временам обращался с тем или другим весьма кратким приказанием к мальчишке-негру, который торчал около стола. Мальчишка бросался опророметью и немедля тащил указанное.

— Следующий, — буркнул тот, кто и был, видимо, мистером Эвисом.

И мальчишка быстро налил ему чего то в красивый синий стакан с золотом.

И опять застучала машинка.

— Третий с пятой.

Мальчишка быстро притащил регистратор. Эвис погрузился на минуту в него. Снова нос в бумаги. Что то пишет карандашом. Опять стучит машинка.

— Пятый том.

Есть пятый том.

— Дубина, — спокойно отвечает мальчишке Эвис, — здоров ли ты?

И книга летит в угол.

Мальчишка тащит другую.

Мистер Эвис отвечает ему сложнейшим ругательством, где упоминается масса мучеников и блаженных, несправедливо будто бы пострадавших за пристрастие к рому, а также и Осия.

Сыщик вздрогнул, услышав про Осию, и думал уже вылезти, когда произошел следующий диалог.

Мистер Эвис обернулся к мальчишке и спросил его:

— Любишь ли ты страусов?

— Очень люблю, — отвечал мальчишка, не задумываясь ни на миг.

— За что же ты их любишь, мой милый?

— Они выдумали чернильницу.

— А что сказал по этому поводу твой друг Осия?

— Он только мычал, так как был пьян в доску.

— С чего же это он так нализался?

— Его вздули хозяева за кражу сдачи в три пенса.

— Вот так Осия! — отвечал хозяин.

Снова раздался треск машинки, снова мальчишка тащит и убирает книги, которые мистер Эвис кладет на столик около себя. Потом хозяин снова оборачивается и спрашивает:

— Кто был Лаплас?

— Он был почтенной дамой методистского толка.

— Ясно: это была его профессия. А что он делал в свободное время?

— Заботился о своей теще.

— Из твоих ответов я заключаю, что он был непроходимый дурак, этот твой Лаплас!

— Дубина, каких мало.

Сыщик перевел дух. Ей-ей, он едва держался на ногах. Что такое делается?

Что это за полоумный, который ведет такие разговоры с негритенком? куда его занесла нелегкая?

А в беседке продолжалось.

— Говори мне: что такое Нил.

Мальчишка посмотрел недоверчиво и нерешительно ответил:

— Африканская река.

— Вот и врешь, — ответил наставительно хозяин, — действительно он был раньше рекой, но теперь там провели Миссисипи, а Нил разжаловали в кофейную мельницу для подстригания зубов молодым тиграм. Знаешь ли ты, как проводится Миссисипи? Бьюсь об заклад на две тысячи долларов, что ты не догадался.

— Нет.

— Берут Осию, выпускают из Осии кишки — остальное по желанию... да: добавить соли по вкусу, раскалить до бела и подавать.

Опять сыщик дернулся, но разговор возобновился.

— А скажи ка мне, где сейчас Осия?

— У сатаны на задворках.

— Он гостит у своего дяди, надо говорить, — поправил хозяин, — а за что же это его так скрючило?

— Он не знал, как проводится Миссисипи.

— А что у сатаны на хвосте?

— Мандаринное дерево.

--- А знаешь ли ты что растет на этом дереве?

— Сушеные попугаи с анисом.

— Да, верно, а еще молодые ежики, их снимают с дерева, начинают динамитом и фэйф-о-клоками и пускают в пустыню, в контору Осии — они летят, как маленькие форды...

Сыщик пожал плечами и решил ждать. Ежели мистеру Эвису желательно так чудить, то на то, в конце концов, его хозяйская воля. Человек, который может уставить всю пустыню пушками, имеет право себе кое что позволить.

Но вот они кончили. Мальчишка в мгновение ока убрал бумаги, книги, спустил машинку в стол и захлопнул деревянное жалюзи этого стола.

Хозяин снова обратился к нему. А мальчишка стоял ря-

дом с ним на вытяжку.

— Готово, — сказал хозяин. — Будет. Остановись. Стой смиренно, мой драгоценный, не забудь о том, что мы с тобою круглые дураки, и над нами бдит Осия. Закончим же труды наши хвалой в честь наших патронов, научивших наши чистые уста подходящему обращению с ромом, восхвалим их ослиным ревом, — ахнем и охнем так, чтобы все жареные куропатки со всей Америки слетелись в наши благочестивые желудки!

Хозяин стал с ним рядом. И тут они вместе закричали, что есть силы, ровно и точно, буква в букву:

— Да здравствует Ован-Черри-Тринидад, непобедимый синдикат — и да примут черти Осию на свой постоянный двор! — Что я стал бы делать без Осин? — добавил хозяин, — это сущий доппинг, этот проклятуший Осия.

И он быстрыми шагами вышел из беседки. Сыщик выступил из за куста.

— Знаю, — махнул ему рукой Эвис, — Брафлор?

— Так точно, — отвечал ему сыщик.

— Как вам у нас нравится? — спросил хозяин, идя по дорожке. А сыщик пошел с ним рядом, почтительно забегая вперед.

— С вашего позволения сэръ, — у вас устроено в самом лучшем виде.

— Вот, — сказал видимо довольный ответом Эвис, — так теперь вы согласны с тем, что этот ваш Осия просто старая тряпка и ничего больше?

— У нас всегда так думали, — ответил сыщик, он теперь пропал, как муха на тэнгль-футе, дай ему бог здоровья.

53

Плебс все не понимает

Если вы не работаете три месяца, если, к примеру сказать, касса вашего союза начинает пустеть, если пожертво-

вания начинают поступать все реже и скaredнее, если вас кроют со всех концов, если всюду шляется какая то несурзая дрянь, а жрать то вам нечего и нечего, — что вы станете делать?

Некоторые заводы, окончательно отощавшие, пробовали идти на мировую. Не тут то было: идите ко всем чертям, — завод закрыт и вы можете убираться на все четыре стороны.

Так по маленьку накопились весьма серьезного свойства скопища ободранных, раззоренных и разорленных людей.

Обстоятельства заставляли их действовать. В мирное время они не стали бы особенно безобразить, ну, они заставили бы какую нибудь пароходную компанию свести всех сразу в Калифорнию, заставили бы какой нибудь городок покормить их в течение трех дней, с условием, что они честно уберутся, спустя эти три дня, — но теперь все это не выходило. Городки встречали их пулеметами. А так! Они устроили пару, другую настоящих сражений, среди них нашлись сержанты и офицеры, что дрались с немцами на Марне, — они раза два наколотили шею правительственным войскам, а вследствие этого обзавелись кое каким снаряжением.

Раз, два, три, четыре — уже пять городков были в их руках, власти были разогнаны и там царствовал образцовый порядок в том смысле, что никто не смел никуда носу показывать и все одинаково голодали. Это не может кончиться хорошо, если это не забирает всю страну сразу, — а в ответ на их радио им посылали довольно смешные советы, только им то они вовсе не казались смешными.

У них был своего рода маленький фронт, и на нем не затихала перестрелка. Известие о гибели бекасов произвело фурор. Однако ничего не изменилось. А в три часа ночи правительственные войска начали наступление. Но и в войсках уже было брожение. Поэтому в тылу противника раздалась адская пальба, а наши взяли в такую работу наступавших, что продвинулись на три километра вперед. Вечером в городок вошли представители восставшего полка! целый полк к их услугам, с техниками и парком. Еды сколько

хотите. Ладно.

Так идет неделю. Приходит радио. Им предлагают сдать-ся. Они отвечают центральному правительству и требуют передачи власти им. Приходит в ответ вежливая телеграмма, что правительство согласно обсудить вопрос о передаче власти, но под тем условием, чтобы они сдавались без разговоров, покуда еще могут сдать-ся.

Приходит радио и еще, и «выясняется», что таких ячеек наобразовывалось уже немало.

Они разговаривают с солдатами на их «фронте». Солдаты добрые ребята, но они ни черта не знают. Через три дня приходит отчаянное радио от соседней «республики» с просьбой о помощи. А через день их начинает громить тяжелая артиллерия с блиндированных поездов. Знаете вы, что такое тяжелая артиллерия, и что происходит в городе, который ей подвергнется?

А потом все идет, как по писанному: — войска врываются в город с трех концов. Бомбы в окна, пулеметы по улицам и на крышах, драка в домах и подвалах, на улицах за баррикадами, в церквях и банках, город горит — дом за домом, улицу за улицей берут они штурмом, — это их приводит в адский раж. И через два дня над городом вест мертвая тишина, а ветер треплет на стенах краткие приказы военного коменданта города.

А Осия, который выдумал эту вот «кон'юнктуру», этот неистовый Осия, этот никому неведомый и никем не виданный Осия, рвет биржу на части, жжет города, режет солдат и рабочих, хуже чем свиней, пускает в трубу целые акционерные общества и раззоряет тысячи семей здесь и за океаном.

Мы не будем спорить и доказывать, что это чорт знает что, мы понимаем, что на войне иначе нельзя, — скажите ка мне: во имя чего все это делается?

Стифс работает

Он сидел в чистенькой комнате, инженер Стифс, пил чай да ел ветчину с крутыми яйцами и белым хлебом. Делал он это осторожно и торжественно. Давно уж инженер Стифс не ел ветчины с яйцами и белым хлебом. Ежели вспомнить, какой он только гадостью питался последнее время в Европе, так жуть берет. Да и гадости было довольно мало. Европейские газеты пишут, что в Америке гражданская война и все такое, ну, а я вам скажу, что это одни разговоры, — вы попробуйте ветчину, а потом говорите.

Стифс долго вынохивал и хитрил. У него набрался целый ворох материалов. Наконец, он умолил свой союз, который стал ужасно как прижимист за последнее время, так как в Европе тоже была «кон'юнктура» в своем роде, дать ему на билет третьего класса через океан. Его отговаривали. Мало, что ли, народу сломали себе голову с этим Идитолом, будь он проклят, — а толку все нет и нет. И никакого Идитола нет. Им, по правде сказать, и не пахнет. Вот что.

Но Стифс уперся в стену и не отставал. Он уверял, что оно вылезет неожиданно и тогда с ним не стоворисься. Все равно с ним не стоворисься, отвечали ему. Но оно будет в руках у нас. Ваша голова будет у них в руках, — вот что будет. Все таки он настоял на своем. Он таскался по Америке два месяца, из'ездил зайцем всю страну, пока наконец не напал на след. Он явился и сказал: — он интересуется вопросом, он работал сам, пусть меня проэкзаменуют ваши инженеры. Возьмите меня на работу. Сперва с ним не стали говорить, но когда он написал им доклад, где намекнул на кое какие свои соображения, они прислали за ним автомобиль, завезли по дороге в магазин готового платья, накормили в кафе — и увезли чорт знает куда. Они поняли, что из него может выработаться совсем нежелательный конкурент.

Он знал только, что они ехали на автомобиле всю ночь, не останавливаясь, и в конце пути по чрезвычайно отвратительной дороге! Потом его высадили и повели пешком, он карабкался какой то горой, и если бы его не вели за руки, одни спереди, другой сзади, так он там бы и остался, гденибудь в каменной щели. Уже светало, они перешли досчатый мостик через дыру, куда и глянуть то было страшно, и где внизу клокотала вода. Утром пришли. Настоящая крепость. Привели его в комнату и сказали, что это отныне «его комната». Он разделся, умылся и брякнулся на постель. Чуть не год он не спал на чистом белье.

Вот он, наконец, работает в лаборатории, где изобретают Идитол. Так и есть, все это сказки, что ввали газет, — соображений у них масса, а до дела то еще довольно далеко. Он так увлекся этой работой, что обо всем позабыл. Вот это лаборатория: — газ, вода, электричество во всех видах у вас под руками. Посуды девать некуда. Целый штат вычислителей, которые с утра до вечера трещат на арифмометрах, — благодать да к только. Кормят до отвала. Но уйти отсюда и думать нечего. Газеты привозят всех направлений, но их никто не читает. Он первое время брался за них, потом тоже отстал. Он работает до двенадцати часов в сутки, и все так работают, — до газет ли тут. Кто тут хозяин? Ничего не известно. Пробовал он спрашивать, — но его однажды позвал старший инженер и спросил его, зачем он сюда приехал: — работать или сплетничать. Он попробовал было об'ясниться, но инженер глянул весьма хмуро. Если он приехал работать, пусть идет в лабораторию, а в противном случае для него найдется и другое место. Он подумал, поклонился и пошел в лабораторию. Если уж он попал в эту переделку, то лучше сидеть в лаборатории, чем в этом «другом месте». Хорошо еще если это «другое место» окажется подвалом, — оно может оказаться и более прохладным помещением. Ему был дан и еще один предметный урок. Его сослуживец, лаборант, человек крепкого роста, весь квадратный, с ручищами и ножищами, которые положительно стесняли Стифса, ибо ему казалось, что они занимают все пространство около вытяжного шкафа, однажды

разговорился с ним, — хоть на вид и был достаточно неразговорчивым. Его мрачная фигура не давала возможности определить, говорится ли это так себе, или в назидание Стифсу, это обстоятельство придавало несколько мрачный оттенок разговору.

Лаборант сказал Стифсу, что очень аккуратные работники должны, по его мнению, быть под особой слежкой: слишком аккуратный слишком много и знает, — а кто много замечает, тот или продаст в один прекрасный день свои знания или, того хуже, окажется социалистом. Социалисты часто играют, добавил он, на том, что они безукоризненны в работе, как таковой, а сами стараются пользоваться тем знанием хозяина и его слабостей, которое имеется у всякого служащего. Это, знаете, старые штуки. А в общем то они, социалисты, наивнейшие люди: они немножко вроде диких, — простодушные каналы. Он их хорошо знает.

Стифс все это выслушал, и на него это произвело впечатление стоящей головомойки. Следили ли они за ним? он ничего не замечал, — но, вспомнив о том, как хорошо замаскирована их «крепость» со стороны пустыни, — подумал, что, ведь, все здесь поставлено на широкую ногу, и сыщики первый сорт, так что, пожалуй... Стифсу стало довольно грустно.

Они устроили себе маленькую вечеринку прошлое воскресенье, и некоторый господин, которого зовут мистер Эвис, и к которому все относятся весьма и весьма почтительно, говорил с ним очень ласково. Он подозвал его:

— Ну с, — сказал этот Эвис, — как вам нравится Америка, мистер Стифс?

Стифс ответил, что по его собственному мнению, покуда имеет об Америке очень превратное мнение.

Эвис захохотал и сказал ему:

— Да вы, товарищ Стифс, обо всем имеете превратное мнение!..

И так как Стифс покраснел, как рак, главным образом от «товарища», то он похлопал его по плечу и сказал:

— Не обижайтесь, это у нас принято так об Европе говорить, а вы молодчина и знаете свое дело... что же до со-

циализма, то мы и с ними столкнемся, вот увидите!

Стифс и представления не имел, что его биография так хорошо известна.

А потом этот Эвис собрал в кружок молодежь, молодых людей и барышень, и они начали «играть в Осию». Один изображает Осию, а остальные его спрашивают, отчего он такой грустный и прочие глупости, стараясь заставить его сказать слово Идитол, а «Осия» старается обойтись без этого слова. А потом Эвис сказал ему: .

— Этот блудливый кот Осия боится сказать слово Идитол, — но мы его прижмем к стене и он нам его будет петь на мотив «Янки додль»... А после этого он будет собирать окурки от сигар и кончит в богадельне.

55

Анни возвращается

Дверь отворилась и сердце у нее замерло. Она нарочно пришла днем в два часа, когда его не бывает дома. А он как раз и открывает.

— Входи-ка поживей, — сказал с испугом Гелл и захлопнул за ней дверь.

Она вошла, села на маленький диванчик. Господи, все точь в точь так же, как было и тогда, когда она убежала. Только часы перевесили. Кот (настоящий антропоморфический, не забудьте) подошел к ней, ткнулся носом ей в ботинок и мурлыкнул: — урр и мурр. Она поглядела на кота и заревела. А Гелл стоял к ней спиной и усиленно разбирал прошлогодний календарь на столике.

— Господи, Гелл! — сказала она.

— Чорт с ним, с этим делом Анни! — ответил он.

— Значит, Гелл, ты не считаешь меня потерянной?

— Глупости, — ответил он, — только я тебе всегда честно говорил, что ты сломаешь дурака в этом деле. Хорошо еще, что ты от него во время убежала, а то бы тебе не здо-

бровать, как не одобровал и он.

— Что ты говоришь, Гелл, разве с ним что-нибудь случилось?..

Гелл посмотрел на нее подозрительно. Помолчал:

— Он опять исчез, ну и мы думаем, что, знаешь ли... Не плачь, Анни, слезами этому не поможешь — ведь ты же понимаешь, когда за человеком охотится полиция двух материков, так, будь он семи пядей во лбу, ему нипочем не уцелеть.

Анни очень хорошо понимала это, но это ее ни капельки не утешало, а как раз наоборот. И Гелл не знал, что ему делать с таким приступом рыданий. Он чесал затылок и ругал себя за неуместную откровенность. Да, дожидайся от женщин благоразумия. Положим, может быть, так оно и полагается. Конечно, он дурак и сумасшедший, но она то, кажется, другого мнения на этот счет. Кот стоял, привалившись плечом к ее ногам, изображая своим хвостом род вопросительного знака, что, кстати сказать, никак не говорило о том, что он находился в недоумении, а знаменовало собой благодущие и полное душевное спокойствие. Он стоял так и думал (это, видите ли, была его специальность, потому что он был совершенно антропоморфический кот), что если человек приходит не через дверь...

56

Он получил все, что следует

Член правления «Бразильского Флорина» смотрел на хорошенькую женщину, сидевшую перед ним, протирал глаза и никак не мог все таки понять, бредит он или нет. А та посмотрела на него несколько критически и спросила:

- Надеюсь вы меня поняли?
- Понял ли я вас?
- Вот именно.

— А где же служащий Стифлэта?

— О нем не беспокойтесь.

Брафлор подумал, что это значит, что беспокойся или не беспокойся о сыщике, ему уже все равно не поможешь.

— Это жаль, — сказал он.

— Он цел, не беспокойтесь. И делает то, что привык делать.

— Так, — сказал Брафлор, — а мы, вы говорите, получим, все что следует?

— Если вам так угодно выразаться, то все, что «следует».

Брафлор заерзал на кресле.

— А бекасы? — спросил он.

Но тут она потеряла терпение:

— Я пришла говорить о деле, — сказала она, — вам угодно согласиться на мое предложение или нет?

Брафлор был смущен. Хорошо, но он желал бы получить доказательства.

Его собеседница вынула из маленького портфеля бумажку весьма делового типа. Он глянул с удивлением.

Вот оно что!

Она глядела на него с крайним нетерпением.

— Хорошо, — сказал он, — согласен в пределах моих полномочий.

— А именно?

— Поскольку являюсь представителем Брафлора, а не консорциума.

— Мы не можем допустить, чтобы дело затягивалось далее, чем это нам требуется.

— Я не могу отвечать за консорциум.

— Хорошо, — ответила она кротко, — известно ли вам, что 35% ваших акций в руках ваших агентов?

Она показала еще несколько бумажек, за которые Брафлор схватился почти с ожесточением, и добавила:

— Они будут выброшены сегодня же. Дальше, вы входите пайщиком в заем, предоставленный Экуадору...

Брафлор вытарашил глаза.

— Да, — сказала она, — через цепную связь фирм: Лангопг, Колумбик-Ко, кредитная ассоциация Уаупеса, Оното-Виктория и наконец ваш консорциум. В ваши интересы совсем не входит, чтобы это сделалось известным французским банкам, — они кредитуют вас, и большая часть их кредитов ушла на Эквадорскую нефть, — для нас не представляет трудности довести все это до их сведения. Раз они форсируют ваши уплаты, ваш крах — вопрос нескольких дней.

Брафлор был уничтожен. Вот, когда он попался! Совершенно своеобразная спекуляция на эквадорской нефти, — нелепая от начала до конца для постороннего наблюдателя, так как казалось, что Брафлор должен уходить от нефти и сживать ее с биржи, объяснялась тем, что %% эквадорского займа были гарантированы двумя правительствами: эквадорским и правительством старца Ш., который номинально выдал заем. На самом же деле заем выдавался именно Брафлором, который в свою очередь получил деньги от французских банков, конкурировавших с эквадорцами. Эквадорцы же употребляли эти деньги для вытеснения из страны французского кредита, в чем косвенно были заинтересованы и Брафлор и великий старец Ш. Операция эта была рискованнейшего характера, но в случае удачи дала бы Брафлору 24% чистыми на чужие деньги, а также очистила бы для него Эквадор, с которым бы он солидаризовался тогда для борьбы с франком. На эту спекуляцию Брафлор пошел потому, что не имел ничего лучшего вслед за ликвидацией войны.

Брафлор поглядел на свою собеседницу и сказал:

— Я не имею возможности вам отказывать. Но я попросил бы ответить мне на один вопрос: как думает ваш синдикат, имени которого я не имею к сожалению удовольствия знать, справиться, уже не с Лавуэрсом, а хотя бы с ВБСГ, и что он нам предложит делать, если он с ними не справится?

— Вам известно, что ВБСГ снижал свои акции?

— О, да.

— Их положение настолько непрочное, что мы, скупив половину этих акций...

— Половину?

— Да; половину... скупив половину, мы подняли их еще на 480%, заставив их купить у нас не больше как двести семьдесят пять паев.

И еще документ в доказательство.

Через час все было кончено. Брафлор повернулся на каблук и хихикнул. Он нажил сегодня за два часа времени на Идитоле ровно 340 миллионов. Вот это дело!

Откуда взялись эти невероятные деньги, — подумал он. Просидев часа два в кабинете, справившись в дюжине финансовых сборников и собственных записных книжечек, подсчитав и сопоставив, он пришел к следующему выводу. — Неведомый синдикат, — который может быть и есть этот самый Ован-Черри-Тринидад, — мог бы получить эти деньги только путем краха БКА: отсюда ясно, что крах этот был фиктивный. Скупка акций ВБСГ доказывает, что БКА взорвали специально, чтобы сбить с толку Осию, который имел глупость немедля спустить свои акции. С другой стороны Осия не спустил бы их, если бы мог их продержать хотя бы неделю так, как они стояли. Значит у Осин тоже не все благополучно, а этот синдикат — тонкая штука. Теперь они стоят в девятнадцать с половиной раз выше того, что требует примерная истина, — ВБСГ пропал!

57

Дело идет к концу

Брафлор только что выскочил из вагона. Через двадцать минут авто довез его до биржи. Ладно, здесь его никто в лицо не знает. Он вскочил в здание. Кулуары и коридоры были набиты народом. Дверь в сад была забита ими же. Он протискался в зал. На возвышении стояли маклера, —

ага, Осия доколачивает несчастную Охлатому: —

— Охлатома двадцать пять десять!..

— Я даю триста Охлатомы по двадцать пять десять!..

— Двадцать четыре девяносто!..

— Двадцать четыре девяносто!..

Брафлор подошел и не мигнув глазом взял триста по этой цепи.

Было бы глупо упустить подобный случай: счетные книги Охлатомы стоят дороже, — до чего люди могут потерять голову.

Таким образом Охлатома задержалась на несколько минут. Брафлор сбежал в коридор и подозвал троих маклеров, шатавшихся без дела.

Через полчаса он взял еще сто Охлатомы по двадцать три и сорок.

Он подозвал своих маклеров и шепнул им.

Они разбежались по разным концам зала. Вместе закричали они: они предлагают четыреста Охлатомы по двенадцать и десять. Через два часа таких вывертов, Брафлор имел в кармане шестьсот Охлатомы по двенадцать и пять. Он прямо прыгал от удовольствия. Ха-ха-ха! — и никто в зале не знает: что он то теперь и есть Охлатома.

Он ушел и вернулся вечером. Публики было еще больше, ему показали маклеров Осии. Они пробовали скупать Охлатому. Нет, шалишь. Теперь им не видать Охлатомы. Но вот некто вылез повыше и громовой бас пронесся по залу: — у него есть сто тридцать ВБСГ по три семьсот. Кто берет ВБСГ по три семьсот? Взято. Опять тот же голос: — пятьдесят ВБСГ по три восемьсот. Взято. Так шло с полчаса. Об Охлатоме забыли. В зале появился некоторый коротенький, седой, одуловатый старикашка, который распоряжался скупщиками ВБСГ. Он прошел мимо Брафлора, ему уступали дорогу. Он глядел темно и непонятно из под мохнатых седых бровей, его верхняя губа шевелилась, лоб поминутно покрывался морщинами, толстая сигара крепко сидела в обрубках пальцев, между искрометными перстами. Это был сам Осия Лавуэрс. Он прошел и скрылся.

ВВСГ догнали с вариациями до четырех тысяч шестисот за акцию: — это была совершенно несуразная цена. Но Осия держался. И тогда началось новое представление. Два негра выскочили на стол. И крикнули в унисон:

— Мы предлагаем паи кредитного консорциума Осия Лавуэрс, — двести паев по шестьдесят три тысячи долларов!

Невероятный шум поднялся в зале: эти паи никогда не выходили на биржу. Цена им была сорок и две. Свист сопровождал это предложение. Палки и кулаки потянулись к неграм. Это явная спекуляция. Но один из негров потряс пачкой облигаций над своей головой:

— Здесь у меня сто двадцать паев Осия Лавуэрса, кредитного консорциума, — сто двадцать Лавуэрса по шестьдесят!

Крик и стон в зале. К неграм присоединились белые маклера: они влезают на стол вместе с ними:

— ВВСГ по три семьсот... по три шестьсот...

Брафлор одурев от азарта влезает на стол. Он кричит:

— Бразильский Флорин предлагает Охлатому по сорок и две!

Снова крик в зале.

Апельсин летит негру в лицо. Он ловит его на лету и кричит:

— Сто двадцать Лавуэрс и один апельсин по пятьдесят восемь!

Хохот покрывает это. Толпа переходит частично на сторону негра. И голос из толпы дает негру за Осию — тридцать девять и одну.

Крик покрывает это представление. Маклера Осии бросаются к столу.

Они берут все, что есть у негров по шестьдесят.

Они берут Охлатому по сорок и пять.

Они берут ВВСГ по три шестьсот.

В зало почти ничего не слышно. Люди, которые стоят у стола с неграми, держат ладони около ушей. Остальная зала кричит, волнуется, кипит, показывает палками на стол с неграми.

Охлатома взлетает на пятьдесят и три.

ВВСГ на три девятьсот.

Осия котирруется шестьдесят и шесть.

Охлатома лезет вверх — Осиины маклера скупают ее, как будто это их любимая бумага. Брафлор продает им ее с выдержкой маленькими партиями.

ВБСГ —четыре десять.

Четыре пятнадцать.

Четыре восемнадцать.

Четыре девятнадцать.

Четыре девятнадцать с половиной.

Четыре девятнадцать с половиной!

Четыре девятнадцать с половиной!!

В зале умолкают... тише... тише... И охрипший маклер кричит:

Четыре девятнадцать... четыре восемнадцать... четыре пятнадцать... четыре десять, — и снова крик и неистовый шум поднимается в зале.

Теперь ВБСГ падает. Ловко это было сделано с Осиинными паями — у них не хватает наличности, а четыре ВВСГ но остановишь уже. Он падает так скоро, как только может выкрикивать маклер. За полчаса он падает до двух и шестисот. И на этом он останавливается. Потому что биржа закрывается.

Завтра утром ВВСГ не откроет контору. Все карты раскрыты: — некто, — не важно кто, — свалил ставленника Осии. Телеграф уже работает. Он несет по всей Америке известие о том, что Охлатома крепчает, а ВБСГ упал вдвое за один вечер. Это вызовет панику по всей стране. Кабельный ток прилетит в изящный сифонный телеграф лорда Кельвина: — паника побежит в Париж, Лондон, Берлин, Вену.

Горючее падает, горючее падает!

Охлатома крепчает — керосин дешевет. Новая кон'юнктура!

Эвис воюет

Красный автомобиль, подымая целые облака пыли, несся туда, к фронту бастующих. Двое сидели там: — мистер Эвис и его мальчишка негритенок. Они вели поучительную беседу об Осии. Ехать в эти места не полагалось. Там шла теперь уже самая настоящая война. Это была грандиозная Охлатома и ВБСГ, об'единившиеся для борьбы с биржей. Долой эксплуататоров!

Эвис приехал в штаб правительственных войск. На фронт никого не пропускают. Никого — но не Эвиса. Эвиса пропускают. Автомобиль медленно ковыляет дальше. Он едет с громадным белым флагом. Навстречу ему выезжает другой. Офицер правительственных войск видит, как Эвис здоровается с парламентаром, угощает его сигарой, сажает в свой автомобиль и они двигаются далее.

Эвис и рабочий в'езжают в город. Автомобиль колесит по улицам и проездам, так как по большинству центральных улиц проехать нельзя, — это груды камня, железа, битого стекла, дымящихся пожарищ, а не улицы.

Эвис смотрит на это и покачивает головой. Рабочий угрюмо посматривает на него. Они приезжают в штаб.

— Я, представитель синдиката Ован-Черри-Тринидад, — говорит Эвис, — нам принадлежит теперь Охлатома и ВБСГ...

— Фабрики принадлежат рабочим, — отвечают ему тяжело и мрачно.

Эвис спрашивает, хотят ли они его выслушать. Если он будет говорить, что он хозяин фабрик, то — нет. Эвис отвечает, что он не будет этого говорить: он оговорился, — им принадлежат не фабрики, а акции этих обществ, он хорошо понимает, что это не одно и то же. Его окружают мрачные, грозные, испитые, грязные и измученные лица. Эвис говорит, что он приехал для того, чтобы попробовать сговориться: — стране грозит банкротство. Ему отвечают, что

он не сможет этого предотвратить. Эвис соглашается, — да, он затем и приехал к ним, чтобы заручиться их помощью. Не находит ли он, что они достаточно помогали капиталистам? Эвис уклоняется от ответа и просит уяснить себе его позицию: — он приехал вопреки желанию правительства, на свой страх, — знают ли они, что ВВСГ прекратил платежи? Ему говорят сурово, что это не ответ. И что им теперь все равно, кто там лопнул и кто еще не лопнул: — они добьются того, что все лопнут. Считают ли они это выгодным для себя? — спрашивает Эвис. Им нечего терять. Эвис все таки просил бы выслушать его предложения. Они удаляются на совещание. А мальчишка негритенок подбирает Эвису бумаги из двух портфелей.

Через десять минут они выходят. Хорошо, они выслушают его. Но его предупреждают, что совещание должно носить только деловой характер. Эвис соглашается.

Они выходят в маленький зальчик и садятся вокруг двух столов. Эвис просит разрешения осведомиться, с кем он имеет дело. Ему отвечают: это объединенный комитет басующей области. Ему принадлежит власть в области, окруженной с четырех сторон войсками правительства.

Эвис спрашивает, сколько времени дают ему на доклад. Ему дают двадцать минут. Хорошо. Он начинает.

Он приехал не от правительства. Оно показало всю свою глупость и слепоту на этом деле, так что ни один деловой человек теперь не будет говорить с ним. Он является от синдиката Ован-Черри-Тринидад, объединяющего собой такие и такие то банки. Вот каковы их акционеры и каковы их капиталы. Он должен вкратце изложить историю вопроса. Синдикат Лавуэрс под предлогом кампании за Идитол поднял на бирже борьбу с фактическими владельцами горячего. Лавуэрс не имел возможности всех их скупить — угодно — ли доказательств?

Председатель ставит вопрос на голосование. Нет, отвергнуто. Биржа их не интересуется.

Поскольку это так, — вся склока, поднятая Лавуэрсом, является спекуляцией. Спекуляция эта возникла из необходимости прикрыть дыры синдиката Лавуэрс. Он не мог

скупить горючее и металлургию, но он мог разорить их. Однако, вслед за разорением, он не смог бы эксплуатировать эти богатства. Таким образом, вы представляете себе, что победа Лавуэrsa знаменовала бы собой крах отечественной промышленности.

Председатель останавливает его. Ему подана записка. Некоторые члены совещания выражают сомнение в сказанном.

Эвис останавливается. Он не имеет ничего против того, чтобы подкрепить свои слова. Он вынимает документы. К нему подсаживается с одной стороны рабочий в блузе, с другой молодой человек, с нежным цветом лица, в очках, его прямые волосы падают ему на глаза. Минут десять они просматривают документы. Бумаги ходят по рукам. Пока они рассматривают его бумажки, услужливо им развертываемые негром, Эвис курит себе свою сигару (его портсигар лежит открытый на столе, но никто не берет сигар) и посматривает. Он отлично замечает, как некий блондин с подозрительными глазами и усами, обвисшими, как у сома, поглядывает на другого блондина более гладкой и оптимистической наружности, пока тот совещается полу-шопотом с соседом. Он, Эвис, прикидывает, что ведь не все же здесь думают одно и то же, — ясно, что Осия их мог склеить своей дуростью, но война с Осией кончится, и тогда наметятся трещинки всякого рода. По тону кое-каких вопросов он видит, как некоторые дальновидные люди, ловко пробуют воду при помощи чужих конечностей, — это опять вода на их мельницу, — эта-то вода. Наконец, молодой человек в очках говорит, что он лично полагает, что доказательства удовлетворительны. Его подзывает председатель и спрашивает его на ухо. Он отрицательно качает головой. Эвис догадывается, что дело идет о подлинности его документов. Видимо, этот юноша, — человек осведомленный. Он продолжает.

Ряд других операций, предпринятых Осией Лавуэрсом, как-то соглашение с Ланголонгом, участие в экуадорском займе, фиктивном займе, который ставит ряд европейских банков в очень неловкое положение, — они, стало быть, поддерживают операции недоброкачественного свойства,

— и еще кое-какие обстоятельства заставили их синдикат, Ован-Черри-Тринидад — предпринять секретное обследование дел Лавуэрса. Обследование это показало, что фирма Лавуэрс прогорела уже два года тому назад, и ныне ее благосостояние зиждется на ряде совершенно недостойных делового человека сделок с мелкими и ростовщическими банками, онкологами, а также ее связью с штрейкбрехерскими конторами...

Движение среди присутствующих. Снова Эвис показывает документы и снова они признаются удовлетворительными. А молодой человек в очках — объясняет шопотом своим соседям в чем здесь дело.

Политика синдиката Ован-Черри-Тринидад свелась после этих открытий к борьбе с Осией. Положение сейчас таково. Им удалось сбить одного очень важного конкурента, именно ВБСГ, подкупить другого, именно Брафлор,— но силы Осии еще не исчерпаны. Он помят, но далеко еще не разбит. БКА была принесена в жертву Осин с целью сбить ВБСГ, и эта цель достигнута. БКА может быть восстановлена безо всякого убытка для вкладчиков ровно в две недели.

Итак, он позволил себе очертить создавшееся положение следующим образом. Борьба за Идитол приближается к своему концу,— все мелкие враги и друзья сведены на нет. Что до самого Идитола, то Ован-Черри-Тринидад ведет сейчас в большом масштабе эти исследования. Пока еще реальных результатов не получено. Что же до изобретателя Идитола, то политика Осии в этом деле свелась к неотступной травле того и другого изобретателя, при чем он не останавливался ни перед чем, — однажды им был взорван из за Идитола пассажирский пароход. Повидимому оба изобретателя стараниями Осин убиты. Итак остаются: — Ован-Черри-Тринидад и Осия. Преступления Осин во всей этой борьбе неисчислимы. Организованные им поджоги и взрывы фабрик, избиения рабочих и резня беспримерны. Потери по примерным подсчетам исчисляются в двадцать тысяч человек квалифицированной силы, убытки превосходят один миллиард долларов.

Если победит Осия, то он не будет иметь ни пенса, чтобы пустить фабрики в ход. Пройдет по меньшей мере год, пока начнет налаживаться производство. Их сведения не оставляют в этом никакого сомнения, к сожалению. Все построено на блефе и надувательстве.

Дальнейшее продолжение гражданской войны грозит стране банкротством. Люди, в руках которых очутится власть, останутся перед разбитым корытом. Всякая власть в таком случае будет лишь сигналом для дальнейших избиений.

Итак победа Осии приведет весь индустриальный класс к нищенству, дисквалификации и вымиранию. Продолжение гражданской войны, укрепляя положение Осии, который базируется в большой мере на непримиримости рабочих, окончится тем же.

С другой стороны он должен заявить без дальнейших околичностей, — ибо опасность, которая привела его сюда слишком велика, чтобы можно было лицемерить, — что средства Ован-Черри-Тринидад — на исходе. Они могут продержаться в том же темпе биржевой игры, которая существует сейчас, не более десяти дней. А средства Осин будут исчерпаны через четырнадцать дней. Разница в четырех днях, — и гибель на носу. Капиталы Америки ушли на чудовищные истребления и рассеялись по рукам разных темных личностей, награвших себе руки на этом деле. Как ни страшно то, что делается в их несчастном городе, — будет еще страшнее, если это распространится на всю страну. Тут уже будет виновен не Осия, а логика вещей. Он понимает, что слова «биржевой синдикат» не внушают им доверия, — он хотел бы однако обратить их внимание на то обстоятельство, что на фабриках, связанных с Ован-Черри-Тринидад, они всячески избегали применения вооруженной силы, — она была применена только в Пенсильвании. В свое оправдание он сказал бы, что это случилось потому, что масса пенсильванских рабочих состояла из эмигрантов. Он понимает, конечно, что и эмигранты — люди, но собранию, конечно, неизвестно, как трудно ладить с этой неорганизованной массой, распаленной взрывами и агитацией Осииных агентов.

Он замолчал. Какая-то подавленная тупость отражалась на лицах его слушателей. Как ни ужасно было их положение, они все-таки не догадывались, до чего дошло дело во всем его объеме. Им — в массе — представлялось дело так: они продержатся еще некоторое время. Наконец, правительство пойдет на уступки, дело обойдется, фабрики задымятся и страна снова вздохнет своей стальной грудью. А от этих слов, подтверждаемых ужасными документами, несло таким смертельным тупиком — что в голове кружилось. Эвис заговорил снова.

Они привыкли глядеть на финансовые объединения, как на нечто, направленное против широких масс. Если ему позволят, он сказал бы кое-что об этом. Эти объединения в их чистом виде — и есть эта масса: Ован-Черри-Тринидад представляет собой целое государство, — с ним связаны в общей сложности интересы шестнадцати миллионов семей. Это наиболее энергичные люди Америки и отчасти Европы. Крах синдиката пустит эту массу по миру. То, что они делали, было фактически волей этого коллектива. С Осией связана биржевая мразь и международные объединения спекулянтов. Ован-Черри-Тринидад обратил пустыни Юкатамы в цветущие поля, — его обвиняли в эксплуатации фермерской массы, — да, путем кредита он заставил их работать, что есть силы, — но иначе Юкатамы была бы заселена редкими поселками нищих, и по более того. Фермер Юкатамы на всю жизнь связан с синдикатом, — но он живет в чистом доме, а его дети учатся агрономии. Неужели вы выберете какую-нибудь Турцию, где «свободный» поселенец не может выработать за всю свою жизнь какой-нибудь плужок и ковыряет землю мотыгой — и так тянется из поколения в поколение! Наконец становится теснее и теснее, беднее и беднее — и страной завладевают иностранные хищники. Они бросаются на эту толпу нищих, — они превращают их в своих рабов, их голодные кости перемалываются хищниками на золото, — и вот на всю шайку сваливается как лавина — война... и гибель страны.

Они посматривали на него, движимые разными чувствами: — он хозяин, что вы ни говорите, он для того и при-

ехал, чтобы им это напомнить, его уверенность в своем могуществе и вольность, с которой он думает распорядиться их судьбой, импонирует с одной стороны, а с другой приводит вас в бешенство. Его бы недурно вытащить на задний двор да и повесить высоко и коротко, — но тогда поднимется бешеная агитация и их шкура затрещит: это знает и он, и этим объясняется его полное спокойствие.

59

Заседание продолжается

Молодой человек в очках просит слова. Он говорит тихим голосом, а Эвис в это время пытается сообразить, сколько может стоить времени и денег обращение этого юноши в противоположную веру. Молодой человек говорит: — господин Эвис, говорит он, плохо представляет себе положение дела. Да, забастовки и гражданская война вызваны капиталистами, — Осией, или кем-либо другим, это совершенно неважно, для них вся эта публика на одно лицо, — но это в настоящую минуту не определяет ни в малой мере положение дела. Поскольку революция началась, — она началась и ничто уже не может ее остановить. Это не ряд разрозненных попыток, а сплоченный поход против капитала, они осведомлены о том, что делается в стране. Сегодня вы можете приехать в автомобиле, и ваш шоффер слушается вас, а завтра эта живая машина может вам отломить голову. Вот чего не понимает господин Эвис. Эвис сидит себе, как ни в чем не бывало и курит свою сигару. Он продолжает, этот юноша. Эвис говорит об Осии, — они знают, что Осия — жулик, и Эвис может быть уверен, что это стало известным им гораздо раньше, чем его биржевой машине с экзотическим названием. Но капиталистическое общество — это припудренная сверху хорошими словами анархия и больше ничего, — Осия не случайность, а продукт биржи, — таких Осий не оберешься, уберут одного, завтра выско-

чит еще полдюжины шельм в том же роде. Рабочий класс не заинтересован в свалках капиталистов друг с другом, — когда хозяева ссорятся, рабы благоденствуют (Эвис смотрит удивленно на него, а тот чуточку краснеет, а слушатели осторожно переглядываются). Пока существует капитал, подобные коллизии неизбежны, а за них почему-то должны расплачиваться не те, кто их заводит, а те, кто собирает богатства. Осия связан со штрейкбрехерскими конторами, — весьма вероятно, но эти конторы доходное предприятие, не хуже другого, почему бы ему с ними не связаться? Просто смешно думать, что их можно поймать на такую удочку! Что делает синдикат господина Эвиса со столь пышным заглавием, — да то же, что и Осия: анархизирует последние остатки производства, — разрушает один трест, другой и так далее, на деле это сводится к локаутам и массовым убийствам наших товарищей. Почему Ован-Черри-Тринидад имеет право это делать, а Осия нет? Ован-Черри-Тринидад честное заведение, а Осия — жулик: но ведь это же сказки для воскресных школ, даже в случае, если это и правда в том смысле, какой господин Эвис придает этим определениям, что, конечно, может быть достоверным разве для новорожденного. Тонкость всех этих различий между допустимым биржевой моралью и недопустимым — дым и миф. На войне все допустимо в конце концов, а оба треста воюют с рабочими, следовательно... А для хороших слов к их услугам вся пресса. Если победит Осия... — тут не может быть таких «если»: победят или рабочие или капиталисты. В первом случае в стране наступит мир, а капиталисты будут умерщвлены, то есть погибнет небольшая кучка паразитов, во втором будет грандиозная резня, сама по себе являющаяся основанием для полного обнищания страны. Новая власть очутится перед разбитым корытом — это неверно и довольно наивно: в стране со ста миллионами душ остаться без рук и головы. Трудности, предстоящие на этом деле, не превосходят да и не могут превзойти те, что будут, если власть останется в руках имущих. То, что капиталы воюющих сторон подходят к концу, его очень радует. Он надеется, что они выгребли и из Европы достаточное коли-

чество ценностей, чтоб намечающийся кризис разразился и там. (А Эвис утвердительно кивает ему головой). Очень хорошо, что это так, значит и европейские товарищи присоединятся к нам. Капиталы истреблены, то есть волки загрызли друг друга, — тем лучше для овец. Вот именно тут то и не должны сдаваться рабочие, — это было бы преступлением упустить подобный случай. На использование этой ситуации и должны быть направлены все силы рабочего класса. На остальные положения господина Эвиса он не будет возражать, все это не так уже интересно. Разумеется, Эвис будет их уверять в том, что его синдикат любит рабочих, как своих детей, и никогда не позволит себе стрелять в них, это не так ново, как думает оратор. Характерно, что синдикат собирает на фабрики именно эмигрантов, — ведь с ними легче справиться, а потом объявить, что они де бараны и лучшего, чем пуля не заслуживают. Картинки из библии Доре, изображающие мир и счастье, среди умиленных голодом и судами с искусственным составом присяжных агрикультурными батраками, именующимися юкатамскими фермерами, лучше оставить для эмигрантских контор, Ован-Черри-Тринидад мог бы и не ставить себя в смешное положение, вспоминая об этом. Вот. Он обращается к товарищам с предложением проводить мистера Эвиса до границы восставшей области и проститься с ним на некоторое время. Если господин Эвис действительно порядочный человек, то и ему в конце концов найдется место в новом обществе.

Выступают другие. Они примерно повторяют с различными вариациями то, что говорил юноша. Эвис покуривает себе сигару. У некоторых слышна нерешительность, а из некоторых так и брызжет ненависть. Они несколько одурочены тем, что Эвис не выказывает никакой досады на все ему выложенное. А Эвис слушает в полуха, изредка записывает себе на бумажку, лежащую перед ним и думает, до чего это похоже все на кинематограф с карбонариями или компаньонажами. Он едко отмечает себе те места их речей, где проскальзывает сострадание, каковое ему кажется слабостью. Но он с восхищением и аппетитом по-

сматривает на их громадные мозолистые руки, все молодец к молодцу. Они кончают. Эвис получает слово.

Эвис сперва благодарит за доверие. Это очень мило, что мистер... он не имеет чести знать его фамилии, — надеется, что ему, Эвису, найдется место в социалистическом обществе. Эвис сам уверен в этом, — конечно найдется. Эвис не сомневается в том, что это будет очень удобное место, откуда его уже никто не потревожит, — но он бы не хотел отправляться без благословения небес в это место и с чужой помощью, поскольку таковая не оправдывается аптекарской кухней. Да. Теперь он перейдет к делу. Товарищи — он произносит это слово совершенно спокойно, поглядывая на председателя — напрасно думают, что он совершенно необразованный человек. Он кончил европейский университет, и ему читал политическую экономию профессор-социалист, правда не бог весть какой социалист, но все же. Так что он с сожалением должен констатировать, что та маленькая лекция о тактике рабочего класса, которую он прослушал, не представляет для него ничего нового и, если бы он интересовался делом именно с этой стороны, он мог бы это получить у себя в кабинете, заказав себе эту филиппику какому-нибудь специалисту. Вы хотите делать революцию, — но с точки зрения Эвиса, вся его, Эвиса, речь говорила о том, что их попытка осуждена на неудачу. Конечно, всеобщее разорение очень серьезный и единственно верный постулат для революции, но до него еще далеко. Есть ряд производств почти не задетых кризисом. Дело еще не дошло до того, чтобы встали все, как один человек. Это то и неприятно — не для него, конечно, а для страны, — что до революции дело не дошло и не имеет шансов дойти, а кончится только весьма обширной резней и бессмысленной потасовкой. Крупные города пока еще в стороне от всей истории, — а как они знают, это весьма важно. Транспорт своевременно занят войсками, которые основательно вычищены и подкуплены в меру потребности. Эвиса предупредили, что заседание будет исключительно деловым, — он позволил бы себе повторить это тем, кто ему теперь возражает. К делу нимало не относятся наши точки

зрения. Когда победит Осия, что очевидно, при дальнейшем упорстве рабочих, произойдет нечто: — и это то нечто не будет справляться по социалистическим конспектам., как ему нужно себя вести. И будет это нечто вот чем: — через десять дней власть в их отделах производства перейдет к банде финансовых разбойников, у которых не будет денег, чтобы пустить фабрики: и которые нимало не заинтересованы в том, чтобы таковые работали. Наоборот, им выгодно придержать кризис, они выигрывают на этом каждый миг, ибо возьмут свое на Идитоле, который рано или поздно, а будет у них в руках. Они обрушатся со всей силой на бастовавших, так как единственным их врагом тогда останутся рабочие; они кинут на это дело все свои средства в его собеседники могут быть уверены, что будут применены все мыслимые средства, чтобы сорвать забастовку и гражданскую войну. Для страны будет единственный путь — идти за Осией, и никто не откажется воспользоваться этим выходом. Вот что будет. И трезвые люди должны это понимать. Он и приехал их спросить, что им больше нравится: — работать на фабриках Ован-Черри-Тринидада, где режим все таки, хоть и не так красив, как у Доре, на какую тему можно весело поговорить за портером, а не в осажденном городе, — но легче и терпимее многих. Или им желательно помочь стране впасть в нищету, а самим быть перебитыми во имя вещей, может быть, и очень красиво звучащих, но никакого отношения к делу не имеющих.

Он оглядел всех еще более спокойно и замолчал. Он был убежден, что наступил им на хвост. А у них не было уже уверенности, что им удастся вытащить из под его вездесущих стоп этот самый хвост. По его уверенному виду, они сообразили, что он ожидал худшего. А уж кажется ему сплели все, что можно. Но эта каналья, не моргнув глазом, предложила им лезть без дальних разговоров в яму. Было бы недурно повесить ее немедленно, но с чего они тогда с ним об'яснялись? А в общем — чудовищная усталость делала свое дело лучше всяких угроз и аргументов. Или капитуляция, или гибель. Они — пушечное мясо, — мясо и мясо, и из этого им не дадут вылезти.

Молчание длилось минуты три. Наконец, председатель посмотрел на него и спросил:

— Чего же хочет синдикат?

Эвис передохнул и начал снова. Это был самый опасный пункт:

— Я обязуюсь увести войска. А завтра мы пустим фабрики в ход.

— Это невозможно! — ответил ему сосед.

— Возможно! — сказал Эвис, — у нас все готово для этого. Нужна лишь ваша добрая воля.

— А что получают рабочие за все, чем их угощали?

— Стоит нам согласиться на ваши предложенья, и наша шкура полетит так, как еще ни разу не летала.

— Нет, — отвечал им Эвис, — если вы не согласитесь, то пропали и вы и мы. Если вы согласитесь, будет все-таки чертовски трудно, но мы вылезем, — не будь я Эвис. Я отвечаю вам моей головой, что вам не будет сделано никакого вреда.

— Будут ли сделаны нам какие-нибудь уступки в фабричном законодательстве?

— Нет, — сказал Эвис, — об этом сейчас и думать нечего. Мы не сможем вам даже платить первое время. Но еды будет достаточно. Все будут сыты. Но денег не будет. Нам придется работать втрое против прежнего. Через полгода синдикат расплатится.

— Как же он расплатится?

— Дифференцированная прибавка от 30%, вентиляция и все такое, три санатории для туберкулезных па 250 мест, техническое училище.

60

Бегство

Эпсор сидел в вагоне подземной желдороги, грязный, замызганный, в клеенчатой куртке и смотрел расширен-

ными глазами в пустую пропасть стекла. Директор Диггльс-банка бежал — он бежал от своего банка, о котором завтра будет напечатано в газетах, что он прекратил платежи.

Его челюсти ходили под кожей с неистовой злобой. Дрожь ломала ему руки. Подумать, — десять дней тому назад он получил телеграмму Осии о том, что дело кончается, а с ним и этот подлый Ован-Черри-Тринидад, выросший на костях всех их врагов. А-а! — проклятие! ну да, он был на краю гибели, — этот Тринидад. И вдруг как по мановению жезла — заработали фабрики Тринидада. За неделю они ухитрились пустить двадцать два завода. Осия попробовал пустить и свои фабрики, но было уже поздно, — биржа по своему поняла, что значит запах дыма из труб Тринидадских котлов, — и всемогущий Осия лопнул в полчаса.

Все пропало и все пошло прахом. Все, что они имели, было вложено в это дело. Он бежал, — и больше ему ничего не оставалось делать. Позор и ужас.

С ним было немного денег. Где-нибудь да найдется же на земном шаре местечко, где он сможет скрыться.

Да будет проклят день, когда он послал Осии первую телеграмму об Идитоле!

Да будет проклят этот жулик Осня, который уверял его, что никто не может с ним помериться! А он верил этим пустым словам, как мальчишка!

Осия жулик — он знал это. Он не знал только, что он еще и дурак, этот Осия.

Он вышел, поднялся в лифте и поплелся к вокзалу.

Через день он был на берегу Франции. Он пробирался в Испанию.

Его чуть было не схватили на границе, в Пиренеях, но он выдрался. Преследование началось.

Все-таки они его поймали. Отвезли в тюрьму в Кадикс. Он сидел там около месяца. Вместе с ним в камере был какой-то американец, осужденный на десять лет, — он был высокий, сгорбленный, с длинными усами, по прозвищу Сверло. У него был громадный шрам на виске, — это ему подсадил следователь на допросе. Американец часто гово-

рил, — что вот тебе правосудие: засадить человека на десять лет, — так, неизвестно за что. За то, что он ехал в Америку!

61

Третий

Ральф поднял руки вверх — и инженер Порк поравнялся с ним.

— А, — засмеялся Порк, — это вы значит и есть знаменитый изобретатель Идитола? приятно познакомиться...

Океан валил вниз, в полукилометре под ними, свинец вод, украшая ровные спины валов вавилонями белых струй.

А эти ласточки нового мира неслись и неслись. Ральф с помертвевшим лицом и неловко приподнятыми руками, а Порк катил, как будто ехал в собственном автомобиле за город.

— Ну-с, — сказал он, — так вот... вы можете опустить руки. Так что же вы собираетесь делать и откуда вас несет нелегкая на этом вашем... гм: авто-зонтике?

Ральф попробовал изложить кто он, как это случилось и прочее.

Порк слушал, и наконец рассмеялся. Он задал ему несколько специальных вопросов и убедился, что его конкурент еще очень далек до постижения во всем объеме мощности «П-21». Порк решил взять его с собой. Малый пригодится. Но не тут то было. Ральф заупрямился. Он уже обошелся, пришел в себя, сообразил, что Порк прямого отношения к Осии не имеет, и тут вспомнил, что он анархист. Он начал сразу гнать Порку свои теории. Он должен поступить вот так-то и так-то. Идитол — если это Идитол — должен быть пущен именно на дело освобождения человечества. Порк посмотрел на него не без скуки, а когда ему надоела эта лекция об обезвреженном человечестве, он сказал ему без дальних слов, что он это может выслушать в дальнейшем, когда ему придет охота побредить, а теперь

предлагает ему следовать за ним. Но Ральф уже разошелся. Он горячился, убеждал, доказывал. И наконец Порк со злобой спросил его: понимает ли Ральф, что ему, Порку, стоит только захотеть и от этого Ральфа только дым пойдет?

Но только что Ральф раскрыл рот, чтобы сказать о ничтожестве грубой силы перед бастионами идеальных... только что он это собрался, — как оба они переглянулись с большим удивлением. Им, признаться, стало далее как то не по себе.

В пространстве чистого воздуха, под которым однообразно двигался океан, в безусловно пустом пространстве, где были только они двое, — совершенно отчетливо слышался голос, который, казалось, рождался из небытия вот тут, в воздухе, между ними (они летели рядом). Голос был какой то карликовый, в роде, как в телефоне, но вполне отчетливый и попятный, и сказал он следующее:

— Вы, инженер Порк, и вы, Ральф Родвиг! — я нагоню вас, я, — Эдвард Идитол, — и предлагаю вам прекратить эти детские препирательства. Я нагоню вас в четырнадцать минут...

И он затих.

— Что такое? — спросил Ральф у Порка, на котором, казалось, волосы двигаются от страха.

— Я вам сказал, кто я такой, — ответил голос.

Порк мигнул Ральфу, вытащил из кармана кредитный билет и быстро написал на нем: «Мы убежим, пересаживайтесь ко мне, я вам...»

— Я вижу, что вы пишете, — ответил на это голос.

62

Февари не капризничает

— Вы это сделаете, — сказала она прерывающимся голосом, — вы столько раз говорили, что вы меня любите,

попробуйте показать это на деле...

Февари мрачно рассматривал японскую вазочку, он заметил, что рисунок дракона довольно наивен, и у Хокусая...

— Хорошо, — сказал он, совершенно насупившись, — я сделаю это для вас, если не принимать во внимание, что это вещь совершенно невыполнимая.

Она попробовала взглянуть на него с презрением, — но Февари посмотрел на нее, и ему стало только жалко ее. Ему стало так горько, что и рассказать нельзя. Он так привязался к этой женщине, а теперь она предлагает ему эту несусазицу, и оказывается, оказывается... что ей он был нужен, как доказательство того только, что в таком деле не существует объективных критериев. А это ведь можно прочесть и у Ларусса!

Он повернулся и взял шляпу. Хорошо, он идет. Но понимает ли она, что из этого ровно ничего не может... Она заплакала. Он вышел, щипля себе щеку и сплевывая каждую минуту.

Он бежал по лестнице вниз и обратил внимание на то, что его ботинки стучат так, как должны стучать каблуки пожилого бухгалтера средней руки. Он поймал себя на том, что он старается не думать о происшедшем. А так он и вовсе ничего не сделает.

Целый день он носился по городу, этот Февари, из трамвая в экипаж, из экипажа в трамвай. Вдобавок у него было довольно мало денег. Она предлагала ему, совала в руку, но он не взял. Чорта ему в этих деньгах, — уж не из за них ли он полез в это дело!

Наконец, к вечеру он вышел из какой то конторы с ледащим человечком. Тот был прыщавый, противный и говорил тонким высоким голосом. Февари морщился и терпел.

Прыщавый пожимал плечами, разводил руками и смотрел на Февари не без сожаления. Февари смотрел вниз на тумбу и задавал краткие вопросы. Прыщавый жестикуляцией предлагал ему положиться на волю божью.

Они распростились. Февари постоял, покусал губы, пощипал щеку и несколько нерешительно пошел к трамваю. Потом посмотрел на часы, погримасничал в смысле, что —

делать нечего — уцепился за трамвай и унесся обратно к Дэзи.

63

Ральф Родвиг, Порк, Эдвард Идитол

Эдвард Идитол заставил их спуститься на маленьком островке, на котором не было ничего живого, если не считать водорослей на скалах скал, на островке, окруженном грядой мрачно ревущих бурунов. Эта была самая мертвая скала Тихого океана, если вы желаете знать: не больше трех квадратных километров поверхностью.

Он указал им этот островок, не показываясь еще, разговаривая с ними по этому ужасному Идитолическому телефону. Он не спорил, он приказывал, а они повиновались, как зачарованные.

Они опустились. Ветер свистел над островом. Они молчали и боялись двинуться. — Все равно этот дьявол все видит и слышит.

И вот на небе появилась маленькая точка, мчавшаяся к ним. Порк глянул на нее, отвернулся и сел на камень, охватив голову руками. Он до последней минуты надеялся, что это, может быть, не совсем в серьез, что эта нелепица не может осуществиться, что не может же человек... — но человек этот приближался.

Ральф уперся руками в скалу, нагнулся вперед и смотрел. В его виски бешено била лихорадка, мысли его путались. Он опустил на минуту голову вниз и когда поднял, то увидел, что над морем к ним несется в воздухе человек, просто — двигается вперед безо всякого аппарата, висит в воздухе и мчится — и мчится. Висит в воздухе прямо, несколько склонив голову от ветра, без шапки, волосы и полы пиджака протянуты назад по ветру, он сложил руки, охватив кистями бицепсы.

И через миг он опустился и пробежал вперед по скале, наклонив туловище назад, точно спрыгнул с трамвая на всем ходу.

Он стоял перед ними, рыжеватый блондин, рослый, широкоплечий, засунув руки в карманы, его светлые глаза впивались в них.

— Ага, — сказал он, — вы попались, голубчики. Вы Ральф Родвиг — вы мальчишка и ничего больше: ваш анархизм просто новый сорт мировой скорби, от желудка я полагаю. Бешенство филантропии... А вы, — он обратился к неподвижному Порку, — вы негодный торгаш и продажная душа, вы думали взорвать этого щенка, как рвали нефтяные вышки, чтобы ограбить честных людей. Молчите ка, любезнейший! Вы забыли обо мне — забыли, что мир раньше вас создал Эдварда Идитола, что он теперь владыка и повелитель этой планеты, и не вам, несчастный слесарь и громила, спорить со мной. Изложите ка мне, каким способом вы предпочитаете распрощаться с этой планетой, которая принадлежит мне, и никому другому, и который терпит существование остального, так называемого человечества просто потому, что ему некогда — и который вывернет планету наизнанку в тот день, когда окажется, что он пришел к пределу миропорядка. Молчите я вам говорю!

Ральф повернулся, с'ехал как то со скалы и сел внизу. Он уже ничего не понимал. Страх погони вернул ему силы на несколько часов, а теперь он чувствовал, что через минуту-другую перестанет все понимать. Он повернулся и лег на землю. Заснуть, заснуть и больше ничего. Лихорадка громко и отчетливо выколачивала пульс в камне, на который легла его голова, и он слышал, как эхо его пульса гремит по всему острову и раздается над пустыней океана. Уже в полусне он услышал, как к нему подошли, как сильная рука приподняла его голову, и чужой, незнакомый, но где то когда то — тысячу лет тому назад — слышанный голос сказал:

— Он умирает, этот мальчик, вы таки добились своего...

И Ральф ответил этому голосу, так как теперь то уж он

понял, кто с ним говорит и улыбнулся от этого.
— Только ты, Анни, не уходи от меня...

64

Февари делает все, что может

Анни была дома одна. Скоро должен был притти Гелл, да и сестра, наверно, не задержится. Позвонили. Она пошла открыть дверь, — это может быть Гелл. Нет, это был не Гелл, а хорошо одетая дама, у которой оказалось заплаканное и от этого несколько помятое лицо и молодой человек, который казался смущенным. Здесь живет господин Гелл? Да, но его нет дома. Они подождут.

Она провела их в столовую. Они сели. Скоро ли придет Гелл? Да, он должен сейчас вернуться. Молодой человек чувствовал себя не в своей тарелке и посматривал на стены. Она называла его Февари. Ей не терпелось. Она начала спрашивать Анни, может быть Анни будет так добра... А в чем дело? Не говорил ли Гелл чегонибудь про одного человека, который был арестован в Испании и на днях привезен сюда?.. Анни подумала, вспомнила, что какой то разговор в этом роде был, хоть и весьма таинственный, то есть Гелл, повидимому, не хотел этого выкладывать... и она решила промолчать. У Гелла такая профессия, что лучше держать язык за зубами. Нет, она не помнит ничего такого, а что это был за человек? Это... это... ее родственник... («ну, да, родственник!» подумала Анни), она должна его увидеть, но не может его найти, хотя знает, что он здесь. Его привезли третьего дня. Так как она знает, что никто кроме Гелла ей не может помочь ...

Звонок. Это Гелл, она знает по звонку. Она шепнула Геллу, что его дожидаются. Гелл обдернулся и принял серьезный вид.

Он пошел в комнату и поклонился своим гостям. Анни стояла сзади него.

Дама вскочила:

— Вы Гелл?

— К вашим услугам, сударыня.

— Вы провожали вчера из Нельской тюрьмы арестантов, вечером, последняя партия, шесть часов, их было четверо, вы их повезли в автомобиле...

Гелл взглянул на нее и сказал с расстановкой:

— Я ведь, сударыня, не могу рассказывать всем о моей службе.

— Ах, — сказала она, вытирая слезы, — чего вы там не можете! Сколько вы хотите за вашу новость — десять? тридцать? сто? — и она бросила деньги на стол.

Гелл налился кровью, взял деньги со стола и передал их Февари. Тот машинально взял и сунул себе в карман.

— Ну, что же, — почти кричала она, наступая на него, — скажете вы мне или нет? Есть у вас жалость к людям? Или вы продали ее за ваше несчастное жалованье? Так я вам могу дать больше, понимаете!

Гелл покачал головой. Он ничего не будет говорить, а деньги ее ему не нужны.

— Так то, — сказала она, — когда он вас нанимал целыми ротами и платил вам по царски, тогда вы умели брать эти деньги, его деньги! А когда человек попал в беду, в которую его всунули вот такие — в роде вас — вы и слышать о нем не хотите!

Гелл опять налился и, видимо, обозлился. В конце концов он у себя дома и...

— Чьи это деньги я брал, — спросил он, — о ком вы изволите говорить?

— Нечего притворяться, — крикнула она, — вы отлично знаете о ком я говорю: это Эпсор, директор Диггльс-банка!

Гелл почувствовал, что рука Анни у него на плече странно потяжелела. Но он тоже вошел в раж.

— И из за этого беглого кассира вы сказали мне, что я брал чужие деньги!

— Вы не смеете так, — и вдруг оборвавшись, — но неужели вы не видите, что вы убиваете меня?

— Я ничего вам хорошего о нем не могу сказать, имейте это в виду.

— Боже мой, — да говорите же во имя всего святого!

— Ну, так слушайте, если вы сами этого хотите: его застрелил вчера часовой, когда он пытался бежать, — ваш Эпсор в морге пересыльной тюрьмы!

Она бросила совершенно бессмысленный взгляд на Февари и сказала с достоинством:

— Февари,— этот человек ничего не знает, мы ошиблись. Идемте.

И упала на руки к художнику.

А Гелл никак не мог понять, почему Анни так отказывается и чуть не трясется, когда он ее просит помочь женщине, которой сделалось дурно.

65

Доклад союзу

Стифс стоял на трибуне и лицо его выражало полное удовольствие. Эге, его отпустили в Европу и сказали, что если уж ему так не можется, то он может врать все, что угодно, не касаясь некоторых частных. Он дал слово, что он их не коснется. Они добились своего там, в лаборатории. Осия был обращен в ничтожество и, как говорил Эвис с негритенком, обратился к чорту за утешением, ибо господь отверг его грабительские молитвы (ему будто бы так и было сказано самым главным мормоном, который на небе запросто). Поэтому теперь их исследования не составляют никакого секрета. И Стифс вернулся в Европу, пришел в союз, где его встретили, как воскресшего из мертвых, и сказал, что он все знает. Чуть не целую ночь рассказывал он им о проделках Осии и о великой войне его с Ован-Черри-Тринидад. Теперь он делает доклад об Идитоле. Зал набит народом. Это все своя публика, металлисты, они не пустили ни одного чужого, и ни одного газетчика от пред-

принимательской прессы. Пусть ка повернутся!

Председатель встал, показал собравшимся товарищам на Стифса. И объяснил, что это то и есть тот отчаянный человек, который уехал за океан поискать насчет Идитола и что он теперь выложит им всю историю, как на ладони.

Аудитория дружно захлопала. Стифс молодчина, он дельный малый.

Стифс рассказывал.

Идитол сконструирован в лучшем виде, товарищи, нами — работниками лаборатории синдиката Ован-Черри-Тринидад в Скалистых Горах. Товарищи знают, что он не такой человек, чтобы хвалиться зря, но он не может отказать себе в удовольствии рассказать им, что когда опыты начали налаживаться, то старый инженер прямо сказал ему, что его изыскания очень сильно помогли делу. Да, он так и сказал. Идитол изготовлен: — это некоторый состав горючего, он обладает особыми качествами, так как его, так сказать, физико-химическая сущность заключается не в том из чего он сделан, а в самом строении тех мельчайших частиц, из которых состоит вещество Идитола и которые, как всем известно, называются атомами. Он может быть употреблен на много различных целей, благодаря этому. Работы над Идитолом повели к установлению новых состояний вещества, над этим работала целая компания специалистов-физиков, работает и сейчас. Рассказы о том, что Идитол — взрывчатое вещество, суть не более, как детские сказки. Действительно, при приготовлении Идитола, получается промежуточный продукт, способный производить очень большие разрушения, но он неудобен для обращения, и это не есть Идитол. Не все еще закончено, но они на верном пути, и многое уже сделано. Построены чрезвычайно легкие, маленькие и дешевые двигатели, сконструирован летательный аппарат, который может нестись с ужасающей скоростью. Может быть, Идитол разрешит даже задачу междупланетных сообщений.

Но он скажет об этом подробнее в конце. Товарищам, конечно, интересно узнать, что было в Америке и почему провалилась начавшаяся революция. Он хотел бы об'яс-

нить, что собственно никакой революции и не было: — была война так сказать идитолистов с антиидитолистами, причем последние вербовались из биржевых отбросов и просто воров. Эта война естественно увлекла в свое течение и рабочих, так как она приняла формы и размеры настоящей войны. Все хорошие разговоры выросли на ситуации уже после. Война кончилась победой идитолистов, именно синдиката Ован-Черри-Тринидад, он разгромил в конце концов с помощью рабочих, заметьте, — банду жуликов, заваривших эту кровавую кашу, и довольно хорошо вознаградил товарищей за то, что им пришлось перенести, — если, конечно, считать, что деньги могут помочь тем, кто потерял родных и семьи.

За Идитолом охотились в Европе Диггльс-банк, который продан довольно быстро главе антиидитолистов, консорциуму Осии Лавуэрс, и который напал на след одного из изобретателей. У них ничего не вышло с этой слежкой, так как первый то изобретатель, именно тот, от которого и получил Идитол свое имя, Эдвард Идитол, вызвал при помощи своих аппаратов извержение вулкана и землетрясение на острове, где происходили переговоры о продаже изобретения. Но этот изобретатель, с которым имел дело Диггльс-банк, инженер Порк, успел спастись, как он спасся и раньше с парохода «Циклоп», взорванного тем же Эдвардом Идитолом. Таким образом Эдвард Идитол охотился за Порком, а за ними обоими охотятся: Диггльс-банк, Осия Лавуэрс, а также и наш синдикат через Большую Кредитную Ассоциацию.

Но оказывается и третий изобретатель: — это молодой человек, Ральф Родвиг, датчанин. Его открывает банк «Бразильский Флорин» и начинает охотиться и за ним. «Бразильский Флорин» упустил этого юношу, за которым кстати гонялась и полиция, уже не из-за Идитола, а за то, что Родвиг был членом активистской группы анархистов.

Банки подкупают друг у друга служащих, начинается сушая кутерьма, они ловят все, и Диггльс-банк, и Брафлор, и БКА, и Осию, и Ован-Черри-Тринидад и еще ряд более мелких банков, впоследствии примкнувших большою час-

тью к Осин, все они ловят неведомого изобретателя Идитола, нанимают целые полки сыщиков, поджигают и взрывают друг друга, устраивают друг у друга забастовки и почти революции. Они сбиваются постоянно с толку тем, что не могут установить, кого же они собственно ловят: — Эдварда, Порка или Родвига? И пока идет эта невероятная склока, синдикат Ован-Черри-Тринидад решает и совершенно резонно, как показало дальнейшее, что изобретателей несколько, что идея Идитола носится в воздухе, — а, следовательно, ее можно поймать. Ован-Черри-Тринидад собирает целую кучу физиков, инженеров, химиков, математиков, целый корпус ученого народа, одним словом, увозит эту публику в пустыню, снабжает их всем необходимым — и начинает правильную осаду Идитола; Идитол не выдержал, и месяц тому назад сдался на милость победителя. Он в наших руках.

Глупости и пустяки рассказывают те, кто думает, что Идитол может вызвать безработицу. Уже образованы грандиозные компании, уже строятся заводы для идитолических аппаратов, — и скоро для них потребуются масса народа, если не считать всех тех, что заняты сейчас на этих грандиозных постройках.

После этого с час еще объясняет им Стифс, что такое Идитол, как его можно использовать, что он принесет нам и прочее, и прочее.

Стифс сияет.

Он кончает свой доклад. Он кончил.

Председатель встает и говорит, что за поздним временем товарищ Стифс не сможет ответить на массу записок, которые он получил. Дискуссию перенесем на следующее заседание. Нет возражений?

Есть. Встает некто и просит с места дать ему слово для коротенького вопроса в порядке профессиональной дисциплины. Хорошо. Он имеет слово в порядке профессиональной дисциплины.

Он стоит там в глубине залы, внутри толпы. Все обращиваются к нему.

Он хотел сказать вот что. Товарищ Стифс нам все очень хорошо рассказал. Даже прекрасно. Видно, что его хорошо кормили в Америке, не то что нас здесь — это очень хорошо видно...

Председатель прерывает его.

Пусть говорит! — кричат с мест.

Председатель соглашается.

Так вот, его значит там здорово кормили. Товарищ Стифс, небось, забыл о том времени, когда сидел у нас в пекарне, да-с...

Стифс вскакивает. Он просил бы...

Председатель останавливает его. Он получит слово в свою очередь.

Это ведь не Америка с ее лабораториями, наша пекарня. Конечно, всякому хочется делать то, к чему он привык. Это он к тому и говорит, что он не обижается, когда видит, что Стифс уже забыл о социализме и стал опять питаться подачками буржуев, — он этому не удивляется, он это считает естественным. Сперва существование, а потом уже идеология. Это всякий знает. Он вот что только хотел спросить товарища инженера Стифса: а как же быть теперь со всемирной революцией?

Он садится на место.

Председатель встает и говорит среди всеобщего молчания:

— Товарищи, наше время истекает. Разрешите оставить этот вопрос открытым до будущего заседания?

66

**Да здравствует Ован-Черри-Тринидад,
непобедимый синдикат!**

Они делали первую пробную поездку на новом летательном идиотическом аппарате. С невероятной быстро-

той неслись они над морем, — ибо решили облететь мир, на что требовалось теперь всего неделю, а в дальнейшем дело будет идти и скорее. Они мчались трос: старший инженер лаборатории Ован-Черри-Тринидад и председатель синдиката мистер Эвис со своим невозможным негритенком. Они ехали превесело, так как неслись на такой высоте, откуда их и не увидишь, и им нечего было бояться столкнуться с каким-нибудь воздушным кораблем. Сидели себе в аппарате, мчались и весело проводили время, так как делать им было нечего — и они вели душеспасительный разговор о том, что будет на том свете с проклятущим Осией, кровопийцей и чортовой куклой. И важный инженер не мог не хихикать себе под нос, когда он слышал, какую они несли чепуху, Эвис и его черномазый приятель. А сверх того, они везли с собой недурную порцию рому. На троих — или двоих с половиной — этого было более чем достаточно. Поэтому они были в очень недурном настроении.

Вечером третьего дня Эвис сказал своему инженеру, что теперь бы самое время попробовать, как действует их взрывающий аппарат, который они везли с собой и держали в страшнейшем секрете. Они вытащили карту и наметили себе одно местечко в океане, где можно было безопасно провести этот опыт, так как там не было ни одной живой души. Кроме того это местечко лежит в стороне от пути судов. Так что они никого не потревожат и никто не пострадает. Им осталось уже совсем немного долететь, и они поднялись еще выше, так как не представляли себе точно, каково будет действие нового аппарата.

Но все таки они честно осмотрели в маленькие телескопы это местечко, каменный, скалистый островок. Никого и ничего не было видно. А инженер заметил, что и быть то там никого не может, так как весь островок в страшнейших бурунах, и к нему с океана ничем не подойти. На него только и можно, что с неба свалиться. Эвис поглядел в какой-то книжке. Эта самая мертвая скала Тихого океана, если вы желаете знать: не больше трех квадратных километров поверхностью.

Поднимемся еще повыше и приступим. Здесь нет свидетелей, нет кстати и этой дубины Стифса, дельного малого, но набитого по самый затылок социалистической чепухой.

Инженер опускает за борт их идитолического корабля свой аппарат, который представляет собой длинную коробку вороненой стали, у которой есть деревянный упор, который он приставляет себе к груди. Он перекидывает себе ремень за голову: таким образом аппарат держится у него на груди и руки у него свободны.

Инженер открывает сверху свою коробку. Маленькая крышка поворачивается и перед ним целый ряд рычажков и указателей, ну точь-в-точь, как у машиниста на паровозе, только в очень маленьком виде.

Инженер хмурится. Он выдвигает из коробки еще какую-то планочку, на которой прикреплена трубка. Он щелкает и в трубке загорается огонек.

Эвис внимательно следит за ним.

А их корабль, сам, без ухода, летает колесом над островком.

Они так высоко, что еслибы там и был кто, так он бы их нипочем не заметил.

Наконец Эвис придвигается к рулям и передвигает какие-то рычаги. Их идитолический аппарат останавливается — и неподвижно висит на страшной высоте, неподвижный, над маленьким островком Тихого океана, на котором никого не может быть, так как он окружен бурунами, и на него можно только свалиться с неба.

Инженер наклоняется, переводит стрелки, трогает рычажки, смотрит в трубку с огоньком. Еще рычажки. Колесики. Еще... готово!

Они наклоняются и смотрят вниз:

Они ничего не видят, так как снизу поднимается вверх целая пучина воды и пара. Огонь мелькает в дыме и воде.

Глухой грохот начинает долетать до них.

Он все усиливается, этот грохот, он оглушает их — он вроде как гром, когда молния падает около вас рядом.

Минут пять продолжается этот грохот.

Вода, пар, огонь, дым, камни, все бушует вместе. Колоссальные валы разбегаются по океану.

Все смолкает.

Пар стоит невероятной тучей, застилая им море.

Они спускаются. Они облетают тучу сбоку. Спускаются ниже ее. Из тучи льется проливной дождь.

Колоссальные валы бродят по океану, сталкиваясь и образуя пропасти и горы.

Никаких следов острова нет.

Он уничтожен.

Тогда Эвис и негритенок встают, оба на вытяжку, и орут, что есть силы, ровно и точно, буква в букву:

— Да здравствует Ован-Черри-Тринидад, непобедимый синдикат!

Москва, 1922 г.

Роман С. Боброва «Спецификация идитола» публикуется по первому книжному изданию (Берлин: Геликон, 1923) с сохранением авторской орфографии и пунктуации. В тексте исправлены некоторые очевидные опечатки. На авантитуле – обложка книги 1923 г. раб. Л. Козинцевой.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.